

А. Далгат

В огне
РЕВОЛЮЦИИ

ВОСПОМИНАНИЯ

2-е, дополненное издание

АЛЕФ

aleph

Махачкала – 2017

УДК 94(470)«1917»
ББК 63.3(2Рос-Даг)
Д-15

*Редактор Османов Г.Г.
Составитель Далгат Э.М.*

Далгат А.

Д-15 В огне революции. Воспоминания: 2-е, дополненное издание. – Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников), 2017. – 342 с.

ISBN 978-5-4242-0587-3

В книге воспоминаний А. Далгата описываются события революции и гражданской войны в Дагестане. Он показывает дагестанский аул в начале XX в., даёт его социальный срез. Ярко описаны участники борьбы за Советскую власть и их противники. Книга предназначена для всех интересующихся историей Дагестана.

ISBN 978-5-4242-0587-3

© Далгат А., 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мемуары Абдурагима Далгата, участника революционных событий в Дагестане, известного политического и общественного деятеля, предлагаемые читателю, представляют собой ценный источник по истории гражданской войны и интервенции на Северном Кавказе. События, о которых ведет речь автор, тесно переплетались со сложной геополитической обстановкой в стране, с обострением социальных, экономических, национальных, религиозных и других противоречий.

Этот период истории Дагестана недостаточно изучен и в настоящее время, он является актуальным и вызывает острые дискуссии. Тем более важно обратиться к таким источникам, каким является книга воспоминаний участника борьбы за советскую власть А. Далгата.

Автор книги образно показывает, что из себя представляли дагестанский аул, город, «урахинская верхушка», сельская интеллигенция в начале XX в., как менялась политическая обстановка в крае под влиянием революционных событий в России. Герои воспоминаний Абдурагима Далгата – это не только революционеры – большевики, социал-демократы, – М. Дахадаев, У. Буйнакский, Гамид и Магомед Далгаты, А. Тахо-Годи и др., но и представители противоположного лагеря – Л. Бичерахов, А. Деникин, А. Кязим-бей и др., а также лидеры клерикального толка – имам Н. Гоцинский, шейх Али-Гаджи Акушинский и др. Это была сложная эпоха, но автор в своей работе сумел воссоздать объективную историю гражданской войны в Дагестане.

Написана книга интересно, живым языком, несмотря на строгий советский научный и литературный ценз, без шаблонов и клише. Абдурагиму Далгату удалось отобразить своеобразие военно-политической обстановки в Дагестане на фоне революционных событий в России и на Кавказе.

Мемуары, изданные в 1960 г., не потеряли актуальности и с интересом читаются в год столетия Великой русской революции.

Эмирова М.Н.,
проф. Даггоспедуниверситета.

ОТ АВТОРА

Главная задача, предлагаемой вниманию читателя книги воспоминаний – дать картину борьбы трудящихся Дагестана за Советскую власть под руководством партии большевиков, показать, как с помощью русского рабочего класса и героической Красной Армии в огне гражданской войны, трудящиеся горцы одолели внутренних и внешних врагов, и приобщились к великой семье народов, ставших на путь социалистического развития.

Одновременно мне хотелось еще раз показать нашему молодому счастливому поколению безрадостное прошлое предков, их героическую борьбу за новую достойную человека жизнь. Если в какой-то мере мне удалось это, буду считать, что достиг поставленной цели.

В своих суждениях о героических делах трудящихся Дагестана, при описании и оценке исторических событий, роли политических организаций и отдельных лиц в этих событиях, мне хотелось быть совершенно свободным от постороннего влияния, изложить события так, как они сохранились в памяти. Поэтому, за редким исключением, я не пользовался другими трудами, архивными документами, воспоминаниями участников.

Рассказывая об исторических делах, участником которых был сам, я не мог ограничиться голым изложением факта, потому что я боролся, знал, за что боролся, разбирался в происходящем, и сейчас, вспоминая прошлое, не могу не давать оценки событиям. Если что не так, товарищи историки поправят ошибки.

И последнее: в книге, я намеренно упоминал огромное количество имен представителей революционного актива дагестанского аула, который вынес на своих плечах главную тяжесть борьбы за власть Советов. К сожалению, до сих пор имена многих из этих людей – вожаков трудо-

вых масс – остаются забытыми, и вся история гражданской войны в Дагестане собирается вокруг определенной группы лиц, в той или иной степени игравших руководящую роль. Этот большой пробел надо быстро и решительно исправить. Надеюсь, что мой труд в какой-то мере поможет историкам в осуществлении этой благородной задачи.

А. Далгат

Часть первая

СТАРЫЙ АУЛ

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

Племена даргинцев еще в глубокую старину были объединены в союзы и общества. Отдельные крупные аулы собирали вокруг себя целые районы поселений более близких им соплеменников, говорящих на одном, общем для них диалекте даргинского языка. Восточных даргинцев объединял Урахи, западных – Цудахар, средних – Акуша, верхнедаргинцев – Усиша, муэринцев – Уркарах. Особняком стояли такие крупные аулы, как Губдень, Кадар, расположенные на территориях, граничащих с землями кумыкских княжеств.

Восточnodаргинские поселения, сплоченные вокруг Урахи и говорящие на урахинском диалекте, граничили с землями Кайтагского уцмья и Шамхала Тарковского и составляли союз Каба-Дарго и выставляли одно войско, называемое «Урахинское войско».

Вместе с другими обществами даргинцев и другими народами Дагестана Урахинский союз постоянно боролся с иноземными захватчиками. В песнях урахинцев и ныне упоминаются сражения с персидским Шах-Абассом, Ширван-Шахом, Надир-шахом. Упоминаются бои под Дербентом, Самуром, Сулаком, Индреем, Тарками, Аксаем, воспеваются герои этих боев.

В Урахинский союз, или Каба-Дарго входили аулы: Урахи, Бурдеки, Кичи Гамри, Маммаул, Урхана, Мургук,

Мугри, Сираги, Герга, Мулебки, Ванаши-махи, Аймаумахи, Цураи, Цизгари, Бускри, Викри. Все аулы этого союза во всех своих делах ориентировались на Урахи, следовали обычаям и традициям, установленным этим аулом. В вопросах войны и мира, во внешних отношениях, при разборе земельных споров – во всех важнейших вопросах решение Урахинского джамаата являлось обязательным для Совета Старейшин всего Урахинского Союза. В период распространения ислама и начала господства шариата и института кадиев, решения урахинского кадия были обязательны для всех аулов Союза и кадиями в эти аулы в большинстве случаев назначались урахинцы. В результате непрерывных сражений с войсками интервентов, в борьбе с местными феодалами, под Дербентом, Самуром, Уллу-Чаем и так далее, обескровленный, потерявший лучших сынов своих, этот когда-то крепко сцементированный урахинский союз ослаб и распался. Об этом имелись записи в больших «рагамах» – летописях, до первой империалистической войны хранившихся в урахинской мечети. Согласно этим летописям последняя попытка урахинцев восстановить союз под своим главенством была предпринята в связи с походами Шамиля на даргинцев, но она не увенчалась успехом.

В урахинских летописях описана семилетняя война между урахинцами и остальными даргинцами.

Аул Урахи был окружен крепостной стеной с семью воротами – три в Верхнем ауле, четыре в Нижнем. Их следы кое-где сохранились и поныне. В башнях у каждого ворот постоянно, безотлучно дежурили кровники. Они были изгнаны на определенный срок из аула за убийство, а теперь постановлением джамаата призваны в родной аул для несения караула на башнях. Кровники никуда не имели права отлучаться, даже к себе домой. Категорически запрещалось убивать их, за убийство призванного обществом в аул кровника виновного закидывали камнями.

ми так же, как женщин, уличенных в прелюбодеянии. Число сторожей-кровников равнялось полсотне.

Урахинскому обществу издавна принадлежали неизвестно когда и как захваченные ими, далекие от них пастбищные горы в районе селений Усиша – Дигбук – Муги. Верхнедаргинские общества постоянно претендовали на эти земли и на этой почве между урахинцами и остальными даргинскими обществами происходили стычки, которые использовались в своих целях соседними феодалами. Претензии верхнедаргинцев поддерживал их влиятельный сосед Казикумухский хан, Хайдакский уцмий в этом споре поддерживал урахинцев.

После попытки верхнедаргинцев силой захватить горы, началась война. Первая схватка произошла на горе Туманар-дувура одной из семи возвышенностей, оспариваемых верхнедаргинцами. Урахинцы отстояли горы, оставили там своих пастухов и охрану. Тогда верхнедаргинские общества решили предъявить урахинцам ультиматум – уплатить «алум-дият» за убитых и раненых в схватке на Туманар горе. Урахинцы отвергли это требование и совет старейшин верхнедаргинцев вынес постановление, подтвержденное и главным духовным лицом – акушинским кадием – напасть на самый аул Урахи и взять «кисас» – возмездие.

Так началась долгая, кровопролитная, тяжелая для урахинцев война.

Даргинцы выжидали, пока начнут созревать хлеба и тогда выступали громадной армией, осаждали Урахи и сжигали на корню весь урожай хлеба. Вылазки осажденных урахинцев для спасения хлеба не помогали – стихия пожара бушевала везде, и противник подавлял смельчаков своей численностью. Тем не менее, осажденные, особенно по ночам, делали частые вылазки и это, собственно, и спасало аул.

Семь лет подряд осаждали Урахи и жгли на корню хлеба.

Старинные друзья урахинцев хайдакцы, мюрегинцы, гамринцы и другие восточно-даргинские села, раньше объединенные вокруг Урахи, а также соседи – кумыки-баршлинцы, утемышцы оказывали помощь аулу хлебом в момент осады и после ее снятия. Но людей эти аулы не давали, потому что урахинцы не просили, – негде было разместить, аул и так был очень плотно заселен.

Старики передавали, как они, возвращаясь с плоскости с мешочком муки на плечах и заслышав на перевале «Ховрела-ков» выстрелы, бросали в кусты драгоценную ношу и бежали к осажденному аулу.

В одну из последних осад урахинцы заранее успели вывезти из аула всех женщин и детей и укрыть их в лесу, на горе «Уркакарла-вах», в нескольких километрах от аула. С высокого скального обрыва этой горы как на ладони виден аул. В осажденном ауле остались старики и старухи для подачи воды сражающимся. Четырнадцать дней длилась осада. У стен шли рукопашные схватки. Противники переговаривались, ругались, угрожали друг другу, вновь вступали в бой. Все эти подробности еще свежо сохранились в памяти народа. Война происходила в начале 19 века.

У осажденных создалось тяжелое положение с водой, потому что река, протекавшая перед самым аулом, была за крепостной стеной. Жажда заставляла урахинцев делать частые вылазки. Поэтому к концу второй недели осады самые массовые и ожесточенные схватки происходили вдоль реки в Нижнем ауле.

Противник, пользуясь своей многочисленностью, в самый острый момент боев у Нижнего аула, атаковал менее защищенный естественными преградами Верхний аул. Осаждавшие прорвались к старинным кладбищам, находящимся в черте села. Момент был критический. Создалась реальная угроза поражения.

Прорвавшийся противник массой хлынул в верхний аул. Тяжелораненые урахинцы были собраны в одно ме-

сто, на площадку над высокими скалами, разделяющими Верхний и Нижний аулы, на том месте, где ныне стоит здание бывшей джума-мечети. Услыхав шум битвы в самом ауле и, не желая попасть в руки врагов, раненые стали просить старух, подававших им воду, сбросить их со скал. В такой критический момент одна из них проявила большую находчивость. Рослая в белом покрывале старуха, по имени Ахсе-Дадай, схватила белого петуха, подбежала к краю обрыва и сбросила его в пропасть. Перепуганная птица, отчаянно хлопая крыльями и издавая странные звуки, на какой-то миг повисла в воздухе, затем камнем полетела вниз. Полет петуха и высокая белая фигура на скале невольно привлекли внимание схватившихся в рукопашную в Нижнем ауле. Шум боя смолк. Воспользовавшись этим, старуха прокричала высоким голосом:

– Слушайте меня, э-э-эй батыри Нижнего аула! Бейте крепче врага! Из Верхнего аула вся Дарго бежит! Батыри Верхнего аула преследуют их! Соревнуйтесь в храбрости!

А в этот момент на улицах и домах Верхнего аула шли отчаянные схватки с прорвавшимся в аул противником.

Защитники Нижнего аула, услышав, что в Верхнем ауле враг бежит, последними силами надели на противника. Осаждающие также слышали слова старухи. Их смутило известие об отступлении своих войск от Верхнего аула. Они растерялись и стали отбегать от стен и подниматься по противоположному склону горы, уходя прочь от Нижнего аула. А прорвавшиеся в Верхний аул в свою очередь увидели, как их товарищи отступают от Нижнего аула и решили, что теперь сражение все равно проиграно и стали уходить из Верхнего аула, отбиваясь от окрыленных неожиданным и непонятым успехом верхнеаульцев.

Так была отбита последняя, хорошо продуманная, яростная атака верхнедаргинских войск на Урахи.

– Даже мертвые встают из гроба и дерутся у них! – осталась поговорка у даргинцев об урахинцах, после этих сражений.

В свое время Рим спасли гуси, а Урахи спас петух. Масштабы разные, но сравнение верное.

В Акуша собрались представители обеих враждующих сторон и маслаатчики из Кумуха, Чоха, Буйнакса. Кадий Табасаранский и другие почетные лица устроили судилище. Было вынесено решение суда маслаата о переходе урахинских гор к даргинским обществам, расположенным вокруг них, как неправильно захваченные в старину урахинцами. С этим решением представители Урахи не согласились. Тогда решили передать вопрос шариатскому суду. Последний, в составе семи кадиев, вынес решение отобрать у урахинцев и передать верхнедаргинским аулам спорные горы в счет дията за убитых и раненых, число которых превышало потери урахинцев. С этим решением пришлось примириться. Так закончилась семилетняя война.

Результаты этой войны сказывались в отношениях урахинцев и многих даргинцев вплоть до Великой Октябрьской революции. А горы эти были переименованы и до сих пор носят название «Даргола-дувурти» – горы даргинцев.

Предание рассказывает и о другом таком же случае, когда урахинцы попали в тяжелое положение. Сейчас утеряна нить кто это были – полчища ли железного хромца Темирлана, Ширван-шахов или других захватчиков, но предание осталось.

С юго-востока на Урахи шла карательная экспедиция – большие отряды вражеских войск. Молодых женщин и девиц урахинцы угнали на те же высоты Уркакарлавах, где позже прятали их при нашествиях даргинцев. Стариков и детей оставили в ауле. Джамаат вынес решение защищать аул до последнего человека. А молодым женщинам и девушкам, укrywшимся на скалах, было при-

казано броситься со скал в пропасть, если аул будет взят врагом.

На самой высокой точке аула сложили большой стог снопов и приставили к нему трех самых почтенных старейшин аула. В их задачу входило – в случае нападения на аул и гибели всех его защитников, поджечь стог и самим броситься в огонь. Горящий стог был сигналом для укрывшихся на горе женщин о падении аула. Когда взойдет пламя над родными очагами, они должны были броситься в пропасть.

Большие силы противника с ходу вторглись в аул на окраине, носящей название Арзи, опрокинув урахинцев. В прорыв бросилась и конница, которая рассыпалась по аулу. Пошла рукопашная на улицах, на крышах. Враги добрались до Верхнего аула.

Решив, что пришел всему конец, трое старцев начали поджигать снопы, но огонь плохо разгорался – прошлогодние снопы отсырели и погода была сырая. Завидев дым в ауле, женщины собрались и выстроились у края пропасти. В передних рядах – жены, в задних – девушки. Никто не плакал, многие зажмурили глаза от страха, но отказаться от выполнения долга никто из них не мог. Более старшие хором запели предсмертную песню, оплакивая погибших отцов, братьев, мужей, растоптанный врагами родной аул и себя. Утверждают, что эта песня отчаяния была слышна в ауле.

То ли это подействовало на защитников аула, то ли враг устал и ослаб – сопротивление урахинцев усилилось. Теперь дрались и тяжелораненые, дрались старики, старухи, подростки – кто чем и как мог. Знали, что враг беспощаден, все равно в живых никого не оставит. Заиграли невиданные боевые сирены, разносившие эхо по окрестным горам, и вражеская армия, на ходу отбиваясь, стала поспешно отступать вниз по долине.

Старцы, которым так и не удалось разжечь костер, начали тушить тлеющие снопы. Жены и девушки, приго-

товившиеся к смерти, так и не дождались пламени огня и, не будучи уверены в гибели аула, застыли на краю скал. Прекращение дыма вывело их из мертвого оцепенения. Наконец, несчастные поняли, что они спасены. С трудом переходя через глубокий ров, защищавший высоты с северо-восточной стороны, через лес побежали они вниз к родному аулу, торопясь узнать кто погиб, кто еще жив.

История Урахи – богатая история. В старину жизнь урахинцев, как и всех дагестанцев, проходила в частых войнах, походах, стычках. Воевали и с иноземными захватчиками, и с местными народами, воевали с соплеменниками и соседями.

Вот еще одно из такого рода многочисленных событий.

Небольшое селение Бускри решило отколоться от муэринского союза, во главе которого стоял большой аул Уркарах, и войти в Урахинское объединение. От Урахи Бускри находится на расстоянии тридцати километров и тем не менее урахинцы решили включить это село в орбиту своего влияния. На этой почве разгорелась жестокая война между Урахи и Уркарахом. Урахинское войско выступило в поход и приблизилось к Уркараxu на расстояние двух-трех километров. Здесь их встретили уркарахцы. Началось сражение. Об этих боях и до сих пор в народе осталась память, передаются подробности битвы, сохранились песни. В одной из них, например, поется:

На тех Уркарахских горах
Туман или марево?
На Уркарахских горах
Не туман, не марево,
А кинжальный блеск.
То Уркарахские батыри
И Урахинские багадуры
В рукопашную схватились.

Три дня продолжались сражения. Противники стояли на двух противоположных гребнях, между которыми пролегла глубокая лощина с родником. В этой лощине сходились в рукопашную и опять возвращались на исходные позиции.

Как-то урахинский воин по имени Гасан-Али ночью спустился к роднику с кувшином в руках и натолкнулся на уркарахского воина, тоже пришедшего за водой. Они совершили омовение, утолили жажду. После этого Гасан-Али обратился к уркарахцу:

– Теперь, брат мой, давай биться! Нет у меня желания тебя убивать, но не могу вернуться к своим, оставив в живых встречного душмана!

– Давай, брат! И я так думаю, – ответил уркарахский воин, обнажая свой кинжал.

Воины взялись за левые руки, а правыми стали наносить удары метровыми кинжалами. Так, не сходя с места, оба и умерли. На следующий день к закату солнца, когда обескровленные, усталые воины обеих сторон отдыхали на своих исходных позициях, с верхней стороны гор, обогнув стоянку уркарахского войска, размахивая над головой блестящим кинжалом, появилась женщина. Она была молода, красива, волосы ее развевались по ветру. Девушка держала путь прямо на лагерь урахинцев и, рыдая, пела:

–Эй, урахинские багадуры! Почему вы убили моего честного отца?! Почему убили вы единоутробного брата моего, лучшего батыра нашей земли?! Почему убили вы моего любимого жениха, нарта нашего аула?! Почему вы так жестоко поступили со мной?! Теперь смотрите на меня, как я буду мстить за них! Берите и мою жизнь, она мне не нужна, но и вы падете от моей руки!

Распевая эту песню, с горящими безумием глазами, она бросилась в самую гущу воинов. Пораженные и расстроганые словами ее песни, люди отбегали в стороны, а она гонялась то за одним, то за другим. У воинов не под-

нималась рука на женщину и в первый момент они не знали, что делать. Но вскоре девушку сбили с ног и связали.

В тот же день урахинцы послали парламентаров, открыли переговоры и, заключив перемирие, ночью ушли в горы, увозя своих раненых. Говорят, что горе потерявшей рассудок девушки так сильно подействовало на них, что они не захотели дольше драться. Но девушку не отпустили, ее привезли в Урахи и поместили в дом Урахинского кадия. Вскоре девушка пришла в себя, но когда хотели передать ее представителям Уркараха, отказалась идти в родной аул. В другое место ее не пускали урахинцы. Весь аул оберегал ее.

Несчастливая женщина несколько лет прожила в Урахи, целыми днями уставившись отчужденным бессмысленным взглядом в сторону Уркарахских гор, и убежала в неизвестном направлении.

УТРО АУЛА

Рассвет наступает быстро. Утренний прозрачный воздух струится бодрящими, чудесными запахами ранней весны. Все напоено их ароматом. Житель гор по привычке отмечает в своем сознании этот период обновления природы. Ночь коротка, но он раньше обычного вскакивает с постели, взбирается на плоскую крышу сакли и, стараясь определить срок приближающихся весенних работ, пристально всматривается вдаль, на вершины гор, из-за которых должно выглянуть весеннее солнце. Опытный крестьянин-урахинец знает: если оно покажется над «желтыми камнями» – значит время пахать.

Сегодня утро особенно пригожее, ясное. Из-за ближайшего, увенчанного сплошными скалами хребта медленно выплывает багровый диск солнца. Красноватые, еще неяркие лучи его осветили высокие скалы, разделя-

ющие на две части большой аул, и заиграли на зубцах старинной сторожевой башни «Хала-Кала», гордо нависшей над пропастью перед селением. На горных тропах, ведущих к аулу, показались пестрые толпы людей – то жители соседних хуторов и сел идут на урахинский базар.

Урахи раскинулся на крутом южном склоне горы, упираясь в самое ущелье, по которому, перекатывая по белым голышам пенистые волны и оглашая воздух причудливыми звуками своей неповторимой симфонии, весело бежит горная речка. Сразу же от реки, напротив аула, покрытый лесом северный склон соседней горы, по которой спускается крутая дорога. Сегодня она, так же как и другие подступы к селу, заполнена конными. пешими – люди идут сплошным потоком, спешат на большой урахинский базар.

Впереди выступает группа крестьян из Герга. Мужчины шагают налегке. Только у одного из них руки заняты: осторожно держит в руках чугур. Он несет его продавать. Латаная одежда, загорелые истощенные лица, огрубевшие руки свидетельствуют, что нелегко им живется в родных горах.

Женщины, сбившись в кучу, шагают за ними. Одеты они в свои лучшие наряды, но этот праздничный наряд не ласкает глаз – он беден и выдержан в черных тонах. Идут женщины сгорбившись, почти у всех за спиной тугие мешки или перекинутые через плечо хурджины. Старая Ханза тоже не хочет отставать от других. Задолго до рассвета, раньше соседей, вышла она из родного аула и вместе с внучкой плелась в темноте по нависшим над крутыми обрывами тропинкам, чтобы вовремя попасть на базар. У Ханзы нет семьи, она потеряла ее давно, мужа привезли мертвым из Таркама, куда он ходил жать чужие хлеба. Взрослый сын на глазах у матери буквально высох и умер от неизвестной болезни. А от единственной дочери осталась вот эта, такая же хилая, как мать, внучка. Она была единственной радостью в жизни старой Ханзы. На базар

сегодня торопится она по важному делу – хочет купить себе на саван кусок бязи.

Было время, – размышляет старуха, тяжело ступая по камням, – когда она молодая, цветущая, красивая, в пышном черном платье, в ярком платке поверх темного чава¹, бодрая и довольная жизнью, вот так, как сейчас, но не с внучкой, а с молодым и смелым мужем, ходила на большой базар на виду всего урахинского джамаата и по этой же дороге спускалась к аулу. А сейчас вот ее срок приближается, и она должна в конце-концов последовать за мужем и сыном, слишком рано покинувшими ее. Нужда и недостаток заставляли откладывать покупку савана, но больше откладывать нельзя – Ханза чувствует, что долго не протянет. А кто ее окутает после смерти в саван, если сама не приготовит его? На одном конце старого чава в крепкий узел завязаны, приготовленные на покупку бязи шесть продырявленных серебряных рублей – половина ожерелья, когда-то подаренного ей матерью. Другая половина ожерелья – тоже шесть таких же старинных монет – Ханза оставила дома – семейная реликвия хотя бы в общипанном виде должна перейти к внучке.

Рядом со старухой, с младенцем в руках, идет совсем молоденькая, похожая на подростка, мать. Ее хрупкая фигура окутана в белое чава. На ногах маленькие кожаные калоши. Черные, как смоль, волосы заключены в засаленный длинный чехол – чутка. Толстая серебряная цепь, пришитая к ней, окаймляет бронзового цвета широкий лоб. Черты лица молодой женщины правильной формы, крупные, глаза большие, немного грустные. Но иногда тонкие губы ее расплываются в лукавой улыбке, обнажая два ряда маленьких белых, перламутровых зубов, в глазах появляется озорной огонек, выдавал скрытые под внешним равнодушием женскую прелесть и красоту, молодость и энергию, жажду жизни.

¹ Чава – предмет женского туалета.

В следующей группе идут мулебкинки. Эти жизнерадостные женщины, несмотря ни на какие трудности, всегда очень остроумны, веселы. В засаленной овчиной шубе, вернее в накидке, прикрывающей только плечи и спину, с висячими для украшения длинными рукавами, впереди остальных важно выступает жена мангуша¹. Она рассказывает подругам:

– Старая история: наш будун², недавно взявший вторую жену, в последнее время стал путать постели и все чаще попадал к младшей. А по шариату, вы же знаете, полагается бывать по очереди. Вот и судите сами, где правда? Сам будун не признает пути шариата. Двадцать лет верной женой была ему старая Ашура. Но тут ревность помutilа ум бедной женщины. Ночью она окатила водой спящего с молодой женой мужа и убежала. Ашура, кажется, решила больше не возвращаться домой. Хорошо, что хоть детей не имеет несчастная.

Передняя группа крестьян подошла к реке. Взяв на руки упиравшихся козлят и прыгая по каменным валунам, они переходили ее, когда сзади подъехало двое верховых. Передний тяжело восседал на жеребой кобыле. Покрытой черной материей барашковой шубе и лоснящейся физиономии в нем можно было угадать барановода. Хлестнув ногойкой приостановившуюся в речке кобылу, всадник обратился к старику, в руках которого был большой чугур.

– Ва-а, Салих! Ты зачем так бережно несешь этот пустоголовый предмет? Он ведь годится только для засыпки ячменя в стойло лошади. Не верно, разве, я говорю?

Салих, не торопясь, перебрался на тот берег реки, секунду призадумался.

– Да, мой чугур пустоголовый, это верно, – ответил он насмешнику, – но в руках бедного певца он может за-

¹ Мангуш – глашатай.

² Будун – представитель мусульманского духовенства.

говорить как живой, зато иные пустоголовые люди не умеют разговаривать человеческим языком.

До всадника не сразу дошла насмешка известного мастера – чунгуриста, а когда понял, растерянно оглядел улыбающихся спутников Салиха.

Оглашая воздух громкими приветствиями, с разных сторон входили люди в село. Их было много – нельзя пропустить большой базар, даже если нечего продать или купить. Так заведено давно. На базар шли как на праздник. Там можно не только купить и продать, но услышать много новостей, повидать друзей, высмотреть новую хозяйку дома – подходящую вдовушку и многое другое.

Были и такие, которые собирались чем-нибудь поторговать: продать десяток яиц и купить несколько пачек махорки, обменять горшок масла на бязь для штанов, сах ячменя – на полсаха сушеных яблок, годовалого бычка – на три меры проса и т.д. Каждый аул специализировался в поставке определенных товаров. Так, гергинцы торговали в основном молочными продуктами, вениками, медом; мулебкинцы продавали откормленных баранов, чугуры, сушеное мясо, курдюки, шкуры, морковь; мургухинцы и гамринцы – буйволы, зерно, ягоды, дикие фрукты, травы; мекегинцы, бурдехинцы, мугринцы – скот, овец; многочисленные урахинские хутора – деревянные и шорные изделия, музыкальные инструменты, картошку, скот, бакалею, мануфактуру. Отдаленные аулы – Акуша, Цудухар, Ходжал-Махи, Мюрего, Карбук, Уркарах, Балкар привозили железные изделия, бурки, самотканное сукно, глиняную посуду, шемаханские шелка, лошадей, фрукты.

Каждый пришелец имел в ауле кунака, равного по положению: бедняк – бедняка, состоятельный – зажиточного, мулла – кадия, муталим – будуна.

Как бурная река в волнах моря, рассыпавшись по домам, исчезали эти потоки в большом ауле и через короткое время вновь заполняли улицы. Теперь их становилось еще больше – присоединялись идущие на базар урахинцы.

ПАСТУХИ

Пастуху Кичигу не более двадцати лет. Плотная, невысокая фигура его свидетельствовала о силе и энергии. Он шел легко, плавно – походкой характерной для жителей этих лесистых предгорий. Кичиг – решительный и смелый молодой человек. Черты его лица правильные, не крупные. Тонкие, готовые расплыться в улыбке губы, добродушный и немного лукавый взгляд светлых глаз внушали доверие.

В рыжей облезлой заячьей шапке, в сотни раз латаной неизвестно из чего сделанной накидке, со старой полосатой сумой на боку, став у перекрестка узких улиц, поименно окликал он хозяек. Кичиг старался быть вежливым. Буйволицы принадлежали состоятельным людям, а с ними надо было быть осторожным, нельзя себе позволять покрикивать на них. Другое дело хозяйки коров. С ними он чувствует себя проще, повздорит, если задерживают плату, и пошутит, когда очередная хозяйка положит в его торбу дневной харч или хорошо угостит вечером.

Смешанные гурты коров и буйволиц верхнеаульцев спускались по краю села, а у нижней окраины у низких скал Кичиг подгонял отставших буйволов.

– Вай, Кичиг! – окликнул его высокий и одетый в грязный, лоснящийся от жира, старый бешмет, богатея аула Амир-Чупан. – Разве ты не доволен своей участью пастуха? Где ты найдешь кусок хлеба, если мы прогоним тебя? Или зайчатины стало много у отца?

Кичиг крепко сжал зубы. Он хорошо знал Чупана, знал его жадность, грубость; от него можно было всегда ожидать обидное слово. Но сегодня Кичиг возмутился больше обычного – богатея явно издевался над его бедностью.

Верно, отец Кичига охотник-промысловик. Но Омар стал охотником по нужде. С таким же успехом он мог пойти и по другому пути, но случай помог избрать эту про-

фессию. У Омара не было ни клочка земли. С малых лет он батрачил у людей, был пастухом, испытал много обид, переселялся в богатый хлебом Таркама, но и там жизнь бедняка оказалась не слаще. С голодными ребятишками и больной женой вернулся переселенец в родной аул. Отчаявшийся человек дал клятву не идти больше в ба-траки и с ржавой отцовской кремневкой пошел охотиться. Горы лесистые, дичи много и скоро Омар стал известным профессиональным охотником. Дети его уже не голодали. Сыновья выросли, старшего кое-как женил, а младший Кичиг стал пастухом, пасет общественное стадо.

Кичиг был аккуратен, коровы и даже буйволицы с пастбища всегда возвращались сытыми; ни одно животное не пропало из стада. Лишь один раз зачумленный одинокий волк растерзал телку его же одноквартильца.

– Ничего, брат Кичиг, не огорчайся! – сказал ему тогда Усман, – бедный человек на общественном сходе бывает в сторонке, его корова в стаде тоже держится с краю. Потому и волк берет ее первым. Так было суждено и мне. У меня ничего больше нет, но не потребую возмещения убытка, знаю, что тебе тоже нечем уплатить.

А ведь по непреложным законам адата Усман мог предъявить пастуху иск. Но он не воспользовался своим правом.

Все это быстро пронеслось в голове Кичига, и он невольно сравнил Усмана и этого барановода Амир-Чупана. Сердце его сжалось от обиды. «Эх! был бы он мне ровесник», – подумал Кичиг. Но Амир-Чупан был стар и пастух, с большим усилием сдерживая себя, ответил обидчику:

– Отец, зачем оскорбляешь? Ведь я ничего плохого не сделал тебе?!

– Как не сделал?! А знаешь ли ты, что мой буйвол захромал? Это ты подбил ему ногу! – заорал старик.

– Ай! Чтобы твой дом наполнился пшеницей, – все тем же сдержанным тоном отвечал Кичиг, – ты ошиба-

ешься, почтенный. Буйвол охромел дома, с пастьбы я его пригнал здоровым. Вот идет Мурчаали, может подтвердить это. Не оскорбляй меня напрасно!

Рядом с Кичигом, опершись на толстую палку и растопырив длинные мускулистые ноги, встал старый опытный пастух Мурчаали. Рослую и гибкую фигуру его скрывало рыже-бурого цвета бурочное полупальто со множеством латок из кожи, разноцветной материи, кусков парчи; на ногах сыромятные поршни и выцветшие холщевые обмотки. Лохматая, с крытым верхом, большая шапка всегда откинута на затылок, показывая высокий, сильно морщинистый лоб и бритую, с седеющими висками голову. Бешмета на нем нет. Пальто одето на белье из сурового домотканного холста. Мурчаали прошел трудный путь: все детство и юность провел он на кумыкской плоскости. Много конюшен и хлебов очистил этот горец от навоза, много дней под палящими лучами солнца трудился на чужих полях. Первые девять лет ему не платили ни гроша – работал за черствый кусок хлеба. И отец и мать за это время умерли.

Вернувшись домой, Мурчаали женился, стал отцом нескольких ребятишек. Жить становилось все труднее. Выручил подрядчик Багомад: завербовал на сезонные работы по ремонту железнодорожного полотна где-то на Северном Кавказе и дал немного заработать. С тех пор несколько лет подряд нанимался Мурчаали к Багомаду. Но однажды попал в беду: желая предотвратить крушение быстро мчащегося поезда, уперся о тележку со шпалами, которую он гнал по путям, и надорвал спину. И вот уже два года с тех пор он пасет общественное стадо Верхнего аула.

– Я слышал, Амир-Чупан, твою речь, – неторопясь, четко заговорил он. – Теперь послушай-ка меня. Помнишь, прошлый год я пас ваши стада, ты платил мне вместо пшеничной муки ячменные отруби, а однажды и вовсе ничего не хотел давать за пастьбу в течение целого лета

трех твоих буйволов и двух коров. А сейчас ты собираешься лишить бедного человека не только куска хлеба, но и заячьего мяса. Я не знал, что и лесные звери принадлежат тебе! Аллах иногда ошибается, раздавая богатства. Именно поэтому я и перестал верить в его справедливость. Твое добро должно бы принадлежать Кичигу!

Амир-Чупан задрожал от бешенства.

– Так значит мое добро следует, говоришь, отдать вам?! – закричал он, приняв воинственную позу и делая вид наступающего.

– Ай-хай! Может и это случиться, – ответил Мурчаали. – Я слышал от хороших людей, от русских рабочих в городе Ростове, что есть и такие законы, по которым земля богатого попадает беднякам.

Малоопытному Кичигу такие слова показались кощунством. «Как может собственность одного принадлежать другому» – подумал он и шепнул другу:

– Мурчаали, зачем такие вещи говоришь? Разве так бывает? Люди осудят нас за такие слова. Перестань.

– Нет, друг, я не замолчу, – возразил Мурчаали. – Я верю, что так может случиться. Русские никогда не обманывают. А этот вшивый богач пусть проглотит мои слова. Он год будет помнить их.

За Амир-Чупаном на пастухов надвинулось еще несколько человек. Один из них сосед барановода, энергичного вида человек в аккуратной черкесске с серебряным кинжалом и пятизарядным «бульдогом» на поясе, Бий-Буханд на ходу крикнул:

– Валлах-биллах, этому лагу следует отрубить голову!

Теперь и Мурчаали потерял выдержку: крепко сжимая в руке толстую палку, сурово крикнул он противнику:

– Пусть я лаг! Однако я не был чужим нукером, как ты, и не лизал всю жизнь зады начальствующих!

Кичиг взялся за рукоятку кинжала. Он решил первым на себя принять удары неожиданных врагов потому, что вся ссора произошла из-за него.

Стычка обещала закончиться кровопролитием. Но между бранящимися неожиданно возникло препятствие. Если при такой случайной ссоре неожиданно появлялся повод, отвлекающий внимание врагов в самый решительный момент ссоры, и если повод для ссоры сам по себе также является незначительным, стороны инстинктивно поддаются его успокаивающему влиянию, и с чувством удовлетворения пользуются им, дело в таком случае не доходит до смертельной схватки, ярость врагов постепенно проходит и на смену ему приходит радостное чувство возвращения к жизни и признательность к неожиданно возникшему на пути к их ссоре препятствию. И в самом деле, кому же хочется умирать без нужды? А тут и слишком суровые, дикие традиции старины этих краев – драться только оружием, иначе покроешь себя позором, если ударишь кулаком.

На этот раз в несвойственной ему роли примирителя случайно оказался торговец-мануфактурист Магомед. В блестящем бешмете черного ластика и высокой конусообразной папахе Магомед сидел на арбе с мануфактурой.

– Эй, люди! Что случилось? – крикнул он.

Быки остановились между ссорящимися, как вкопанные. Магомед обратился к богатею:

– Амир-Чупан, зачем ты ссоришься с этими людьми?

– На первом же сходе общества мы назначим других пастухов. Иди лучше на базар, чем спорить понапрасну.

Хай! – обрушился он на быков, выхватывая из рук жены прутик.

Арба вновь тронулась. Обрадовавшийся Амир-Чупан, бросив презрительный взгляд на противников, без единого слова повернулся и зашагал рядом с быками. За ним последовали и его попутчики. Бий-Буханд все еще не мог побороть в себе чувство обиды на Мурчаали.

– Я ни за что не оставил бы в живых этого пастуха, жаль только итти на такой скандал из-за грязного богача! – досадывал он про себя...

Из соседней убогой сакли вышел смуглый, коренастый горец. Это был бедняк, в прошлом тоже пастух Карала Алибек. Со словами – «Правильно, друзья! Достойно вы ответили этому грязному толстяку» – он подошел к пастухам.

– Джаханнав¹ с ним – перебил Алибека Кичиг. – Меня возмущает не он, а этот хромой Бий-Буханд. Что ему надо?!

Мурчаали заулыбался.

– Ты еще молод, Кичиг. Бий-Буханд бедный человек, но дурак. Бедного человека обижают и обманывают богатеи и сельское начальство. Если бы не они, Бий-Буханд тоже остался бы порядочным человеком.

– Правильно говоришь, Мурчаали, – поддержал Алибек, и жестом указывая на удаляющееся стадо, продолжал:

– Скот уходит и вам пора, но прежде выслушайте мой рассказ. Ты, Мурчаа, умный человек, жаль что бедный; быть бы тебе уполномоченным джамаата. Я хочу сказать: бедного человека кто кладет под ноги? Кто топчет? – Богатый!. Однажды мой сосед – богатеи наказал моего козлорогого бычка – кинжалом отрубил ему хвост за то, что неразумное животное забралось на его крышу, где стояли прошлогодние стога пшеничных снопов. Что я мог сделать? Старшина и кади осмеяли бы меня и только. Поэтому жаловаться я не мог и проглотил эту обиду. У меня в жизни не было пары быков, но одного бычка имел всегда. А после этого случая я стал всем им сам отрубать хвосты – было у меня какое-то желание гарантировать себя от нового оскорбления. И вот бычачий хвост приносит мне и сейчас неприятности – одноквартильцы всегда посмеиваются надо мной. – Алибек сделал паузу и заторопился:

– Нужда заставляла меня обращаться к своему обидчику. В прошлом году я запряг своего куцехвостого в

¹ Джаханнав – ад.

паре с коровой вдовы Мисуду и три раза ездил за его пшеницей в другое селение. Но за такую работу я получил только лишь кусок бязи на шаровары. Вот какие бывают люди.

– А этот Амир-Чупан? Что он делал? У него в отаре много овец, ни один урахинец не имеет столько, но жадному богатею все мало. Однажды Амир-Чупан взял с собой на воровство младшего пастуха отары сына хуторянина Хасая. Их поймали на месте преступления. Чтобы спасти барановода, судьи предложили обвиняемым принести по законам шариата клятву, подтвержденную семью ближайшими родственниками, в том, что они не крали овец. Родня Чупана зависима от него. Он задобрил их и заставил вслед за собой принести явно ложную клятву. В своих проповедях в мечети будуны утверждают, что за ложную клятву Аллах сжигает человека. В таком случае половина богатых и будунов уже сгорела бы, но никто еще не пострадал. Я в это не верю. Я не верю еще в кое-что более важное.

У Кичига возникло смутное сомнение, не Аллаха ли имеет в виду Алибек, а Мурчаали понял, что именно об этом говорит выдавший виды бедняк.

А Алибек продолжал:

– Так вот, братья мои. Кирванка¹, до которого дошло это дело по жалобам пострадавших, освободил Чупана, а за пастухом, сыном бедного Хасая, никто из родни не решился принести ложную клятву и бедного парня осудили и сослали в Сибирь. На свете справедливости нет. Идите за своим стадом. Это все, что вы можете сделать!

И Алибек заспешил догонять группу односельчан, идущих на базар. Мурчаа задумчиво посмотрел ему вслед и тихо выговорил:

– Хороший человек Алибек. Пойдем, Кичиг. Еще много предстоит тебе узнать в жизни. А я вот все-таки

¹ Кирванка – Кривенко – председатель областного суда.

как-нибудь похожу по земле. Многое меня интересует. Завербуюсь и поеду на промысла в Грозный. Много хорошего рассказывают о русских людях. Да и я сам видел их, говорил тебе о них. Может повидаю и своих знакомых, может и языку русскому научусь.

Кичиг высказал свою заветную мечту:

– Мне хочется поехать на войну. Дадут коня, винтовку. Что может быть лучше?! И жалованье еще назначат. Вернусь, украсив грудь крестами, как многие наши односельчане. Тогда я поговорю с Чупаном!

УРАХИНСКАЯ ВЕРХУШКА

Базар раскинулся в лощине за селом. Место неудобное, но более подходящего, открытого и свободного участка нигде нет. Принадлежащие крестьянам, и разбитые на тысячи мелких полос пахотные участки, на которых можно было бы расположить базар, плотно обступили аул. Но эти земли – священная собственность состоятельных людей и ни при каких условиях не могут быть изъяты у их хозяев. Такая мысль никому и не придет в голову.

В центре глубокой лощины разместилась основная, торговая часть базара. У верхнего края его, по длине балки, за источником, выделена площадка для игр и спортивных состязаний. У нижней окраины торговой части высятся толстые шесты – здесь хасап – торговля мясом.

Напротив, по ту сторону речушки, защищенная естественными препятствиями, площадка скотного базара с караульной будкой у входа, где сидит представитель кадия, взимающий плату за пригнанный на продажу скот.

На косогоре, подымающемся к аулу, над центром торговой части, место начальства и праздной верхушки Урахи и соседних аулов.

Сегодня кадий первый занял здесь свое место. Застелив маленький коврик, он присел на корточки, положил рядом две разграфленные книги: одна – торговых сделок, другая – штрафов. Бракоразводная, судебная, куда заносились все решения сельского суда, налоговая с подворными раскладками всех видов годовых налогов, хранились дома. Вернее, они не хранились, а валялись разброшанными по разным закоулкам. Такой уж человек урахинский кадий.

Магомед считался одним из наиболее знающих и ученых арабистов во всем Дарго и Кайтаге. Он был не только ученым, в нем жил большой интерес к жизни людей родного и других аулов. Его авторитет был признан арабистами. Кроме того, никто не умел так хорошо составлять бумаги, излагать мысли, сочинять и писать разные прошения, как Магомед.

Дом Магомед-кадия был своеобразным клубом урахинской верхушки. Часто собираются они сюда, чтобы подвести итоги дня, рассказать и выслушать новости об ученых, о начальстве, о войне и мире, о князьях и уцмиях, о купцах и коммерсантах. Более мелкие темы, серую жизнь крестьян, с их радостями и горем здесь мало затрагивают, а если и говорят о них, то больше чтобы посмеяться. Здесь же сочиняют и рассказывают разные анекдоты, высмеивают неугодных им людей, читают религиозные предания о пророке Магомед и его апостолах-асхабах...

Главное лицо – урахинский старшина – почему-то еще не появлялся – запаздывал больше обычного. Но вот показался и он в сопровождении семи сельских исполнителей с мангушем-глашатаем аула. Умар жил на расстоянии километра от села и любил со своей «гвардией» шагать на виду всего аула, расположенного на косогоре.

Он шел выпрямившись, покачиваясь корпусом и размахивая широкими рукавами черкески. Две круглые медали украшали его грудь. Белая папаха андийской ба-

рашки резко оттеняла правильные черты лица, холеные усы с проседью, черные глаза под длинными бровями.

У старшины гордое сердце. Власть, хоть маленькая, но она – единственная его страсть. Наиб относится к нему хорошо, да и сам начальник округа отличает его среди других старшин. По совету наиба старшина хочет отдать в школу обоих сыновей – как другие урахинцы, обучающие детей, и он хочет сделать их офицерами, а старшего обязательно наибом.

Единственное, что смущает гордое сердце Умара это кличка, данная ему урахинцами. Правда, сам он тоже виноват в этом. Года три тому назад, желая снискать расположение джамаата, в пятничный день, в речи, обращенной к обществу, старшина сказал, что он не имеет спины, не на кого ему опереться, если джамаат не поддержит его. И с тех пор его прозвали «бесхребетным» Умаром. Старшина первый приветствовал кадия и, присев на корточки, стал оглядывать кучки прибывавших на базар людей. Острым взглядом щупал он талии крестьян – не спрятано ли у кого под шубой недозволенное оружие – пятизарядный «бульдог» или чего доброго длинноствольный «смитвессон». Эти новые пистолеты стали появляться в последнее время у рабочих-отходников. Они сильно беспокоят старшину, наиб приказал установить за их владельцами особую слежку. Он знает нескольких владельцев такого оружия, но не решается обыскать, отобрать – знает, что не отдадут. Новое оружие дороже жизни их владельцам. Другое дело заткнутые за пояс кремневые пистолеты. Легко, также как и кинжалы срывает их старшина с «провинившихся» в залог штрафа.

– Доброе утро! – громко приветствовал сидящих, незаметно, легкими шагами подошедший муин, помощник старшины.

Чуть слышно ответив на приветствие своего помощника, старшина встал, выпрямился и на мгновение уставился в лицо, вставшего рядом с муином, исполнителя – куала.

Это был небольшого роста, сухощавый, но крепкий и быстрый в движениях, решительный в слове и в деле хуторянин – бедняк Закарья. Маленькие, острые глаза его не задерживались ни на чем. Когда он опускал морщинистые веки и прищуривал глаза, небольшое, продолговатое, испещренное следами оспы лицо его казалось искусной каменной маской. За такое ли выражение лица, за упрямый ли, несговорчивый характер, за ним твердо установилась кличка «каменнолицый».

Закарья жил одиноко в отцовской старой сакле. Давно бы пора ему жениться, да нет условий – нечем кормить семью. Оставшись сиротой, как и многие его земляки, Закарья приспособился сажать на единственном клочке земли новую культуру – картофель. Целую арбу картофеля ежегодно возил он продавать в далекий Дербент. Этим и жил впроголодь. Но Закарья не хотел мириться с такой жизнью. Ему надоело смотреть на чванливых богатеев. И вот уже несколько лет подряд, он вербовался и уходил на железную дорогу разнорабочим. На неделю три раза заставлял своего земляка Сулеймана, единственного грамотея, проверять табеля, составленные десятником. Несколько раз обнаруживал в этих табелях гораздо большую цифру денет, чем ему выдавали на руки и добивался полной оплаты. Администрация и подрядчики никак не могли отделаться от него.

Если бы «каменнолицый» был грамотен, и не будь он таким противником почета в любой форме, в том числе и к своей особе, быть бы ему вожаком рабочих-отходников. Но вот в прошлую весну, на целый год раньше, чем он ожидал, до него дошла очередь быть сельским исполнителем. Это произошло потому, что будуну их мечети каким-то образом удалось освободиться от этой повинности, и Закарья знал, что будун выкрутился за взятку. Но доказать этого не мог. А высшее начальство – наиб – живет в другом ауле, да и не примет его жалобу, отошлет обратно. Отказаться отбывать повинность, уйти

из аула опять на железную дорогу? Но нарушить закон общества, бежать – значит ославить свое имя. И хотя в его сознании медленно, но упорно обосновался протест против таких несправедливостей, но к каким-либо активным действиям он не был еще подготовлен. И Закарья вынужден был взять в руки большую палку исполнителя. Срок работы куала – год. Каждый дом в порядке очереди выставляет взрослого мужчину для несения обязанностей куалы. Богатые за плату нанимали людей, но для бедняцких хозяйств это очень тяжелая повинность. Тяжело было и «каменнолицему». Но свои обязанности он нес аккуратно. Единственный недостаток, который в нем признавал его непосредственный шеф – глашатай аула – резкость в обращении с начальством, в том числе и с самим старшиной. Старшина хорошо знал об этом и не любил своего куалу-исполнителя.

Как обычно, вздернув голову вверх, скороговоркой он выпалил:

– Почему приходишь позже меня на базар. Почему утром не явился в мой дом?! Может быть ты старшина, а не я?! Вне очереди пойдешь за это три раза в Ванашимахи! Я тебя приучу к порядку!

Наказание выбрал старшина большое – не легко по всяким мелким поручениям три раза сбегать в самый отдаленный Урахинский хутор. Путь до него двухчасовой, через большой перевал. Закарья сжал зубы и на худом лице его резко выделились скулы.

– Можешь заранее посылать людей в мой дом за штрафом, но внеочередной наряд отбывать я не буду! Возьми и эту палку! И железный заступ я сумею держать в руках! – отчеканил он, бросая под ноги мангуша длинную палку исполнителя.

Старшина был глубоко оскорблен поступком куала. Стараясь сохранить важный вид, он шагнул вперед, дрожащими руками взялся за рукоятку кинжала ослушника и сильно дернул его. Это был обычный метод начала рас-

правы. Но пояс выдержал. Куала рванулся всем корпусом и отскочил. Старшина крикнул мангушу.

– Хватайте его и ведите в арестное помещение! – и предложил подвернувшемуся под руку мулле квартальной мечети писать протокол. С этим протоколом провинившегося должны были препроводить к наибу в Мекеги. Закарья знал, что если попадет в руки наиба, он крепко пострадает; могут и в Сибирь угнать, если старшина и кадий приукрасят происшествие. Но ненависть к старшине, невозможность найти защиту, а самое главное – гордость и самолюбие не позволяли ему покориться, перенести издевательство. Крепко сжимая рукоятку кинжала, стоял куала против старшины, сверля того недобрым взглядом, словно соображая в какое место тела обидчика вонзить острие, кинжала.

Старшина понял, что перед ним стоит человек, решившийся на все. Зло посмотрел он на мангуша, медлившего с приведением в исполнение его приказа, и отступил назад. Но тут мангуш и двое куала оказались между противниками. Мангуш Багомед был плотный, немного сутулый человек с морщинистым, светлым лицом, высоким большим лбом, с добродушным взглядом немного насмешливых глаз. Казалось, что он постоянно подсмеивается над человеческими слабостями. Этот уравновешенный, известный всему аулу оратор и остроумный шутник не по нутру был старшине. Он был плохой помощник старшине, но тот терпел его – никто не умел в нужный момент подать ему правильный совет, как его мангуш. Мангуш все видел, все очень тонко подмечал, вышучивал, но не углублялся в размышления. В душе смеялся он и над старшиной, над его выходками, но не придавал им значения и нес свои обязанности.

И в сегодняшней стычке старшины с его исполнителем мангуш был всецело на стороне последнего.

– Послушай, Закарья, никак ты не поумнеешь! Дайка мне кинжал и пойдем со мной! Все будет в порядке! – сказал он и, уставившись большими добрыми глазами тому в

лицо, протянул обе руки к нему и спокойно стал развязывать пояс, на котором висел кинжал.

Закарья стоял недоумевающий, как бы соображая, почему он поддается словам этого человека, но не сопротивлялся. Поскольку старшина отошел от него, он не решился продолжить скандал...

Тут же, обступив старшину и муллу, стояла группа урахинских судей. Среди них выделялся высокий, сухощавый, с красивыми чертами лица, смуглолицый статный старик Султаммут из наиболее многочисленного в ауле рода Гадай-Джанаевых. Он считался самым ревностным сторонником соблюдения адатов и старинных традиций, строгим судьей. К нему на дом, накануне разбора своих дел в сельском суде, чтобы «подарком» смягчить душу сурового судьи, обычно приходили совершившие преступление и ответчики. Султаммут не легко поддавался на уговоры. Как правило, его просили не о заступничестве, а о том, чтобы он не выступал против. И если этот опасный член суда во время разбора дела молчал, подсудимые бывали довольны, и все знали, что Султаммут в данном случае даром не лишил себя удовольствия поговорить о нарушенных порядках общества.

Он был возмущен поведением Закарьи, но молчал – старшину Султаммут не особенно уважал и даже в какой-то степени презирал. Молчал и другой член суда верхне-аулец Таймаз.

Плотный, рослый, опрятно одетый, в сафьяновых сапожках с резиновыми галошами, в крытой сукном шубе, выцветшем ластиковом бешмете, подпоясанный серебряным ремешком, на котором висел маленький, простой кинжал, а на правом боку пистолет «бульдог» – таков был его внешний облик. Руки Таймаза не крестьянские, нежные, холеные – результат его профессии лекаря. Таймаз был известным мастером лечения глубоких кинжальных и пулевых ран. Свои судейские обязанности он исполнял очень неаккуратно, много времени находился

вне аула, в соседних даргинских селах, куда вызывали его лечить раненых. Много видел, много слышал Таймаз за шесть десятков лет. Спокойный по характеру, воздержанный во всем, приветливый, он пользовался уважением в ауле. Все поступки Таймаза обычно бывали рассчитаны. За труды по лечению ран он брал разное – с состоятельного человека много больше, чем с бедного. Этим тоже завоевывал Таймаз симпатии массы односельчан. Он не накапливал богатств, не приобретал землю, скот, жил как его же соседи крестьяне, ничем не выделяясь от них. На учарах, базарах, мечетях его имя часто служило предметом разговоров аульчан – его сравнивали с другими представителями власти аула и прочили в старшины вместо Умара. Но Таймаз был не так прост, каким казался с первого взгляда. Правда, соблазнительно быть урахинским старшиной, это нечто вроде хайдакского уцмия. Но знал лекарь превратности судьбы, знал, что трудно быть старшиной и сохранить уважение народа. Поэтому умный и хитрый урахинец не торопился. Его вполне устраивало имя знаменитого лекаря – и это не последнее место, которое он занимал в рядах урахинской аристократии. Не сразу вмешивался Таймаз в мелкие скандальные истории. Покачивая в правой руке маленький, блестящий операционный ножичек, который неизменно носил в нагрудном кармане бешмета, он на корточках, как перед раненым, и сейчас сидел рядом с Султаммутом.

Около Таймаза, ловко присев на маленький скатившийся камушек, внимательно следил за пером кадия, составляющего протокол, третий судья Абдулла. Это, был родной брат урахинского кадия. Абдулла считался рассудительным человеком и не случайно урахинский джамаат, невзирая на бедность, избрал его одним из семи членов сельского суда. Простодушный, бесхитростный Абдулла иногда казался наивным, чудаковатым. Такой характер давал основание урахинской аристократии относиться к нему с некоторым необоснованным высокомерием. Из

земельных участков, оставшихся от покойного отца братьям, Абдулла получил гораздо меньшую долю, чем старшие. И ученым он не стал, как они. Единственным источником дохода его семьи являлись три клочка земли, разбросанные в разных местах. На суде он больше отмалчивался, но временами при разборе значительного дела произносил громовые речи. Вот это и заставляло остальных судей считаться с ним.

Сегодня он недоволен тем, что оказался свидетелем скандала. Несколько осуждающе смотрел он на брата и старшину, составляющих такой большой протокол, как при убийствах или воровстве. К таким серьезным протоколам старшина заставлял приложить именные печати всех семи судей. Абдулле от души было жаль Закарью и ему очень не хотелось прикладывать к этому протоколу свою печать.

Зато не так думал четвертый судья нижеаулец Ададайла Багомед, который высунувшись из-за плеча кадия, то и дело вставлял какое-нибудь резкое словечко.

Долгое время Багомед был нукером у начальника округа в Левашах. Именно этому он и обязан тем, что вот уже второй десяток лет носит в нагрудном кармане именную печать сельского судьи – большой серебряный перстень, на котором причудливым узором арабского письма выгравировано его имя. У Багомеда есть и другая реликвия, которой он гордится не меньше, чем перстнем – грудь судьи украшает круглая серебряная медаль за усердие еще в бытность нукером полученная им от самого начальника округа. Багомед открыто брал взятки. Ему давали все, никто не являлся в суд без «подарка» для него. А когда хотели особо задобрить его, преподносили бутылку «Зубровки» – было известно, что судья имеет особое пристрастие к этой пузатой посудине.

Пятый судья Омадзи, человек худощавый, с темно-смуглым лицом, высоким лбом, темной бородкой клином, был гораздо выше Ададайла Багомеда и своей подвиж-

ностью очень похож на него. Это был универсальный член Урахинского джамаата. Он проникал во все стороны жизни аула: выступал представителем общества перед приезжим начальством, представлял джамаат в различных земельных спорах его с соседними аулами, выступал посредником в семейных, родовых ссорах, улаживал недоразумения, мирил, а где надо и ссорил, и за все это получал гонорар. По своему достатку он похож на своего коллегу судью Абдуллу, был таким же малоимущим бедным человеком, но по характеру они разные люди. Омадзи не менее известный, чем Ададайла Багомед любитель «преподношений» – взятки.

Дома в Урахи, как и в других горных аулах, были настолько скучены, что между соседями постоянно возникали недоразумения, ссоры из-за тесноты: то сточный желоб сосед направил на его крышу, то снег с крыши своей сакли выбросил на дорогу, то дрова сложил около его стены, то сложенный за зиму большой стог снопов занимает часть его территорий, то навозом завалили простенок, и т.д. Все эти споры разрешались сельским судом. Нелегко было бедному крестьянину вести такие тяжбы, не легко было платить за их разбор судебную пошлину и савгат – взятку. Тем более, что требовалось дать «савгат» всем членам суда, если хочешь быть уверен в выигрыше. А откуда столько взять? И бедняк обычно проигрывал, решение выносилось не в его пользу...

Особенность Омадзи – умение по любому делу получить «подарок». При этом и бедняк и состоятельный в этом вопросе для него были равны.

На косогоре, в стороне от составляющих протокол представителей власти, в кругу группы крестьян сидели член окружного суда адата Абдулмеджид и бывший кадий аула Исакади. Между Абдулмеджидом и Иса кровного родства нет, но у них есть общий для обоих брат Абдул-Азиз. Потому и себя считали они братьями. И сейчас, отойдя в сторону и присев на корточки, они разговарива-

ли об этом, находящемся на фронте, брате, старшем враче пехотной дивизии, от которого давно нет известий. Немало было общего в духовном облике этих людей – выдержка, внимательность к людям, тактичность, ум.

Высокая, плотно обтянутая в черную черкеску фигура, лысая, бритая, большая голова с высоким сильно морщинистым лбом, строгий, но приветливый взгляд широко раскрытых глаз – таков краткий портрет Абдулмеджида.

Все представители этой фамилии Далгат в прошлом выходцы из малоземельных крестьян, среди которых в свое время были и арабисты и сельский старшина, давно начали покидать родной аул, приобщаться к русской культуре, образованию, и ныне живут, работают, учатся в городах, в армии и в Леваши. Абдулмеджид единственный представитель их, который часто посещая аул, еще сохраняет последние связи с односельчанами. В Урахи он не имеет ни одного родственника из своей фамилии.

Исакади – представитель широко разветвленной фамилии верхнего аула Холадаевых, степенных, трудовых крестьян-горцев. Ряд лет был он урахинским кадием, причем урахинцы уважали его. Он был одним из редких представителей этого сословия, который не брал взятки. Главное его достоинство – трезвый, рассудительный ум, выдержка, прямота, за что и пользовался доверием джамаата.

У самой тропинки, круто спускающейся с верхнего аула, в стороне от базарной толчеи, присев на корточки, вели оживленную беседу другие представители урахинской верхушки. В этой группе был и мулебкинский старшина Аликурбан, и гамринец Мутай, и мургухский старшина Таха.

«Душой общества» здесь являлся урахинец Магомед-Имин. Где бы ни находился этот человек, неизменно овладевал вниманием людей. Худощавый, не очень аккуратно одетый, темнокожий, с задумчивым выражением

карих глаз, он производил впечатление очень озадаченного человека. Имин представлял собой нечто вроде ходячей энциклопедии. Он считался лучшим знатоком старых устных адатов, знал родословную односельчан, знал поименно живых и давно умерших членов каждого урахинского рода, знал кто чем был знаменит и т.д. Хорошо изучил он не только родной аул, но и всех почти даргинцев, кайтагов, теркемейцев, кумыков, беспрерывно мог рассказывать прошлую историю этих народов, историю отдельных аулов, выдающихся людей.

Сейчас Имин рассказывал, как он, будучи нукером при окружном управлении в Левашах, зазывал в общежитие нукеров, прибывших из дальних аулов крестьян, и выманивал у них привезенные в качестве взятки окружным властям подарки – большие пироги, сушеное мясо, курдюки, запыленные от долгого хранения, темные бутылки водки и другие «дары».

Послушать своего приятеля подошел один из представителей урахинской верхушки, рослый горец, торговец Шамхал Сулейманов. Шамхал имеет вес и широкие связи не только в родном ауле. Его знают не только в больших селах Даргинского округа, где проходят базары, но и в Кайтаго-Табасаранском округе. Поздоровавшись с друзьями и стоя перед Имином, Шамхал ждал, пока закончится рассказ, чтобы посмеяться над теми, кто попадал на удочку своего приятеля, бывшего старшего нукера.

Высокий, краснолицый, с суровым взглядом иссиня-черных глаз, обвешанный серебряным оружием, с белой медалью на груди, мулебкинский старшина Аликурбан, побряхтывая от удовольствия, слушал рассказ Имина.

Аликурбан – известный окружающим аулам, давнишний старшина Мулебки. В своем селении он вершит все дела так, как хочет. Он большой приятель наиба, начальника участка Алкадарского, а это значит, что Аликурбан полновластный хозяин в своем ауле.

Гамринец Мутай считался в своем ауле богатым человеком. Дом его в Кичи-Гамрах самый лучший. У него большие связи с урахинскими и кайтаго-табасаранскими учеными. Положением, богатством, знаниями Мутай соперничал с одним из наиболее известных шейхов – устатом, его же односельцем Зубайру-Гаджи. Но преподнесения верующих своему устату-наставнику Зубайру-Гаджи настолько велики, что Мутай не может угнаться за ним. Благодаря весу, который он имеет, даже родовое прозвище «мач» отпало от Мутая и вместо Мачла Мутай он стал называться Мутай-Кади.

Другой приезжий на урахинский базар, Мургухский старшина Таха не слушал рассказ Имина и тихо беседовал со своим приятелем урахинцем Джапарла Багомедом.

Люди малознакомые с Таха считали его незадачливым простачком, но мургухцы были другого мнения – для них он был не менее жестоким, чем когда-то господствовавший в их ауле, князь – отпрыск хайдакских уцмиев. Именно потому, несмотря на свой недалекий ум, долгие годы оставался он старшиной. К тому же Таха владел и самой лучшей землей в своем ауле.

Начальнику округа и Наibu каждый старшина обязан был посылать к их столу свежебитую дичь. Мулебкинский старшина Аликурбан за неимением дичи заменял ее бараниной, а урахинский Умар доставлял свежих куропаток и зайцев, мургухский Таха тоже не отставал от своих коллег. На мургухской земле много лесов, много дичи, и Таха всегда в большой милости у начальства.

Собеседник Таха урахинец Джапарла Багомед, невысокий плотный человек, производил впечатление сытого бычка. Толстые икры растопыренных ног плотно облегли сафьяновые чувяки, на которые одеты резиновые остроносые калоши. На лысой голове лохматая, белая папаха, на животе серебряный кинжал, на боку висит пятизарядный никелированный «бульдог». Никогда в жизни Джапарла Багомед не занимался физическим трудом. Он

покупал и продавал ворованное, но сам не воровал никогда.

В последние годы Багомед переключился на торговлю лошадьми. Больше одной он не держит, но зато она живет в его доме не более недели. Продает лошадей Багомед и в рассрочку, и обменивает так на так или с придачей, платит за лошадь и берет сам не только деньгами, но и всяким движимым и недвижимым имуществом, вплоть до домашней утвари, предметов очага, разных тряпок. В таких операциях он знает толк, – не бывает случая, чтобы проиграл в сделках с лошадьми. Временами его дом заполнен и хорошими вещами и всяким барахлом, а иногда пустует, как после погрома. Выходец из трудовой бедняцкой среды из тухума Накракали, Джапарла Багомед имел мало земли, а то, что принадлежало ему, и то, что принесла в приданое жена, он продал и прокутил. Никогда не работая, этот урахинец жил лучше всех. У него постоянно бывали приезжие гости из разных слоев общества и по разным делам – и жители кумыкских аулов, приехавшие разыскивать краденого буйвола, и мюэринец, пригнавший дешевого ворованного коня – кавкин, и кайтагец, прибывший перекупить такой товар, и мулебкинец, пришедший просто погостить, погулять. Урахинская знать не хочет признавать Джапарла Багомеда, но он не унывает – заверяет всех, что когда-нибудь станет урахинским старшиной.

Багомед дружил и с видными людьми других аулов, среди которых был и мургухский старшина Таха. Этого простака Багомед постоянно обманывал. Напоив коня на голодный желудок и предварительно избив и напугав бедное животное, чтобы живее поворачивалось, он рысью проезжал перед Таха. Подготовленная таким образом и напуганная кляча подпрыгивала под седоком, и живот ее при этом громко урчал. Это урчание приводило в восторг незадачливого старшину, который тут же обменивал на него своего гораздо более ценного коня. Новый

хозяин отъезжал на небольшое расстояние за аул, и вдруг живот лошади переставал издавать столь приятные для его слуха звуки. Гордость не позволяла ему тут же вернуться обратно и вручить обманщику лошадь. Но вскоре Таха вновь появлялся у Джапарла Багомед и жаловался, что лошадь не издает ни звука и не слушает ногой. Старый хозяин охотно брал лошадь обратно в обмен на другую такую же и также подготовленную, при этом брал и придачу. Однако и вторая не оправдывала надежд мургухского старшины и та же история повторялась сначала. Так раз десять сдавал Джапарла Багомед лошади старшине одну хуже другой.

Говоря об урахинской верхушке, нельзя не сказать, что четыре урахинца являются на сегодняшний день наибями – начальниками административно-полицейских участков, а письмоводителей, этих кандидатов в наибы, – пять человек, четыре человека писарей в разных наибствах, два переводчика при окружном управлении и десять нукеров. О них не рассказываю потому, что люди эти отсутствующие, на базаре их нет. Назову лишь имена наибов: Шахбан Гаджиев, Нурбаганд Алиев, Багомад Сулейманов и Магомед Таймазов.

На левой стороне дороги, там, где начинается толкучка, на виду у всего базара, собравшись в маленький кружок, вели тихую беседу наиболее видные представители урахинского духовенства. Среди них выделялся будун соборной «джума-мечети» Абдуразак-кади Алхасов, брат урахинского кадия, весьма оригинальный человек. Имя его, как ученого-арабиста, известно по всему Дагестану. Абдуразак действительно превосходно знает богословию, и никто из урахинских ученых не может в этом с ним соперничать. Он строго придерживается старых, однажды установленных догм ислама, никаких толкований их не допускает.

Если его брата Магомед-кади интересуют мирские дела – имя, положение среди урахинцев, Абдуразака за-

нимает больше мир духовенства, где он возглавляет внутреннюю борьбу арабистов за личные интересы. А интересы эти весьма разнообразные: доходы с вакуфных земель мечети, доходы со сборов на содержание мутаалимов – учеников при джума-мечетях, доходы с похорон, свадеб, мавлидов, доходы с жертвоприношений в дни всеобщих молебствий но случаю засухи, с имущественных отчислений правоверных – закат, право на лучшее место в джума-мечети, право на чтение проповеди, право на всякие приношения верующих, доходы с бракоразводных дел, с передела имущества умерших между наследниками, с многочисленных штрафов, собираемых с крестьян, с торговых сделок, с базарных пошлин и так далее. Вообще мир духовенства был далеко не единым и однообразным. И здесь была дифференциация. Мутаалимы из малообеспеченных семей, как правило, не завершали учебы и выходили полуграмотными людьми. Они либо возвращались к крестьянскому труду и забрасывали свои «знания», либо становились будунами, муллами при квартальных мечетях, добивались покровительства какого-нибудь шейха, устада и довольствовались небольшими доходами с заката, лучшими кусками материи за чтение корана на похоронах, правом обработки вакуфных мечетских земель. Кроме того, в месяц уразы ежедневно вечером их по очереди приглашали на ужин крестьяне его квартала. Это тоже было выгодно: здесь будуны по крайней мере наедались вдоволь.

А те из мутаалимов, в чьих рабочих руках не нуждалось хозяйство, в большинстве выходцы из более или менее состоятельных людей, или из тех семей, для которых религиозная служба стала профессией, проходили полный курс религиозных наук, хорошо владели арабским языком, изучали шариат. Они в основном и составляли касту религиозных деятелей. Они и становились сельскими кадиями, а в худшем случае муллами джума-мечети.

Из их среды выходили и более крупные представители религии устады – наставники, шейхи, имамы.

Урахи всегда отличался многочисленным духовенством. И надо сказать, что малоземелье было не последней из причин этого. Урахинское духовенство обслуживало не только свой аул. Урахинец кадий или будун был обычным явлением во многих даргинских и кумыкских селах. В Урахи были семьи арабистов, которые специализировались на поставках слугителей религии в другие места – Таха-Кадиевы, Амирхан-Кадиевы, Абдулкерим-Кадиевы и другие. Даже в таких крупных даргинских аулах, как Усиша, Муги, Цудахар, Акуша, Уркарах, Кубачи, Мюрего урахинцы-кадии были нередким явлением. Урахинцы поставляли кадиев и в другие даргинские районы – Сирха, Мюира, Кайтаг, а также в Теркеме, Табасарань и др. кумыкские аулы.

Абдуразак постоянно вел дебаты с другими известными арабистами, и его высокий голос можно было слышать в любой обстановке – в самый трагический момент на похоронах, в мечети, на базаре, на гумае – везде. Тем не менее он не сумел занять место урахинского кадия. Кадием мог быть уравновешанный, степенный и хитрый арабист, а Абдуразак не был таким. Урахинская верхушка, относясь к его учености с уважением, считала его «недостаточно солидным» и не доверяла ему пост кадия. Правда, Абдуразак не хотел сдаваться. Он ездил в Темир-Хан-Шуру. Держал специальные экзамены на звание кадия всесильному помощнику губернатора и председателю Областного суда, знаменитому Кривенко. Получив диплом ученого, он работал кадием в мелких селах, в том числе в селении Кубачи, а теперь более десяти лет являлся бессменным будуном урахинской «джума-мечети».

Абдуразак преподавал религиозное учение мутаалимам в мечетях. Ходили они к нему и на дом. К Абдуразаку приходили и из других аулов, чтобы проконсультроваться, спросить совета, получить «хукму» – решение, основанное на учении шариата по бракоразводным де-

лам. За такой письменный документ он брал хорошую плату. Во время своих проповедей Абдуразак поучал верующих:

– Вы не думайте, что Абдуразак-кади читает нам проповеди, а сам плохо исполняет обряды, мало и небрежно молится. Я ученый, с меня бог не спросит за это, мне можно мало молиться, мне некогда заниматься религиозными обрядами!

Второй собеседник Абдуразака Ибрагим-кади человек несколько иного склада. Если Абдуразак, как говорят, весь был на ладони, то Ибрагим-кади – целая загадка.

С людьми он вежлив и обходителен, приветливо встречал любого односельчанина, умел говорить человеку приятные вещи, похвалить, сказать слово успокоения. Он не позволял себе открытых враждебных поступков в отношении людей, старался сдружиться с ними, привлечь их на свою сторону. И тем не менее ему мало симпатизировали.

Ибрагим постоянно был в контрах с Абдуразаком. Ни одна их встреча не проходила без ссоры. В мечетях после намаза, на похоронах, на базаре – везде состязались они в знании шариата, в толковании его положений. Эти состязания часто кончались бранью.

Третий собеседник в группе ученых – Джанай-кади. Этот смуглый, черноглазый, широколицый, широкоплечий горец мало похож на ученого арабиста, прошедшего всю жизнь в мечетях за зубрежкой арабской грамматики. В отличие от других крупных урахинских арабистов он ездил в Мекку и опять-таки, в отличие от них, занят исключительно религиозной деятельностью. Мирские дела его не интересуют. Религиозная проповедь, исполнение ее обрядов, «служение богу» – вот чему посвятил он свою жизнь, отказавшись от доходной должности кадия в чужих аулах.

В последние годы появилось новое течение в методах преподавания корана и арабского языка. Старое произношение букв, слов было провозглашено греховным, неверным и вводилось новое – «махрадж». Джанай-Кадид

возглавил это течение, ездил куда-то далеко, изучать махрадж и теперь рьяно проповедует его, обучает ему своих мутаалимов-учеников. Старые ученые Магомед, Абдуразак, Ибрагим и другие его земляки не могут не считаться с ним и, хотя сами не придерживаются махраджа, поощряют тех, кто его изучает. А мелкие муллы, будуны, супи, муриды, хаджи, мутаалимы – люди, стоящие на более низкой ступени иерархии мусульманского духовенства воспринимают махрадж как новое откровение, новую главу священного писания. Их губы беспрестанно шепчут слова корана в новом удлиненном произношении.

У Джанай-кади есть родственник, ученый арабист Абдулмеджид Абакарла. Этот ученый отличается от всех других своей прогрессивностью. В настоящее время он является кадием в городе Дербенте. Он не чистый богослов, как другие ученые, знает и светские науки, выступает в Дербентской мечети с проповедями совсем не религиозными. Он не рассказывает о муках ада за плохие деяния, а призывает людей к своему гражданскому долгу, к совести. Проповеди говорит тоже не на арабском языке, а на местном, народном. Священные псалмы – хутма он редко читает, не страшит верующих грехами.

Крепко нападает на Абдулмеджида урахинское духовенство, считающее его чуть ли не вероотступником, отошедшим от учения ислама. И сейчас в этом узком кругу религиозной верхушки речь шла о нем.

В ауле идет усиленное классовое расслоение, появились постоянные рабочие кадры из бедняков, надолго уходящих на железную дорогу и рыбные промысла. Раньше часть крестьян в весенний период уходила на двухмесячные заработки на рыбные промысла и в кизлярские сады, летом в период уборки хлебов – на кумыкскую равнину, а зиму проводила в бездействии на гумаях. Теперь уже массами идут они временными рабочими на железную дорогу, нефтепромысла Грозного. Многому учат бедняков эти поездки. Они начинают критически оценивать поступки сельской знати, представителей вла-

сти, духовенства, кое-кто открыто противится незаконным действиям старшины, судей, кадиев.

Все больше растет число не являющихся в пятницу в соборную мечеть на молитву, есть даже и такие, которые вовсе перестали молиться. В пятничный день мечеть остается незаполненной. Раньше этого не бывало, наоборот, большая мечеть не вмещала опоздавших. Даже из далеких урахинских хуторов приходили в урахинскую джума-мечеть помолиться все взрослое мужское население.

Это доставляет духовенству много хлопот. Все средства пущены в ход, чтобы усилить свои позиции: появилось большое количество супиев, ожила деятельность квартальных мечетей, увеличилось количество стариков, посещающих их. Широкое распространение получило богослужение на дому у крестьян – мавлиды, сопровождающиеся обильными угощениями духовенства. Количество мутаалимов при соборных мечетях возросло. В мечетях, на базарах, площадях стали устраиваться открытые диспуты на религиозные темы. Заново, на новой основе «махрадж» переучивали коран, более торжественно обставлялись похороны, для чтения «хутма» – проповеди в пятничный день – подбирались лучшие голоса. Всякое запоздание дождя использовали для организации массовых молений с жертвоприношениями и выходом всего общества в поле. В большой мечети впервые занавесили и отвели на нарах специальное место для женщин. Новшество это должно было способствовать усилению влияния религии на женщин. Женщин стали приглашать даже на мавлиды и зикру. Среди них появились своего рода шейхи, «избранницы», получившие «освящение» какого-либо устада на руководство товарками при исполнении религиозных обрядов.

По-новому перестраиваются и религиозные деятели, не хотят отставать от времени – если бедняк уходит в далекий путь на заработки, то представители религии находят более легкие способы заработка – одни откры-

вают торговлю мануфактурой, другие занимаются перегоном скота из Караногая и его перепродажей, третьи сдают деньги в рост и так далее.

Сегодня на базаре появились и вербовщики в «ватага» – рыбные промысла. Вокруг них сразу образовалась толпа. Сейчас наступил сезон весенней путины на Каспии. Капиталисты, владельцы рыбных промыслов, ждут рабочую силу, которую должны доставить для них подрядчики – «пудратчи».

Подрядчики заключали с рыбопромышленниками договор на поставку рабочей силы из местных жителей. Хозяин промыслов брался принять от подрядчика определенное число рабочих и заплатить ему три рубля за каждого из них. Подрядчик же должен был этих рабочих доставить точно к установленному времени на промыслы.

Однако условия этого договора выполнялись за счет самого рабочего: те три рубля, которые должен был уплатить хозяин подрядчику, взыскивались с самого рабочего в качестве «виклик» – задатка, то есть в качестве платы за предоставление работы. Этот задаток в три рубля за право на работу, накануне отправки на промысла, за неделю вперед давал подрядчику всякий горец, желающий попасть на работу.

Таким образом, само право на труд, право на продажу своих рабочих рук горец-бедняк покупал у подрядчика.

Так нагло эксплуатировали труд бедняка хозяева и подрядчики. И горец платил, потому что к весне у него истощались все запасы продуктов, а два месяца работы на рыбных промыслах выручали его. Такое обирание рабочего было возможно еще и потому, что свободных рабочих рук, ищущих работу, было очень много, и каждый бедняк хотел попасть на весеннюю путину.

В первые годы, в конце 19 века размер задатка равнялся одному рублю, а потом, в связи с резким ростом желающих наняться на промысла, «задаток» этот увеличился до трех рублей.

МАЛОЗЕМЕЛЬНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ

На северном склоне лощины, за речкой, как раз над деловой частью базара, позади харбукских кустарей, торгующих железными изделиями, на площадке, выдолбленной на крутом склоне горы, собралась большая группа крестьян. Тут люди с разнообразными судьбами, занятиями, стремлениями, но нужда, необеспеченность куском хлеба и тяжелая борьба за место в жизни, борьба с суровой действительностью роднила их. От прадедов и отцов, переходя из поколения в поколение и все больше дробясь на мелкие клочки, достались им небольшие участки земли – единственная надежда крестьянина-горца.

Цена земли в горах – цена человеческой жизни. Чтобы приобрести клочок пахотного участка, преуспевающий крестьянин должен был лишиться всего прочего состояния, буквально оголеть дом, спать на конопляных паласах, недоедать несколько лет подряд.

Были участки, ценность которых определялась стоимостью пасущихся на них овец. Бедный крестьянин мечтать не мог о приобретении земли, он мог лишь продать свой единственный участок, попав в очередную беду. И раз и навсегда он лишится последней опоры, ибо таких общественных земельных угодий, как на плоскости, которые через определенное количество лет распределялись бы между всеми дворами, в горах не существуют, вся пахотнспособная земля и сенокосы здесь являются частной собственностью. А не имея земли невозможно обзавестись скотиной – нечем кормить. Содержать животных в горах трудно – скот там не пасется круглый год, как на равнине, и стойловый период длится пять–шесть месяцев. Крестьянин-бедняк не имел сена, а если скашивал со своего участка арбу травы, её хватало на пару месяцев дойной корове или молодняку. Весь остальной период скот содержался на одной соломенной мякине. Животные за зиму настолько ослабевают, что на водопой и уборку

их поднимают за хвосты и рога. Ранней весной их гонят на кумыкскую равнину на подножный корм, пока в горах зазеленеет трава. Каждый год много животных заболевает и гибнет там от «травяной болезни».

Немногим отличается от совершенно безземельного крестьянина и тот, кто имеет один-два небольших участка, расположенных где-нибудь на каменистых косогорах. Без удобрений они очень мало родят, а у их хозяев не бывает удобрений. У такого бедняка-горца, как правило, есть один бык или корова или пара не приученных к ярму бычков. Навоза от них немного, да и возить его далеко, нет специально приспособленной арбы с плетеной сапеткой, или годовой навоз заранее отдан соседу в уплату прошлогоднего долга, или бык ослаб от бескормицы и не поднимет ярмо, или одного из бычков вынуждены были продать за пару мешков кукурузы для полуголодных ребятишек. И в результате – поле десятки лет не удобряется и, как говорят, с грехом пополам обработанное допотопным способом, не оправдывает даже затраченные расходы и труд.

Урахинец имеющий десять «варха» – гектар с четвертью земли считается обеспеченным средним крестьянином. У такого горца пара рабочих быков и корова.

Есть и дойные буйволицы, но Урахи – самая высокая зона их распространения, и эти теплолюбивые степные животные, содержащиеся на одной мякине, здесь малопродуктивны. Часто можно наблюдать, как голодные, разъяренные, разметая все на своем пути, убегают они на подножный корм в леса и на далекую равнину за десятки километров.

Хлеба такому урахинцу хватает в обрез, мясо он видит в месяц два–три раза, упорным трудом еле сводит концы с концами. Питание его семьи более чем скудное. Обычная еда – лепешки ячменного и реже пшеничного хлеба с водой на завтрак, хлеб в сухомятку или с жидкой сывороткой – в обед и хинкал без мяса, заправленный ку-

сочком жареного курдюка, на ужин. Сыр на завтрак дается не всегда, обычно в период полевых работ. Тогда, особенно в пахоту, на поле несут что-либо и повкуснее – пирожки из зелени, дрожжевые пироги, а более состоятельному – пельмени или яичницу. Молоко урахинец не пьет, мужчине считается зазорным пить молоко или есть масло, в том числе и сливочное. Что касается семьи, то и она – жена и дети – больше питаются одним хлебом. Когда хотят сказать, что кто-нибудь богатеет, говорят, что он ест хлеб с приправой. Сыр тоже для них лакомство. Молоко детям дают в редких случаях. Когда хотят похвалить ребенка, говорят: «Молодец, почти ничего не ест». Яйца куриные также не идут в пищу. Хозяйки продают их скупщикам, которые увозят в Дербент. Общеизвестным, хорошим дежурным блюдом считается яичница. Ее, иногда как лакомство, готовят и для семьи в период весенних полевых работ, им угощают и дневного кунака. Но если кунак должен заночевать, в обед хозяйка яичницу не делает, а ограничивается хлебом и сыром, потому что вечером надо кормить приезжего хинкалом, а это слишком накладно – яичницу и хинкал в один день не часто можно делать.

Очень немногие более обеспеченные крестьяне откармливают на подножном корму быка, буйвола или несколько голов баранов и режут их на зиму. Мясо сушат, но в большинстве случаев целиком его не едят сами, весной выносят на базар и продают. Такой урахинец экономит все – и деньги, полученные за сушеное мясо, и шкуру, и выручку за проданные масло и яйца, выручку за сотканные женой палас и сукно на черкеску. Все это накапливает в расчете на то, чтобы приобрести когда-нибудь кусок земли. Если ему за счет голодного существования семьи через десяток лет удастся купить небольшой, в четверть га, пахотный участок, он считает себя счастливейшим человеком. При этом семья лишалась и крайне необходимых предметов домашнего обихода – постельных при-

надлежностей, паласов, посуды, – которые тоже уходили в уплату за землю, хозяйство лишалось и рабочего скота. Но все эти трудности не смущали хозяина – в земле была вся сила.

Очень немного, правда, но бывали и такие, которым гораздо легче удавалось приобрести такой земельный участок. Это были более обеспеченные крестьяне, постоянно или сезонно использующие наемный труд. Часть этих многоземельных крестьян богатеев-кулаков, некоторые представители сельской знати и духовенства, торговцы и всякого рода мастера темных дел жили на широкую ногу, часто пьянствовали. Причем пили больше белопечатную водку, коньяк, зубровку, а не бузу, как остальные крестьяне. На зиму они заготавливали сушеное мясо, а весной, летом и осенью резали баранов.

Если для приобретения земли горец шел на такие лишения, то понятно, до какой степени нужды и обнищания должен был прийти вынужденный продавать ее. Много было причин, заставляющих бедняка расставаться со своим последним клочком: большая семья, которую становилось все труднее кормить, смерть взрослого члена семьи, на похороны и поминки которого нужны непомерно большие расходы, равные, по меньшей мере, стоимости двух быков, сборы приданого при выдаче замуж дочерей, женитьба сыновей и т.д.

Из года в год земля в горах дробилась на мелкие куски, увеличивая чересполосицу, создавая искусственные заграждения, затрудняя ее обработку, увеличивая конфликты между хозяевами из-за межей, подступов и проездов к участкам. Такое систематическое дробление пахотной земли происходило потому, что наследники так дорожили ею, что никак не могли поделить между собой.

Скажем, крестьянин имеет 3 куска земли. Они непременно разбросаны в отдаленных друг от друга массивах. Очень часто после его смерти наследники делят между собой каждый из этих участков, потому что каче-

ство земли, его расположение, местонахождение, глубина пахотного слоя – все это учитывают при переделе и не хотят, чтобы им достались неравноценные куски.

Благодаря такой необеспеченности основной крестьянской массы, малоземелья и бедности урахинцы с давних времен вынуждены были уходить на заработки. Многие урахинцы ежегодно уходили на сезонные работы по уборке хлебов на кумыкскую плоскость, а зимой молодежь и подростки батрачили в тех же кумыкских аулах, за кусок хлеба ходили за скотом. При этом преследовалась еще одна цель – изучение кумыкского языка. Позже жители предгорий научились массами уходить на отхожие промысла. А в последние годы много отходников идет на железную дорогу, главным образом на Северный Кавказ разнорабочими, а также на нефтяные промысла Грозного. Появились и такие, которые постепенно оседают на промышленных предприятиях Петровска и Дербента, на бакинских и грозненских нефтепромыслах, на транспорте.

На своеобразном базарном гумае сегодня собралось народу больше обычного. Это потому, что люди почувствовали весну, каждому хочется в широком кругу обсудить свои планы, связанные с наступающим периодом сезонных работ, получить совет, сговориться, найти товарищей-попутчиков и т.д.

Всеобщее внимание здесь привлекал человек средних лет, коренастый, лохматый, несколько сутулый, обросший густым, иссиня-черным волосом, с грубой морщинистой кожей темного лица, подвижными, всегда смеющимися глазами. Это был известный мастер острого слова, любитель поспорить, активный член джамаата, всегда выступающий со своими замечаниями на общественных сходах, резкий в обращении, но не злой, умеющий рассмешить. Его слушали с удовольствием. Имя носил он трехэтажное – Исала Омарла Сулейман – Сулейман, сын Омара, сына Исы. Малоземельный, энергичный крестьянин Сулейман брался за разные дела, чтобы про-

кормить небольшую семью. С молодых лет он часто бывал на кумыкской плоскости – хлебной житнице, но долго не задерживался там, не батрачил у богатых баршлинцев или теркемейцев. На отхожие промысла он тоже ходил мало, был консервативен в этом отношении. Вообще Сулейман крепко придерживался старых традиций. Новые веяния далекой жизни, которые приносили с собой возвращающиеся в село отходники, не захватывали его. Но в этом урахинце жил свой, собственный внутренний протест, враждебность к богатым, имущим аула. При удобном случае он говорил в их адрес колкости, довольно остроумно высмеивал их. И сейчас Сулейман под общий смех рассказывает случай, как Абдуразак-кади совершал налет на врагов.

– Вот в селе у нас, если помните этот случай, – чеканя каждое слово, повествовал Сулейман, – поднялся большой шум очередного скандала. Был ранен родственник Абдуразака. Он хорошо понимал, что несмотря на свой возраст и ученость, он покроет себя позором, если не вмешается в скандал, защищая близкого. Он крикнул сыну:

– Давай сюда ружье! – и схватив старое, ржавое, десятки лет не заряжавшееся кремневое ружье без огнива, побежал по аулу. У гумая приятель загородил ему дорогу:

– Куда бежишь, Абдуразак-кади? Остановись!

– Мне некогда, не мешай! – ответил Абдуразак. Видишь какой шум. Бегу защищать своего человека!

Заметив в руках ученого старое негодное ружье, приятель схватил его и заглянул в дуло.

– Да ведь оно не заряжено, и огнива нет, – усмехнулся он. – Куда тебе с таким ружьем идти? Вернись домой!

Абдуразак-кади растерялся.

– А как же теперь быть! – Но тут же нашелся:

– Никто не знает, что у меня ружье не заряжено, – доверительно проговорил он. – А убивать человека мне

вовсе не обязательно. Люди увидят, что я не трус, этого достаточно. Не задерживай. Добегу до места! – И вырвавшись, побежал, но его вновь остановили.

Рассказ Сулеймана прерывался взрывами смеха.

Тишина еще не установилась, когда бывший пастух общественного стада, ныне кузнец, сосед Абдуразаккадия Гадайкала Магомед привлек общее внимание.

– А слышали вы, как ученого обманул мугринец? – обратился он к односельчанам.

– Знаем, но ты умеешь хорошо рассказывать. Говори, – попросили его. Моментально все приумолкли и Магомед начал:

– Некий мугринец, вспылив в случайной ссоре, дал развод жене, которая вынуждена была уйти от него, оставив кучу детей. Бедный человек обратился к своему кадию, но тот, желая побольше получить за услугу, отказывался найти путь к восстановлению брака. А находить такие пути в шариате разрешалось лишь ученым арабистам. И мугринец решил обратиться к урахинскому кадию. Но знал он, что и этому ученому надо понести подарок, а ему нечего дать. Тут его осенила мысль, и мугринец на следующий же день явился в Урахи с глиняным сосудом.

Ученый выдал «хукму» – постановление, восстанавливающее его брак. Мугринец торопливо ушел и, когда кади остался с женой, предложил ей попробовать масло. Заманчивой, свежей желтизной отливало оно в кувшине. Испуганная женщина вскрикнула – под тонким слоем коровьего масла оказались тряпки. Поняв в чем дело, Абдуразак выскочил на крышу и стал кричать вслед удаляющемуся обманщику:

– Эй-эй, мугринец! Мать твою... Я расторгаю кебин твоей жены. Бумага недействительна. Сгоришь в огне, если подойдешь к жене! Вернись обратно!

Но бедному мугринцу теперь не до него было. Получив заветную бумагу, он иноходью бежал прочь от аула. В самом деле, что ему оставалось делать, как не обмануть

ученого, раз нечем заплатить за такую ценную бумагу? Он знал, что теперь и мугринский кадий не сможет воспрепятствовать ему вернуть жену домой – «хукму» ученого гарантия к тому.

Долго кричал раздосадованный Абдуразак вслед мугринцу, долго рассказывали об этом на очарах слушавшие его крик урахинцы и сам Абдуразак.

Рассказ Магомеда еще больше развеселил крестьян.

– Вот и Ибрагим-кади подошел к своим друзьям, – сказал один из собеседников, Муртузали, издали увидев этого ученого рядом с Абдуразаком и, выждав, пока вниманий людей переключилось на него, продолжал:

– Однажды мы сидели на похоронах в Верхнем ауле. Абдуразак-кади и Ибрагим-кади, как обычно, затеяли о чем-то спор. Ибрагим сказал что-то очень нехорошее. Тот вскочил, намериваясь броситься с кулаками на обидчика, но соседи удержали. Ибрагим стал в позу обороны. Абдуразак, никогда не носивший кинжала, вырвался и неожиданно нанес удар своей тростью по голове рядом с ним сидящего старика Газибея – родственника Ибрагим-Кади, и воскликнул:

– Свинья и волос его – одно и то же!

Скандалу стариков не дали разрастись, Абдуразака увели. Дойдя до своего квартала, он сказал сопровождавшим:

– Теперь я дома, вы идите обратно. Я совершил божье веление – палка Алхаскадиевых очень уместна на спинах Абдулкеримкадиевых!

– Таковы нравы наших ученых людей!

Рассказ был занимательнее других, но передать его рассказчик не сумел как надо. Качаг-Муртузали плохой мастер говорить. Этот выходец из рода Гадай-Джанаевых, не в пример своим сородичам, весьма уравновешенный человек. Он еще молод, но успел побывать везде – на рыбных промыслах сезонным рабочим, разно-

рабочим на железной дороге, на табачных фабриках Петровска. Пытливым умом старался он понять причину произвола и беззакония, пытался делать обобщения. Этого степенного урахинца по одному имени не узнавали, непременно добавлялось прозвище, оставшееся от отца и деда – «Качаг», что означало разбойник, абрек. Однако Качаг Муртузали ничем не был похож на разбойника.

Более колоритной и своеобразной фигурой являлся его собеседник Сунгур-Гаджи. Его плотная, рослая фигура на широко расставленных ногах выделялась в кругу собравшихся. Несмотря на тучность, движения Сунгура удивительно ловкие, быстрые. Всегда жизнерадостный, веселый, любящий пошутить, отзывчивый, всем интересующийся горец этот пользовался уважением у односельчан. Урахи с отдаленными большими хуторами – это по существу целая группа аулов. Поэтому многие урахинцы не знают друг друга. Но Сунгура знали почти все.

Сын малоземельного крестьянина, он перепробовал разные профессии, брался за различные занятия. К этому толкали его два обстоятельства – необеспеченный кусок хлеба и непоседливый характер. Человек кипучей энергии, он не мог найти применение своим силам и способностям и метался в вечных поисках чего-то нового.

Всегда носился он с новыми идеями – надо обучать детей только в русской школе, недавно открытой в Урахи, построить большую дорогу на Дешлагар и на Леваши, убрать нависшую над домами скалу и т.д. На общественном сходе в числе немногих Сунгур выступал за постройку в ауле школы, когда этот вопрос ставился на сходе джамаата. А позже принимал активное участие в ее постройке. Это благодаря таким, как Сунгур, удалось наперекор козням духовенства получить государственную помощь на строительство школы, в которой ныне обучаются многие крестьянские дети.

Школа в Урахи – большое событие в жизни горных аулов, таких школ в горах единицы.

Сунгур вместе с другими ходил в более молодые годы на отхожие промысла – весеннюю путину на Каспий, на железную дорогу. Но его не удовлетворяла и профессия отходника.

Пробовал Сунгур заниматься и мелкой коммерцией – куплей-продажей всякого рода мелочей, но и тут оказался не к месту. Большую часть своего «товара» он отдавал знакомым односельцам по себестоимости – неловко было брать с них больше. «Торговля – дело бессовестного человека», – решил он про себя и бросил это занятие.

Сунгур имел два-три маленьких клочка земли, разбросанных по всей урахинской земле, но они никак не могли обеспечить семью. Скотины он тоже не держал, кроме коровы и верховой лошади, с которой, несмотря на нужду, не расставался никогда.

Сунгур-Гаджи не был религиозен. Пятикратный намаз он совершал больше для показа, чтобы земляки не высмеивали. Тем не менее, однажды он продал лошадь и, влекомый страстным желанием посмотреть дальние страны, вместе с очередной партией паломников поехал в Мекку на поклонение гробу пророка Магомеда. С тех пор в его имени появилась приставка «Гаджи», и Сунгур стал называться Сунгур-Гаджи. Но и после паломничества Сунгур не стал более религиозен, больше того, он, как и прежде, любил посмеяться над «святыми», рассказать анекдот о них. Еще в бытность разнорабочим на берегах Каспия подружился он с русскими рабочими и с тех пор утверждал, что нет на свете человека более справедливого, чем тот, кто носит «чирча» – фуражку, т.е. русского человека.

– Да, интересные люди наши арабисты, – поддержал он Качаг-Муртузали с улыбкой.

– Удивительное дело, наша сельская верхушка, особенно ученые люди, не любят друг друга, у них постоянно раздоры.

Рядом с Сунгуром, покручивая рыжий ус, сидит чабан овечьей отары Загид. Загид невысокого роста, немного коренастый, плотный молодой человек. Здоровьем, простотой, искренностью дышало его загорелое, темно-розового цвета лицо. Вся одежда и сам он пропитаны жиром – это гарантирует от всяких паразитов.

Открытый, бесхитростный, он был настоящее дитя природы. Многое, что было достоянием урахинской молодежи, не ведомо ему. Единственное, что заставляло временами задумываться пастуха – несправедливое распределение на свете материальных благ, богатство одних и бедность других. На собственном опыте пришел он к таким размышлениям, хотя и не умел объяснить причины такого неравенства.

Полтора десятка лет Загид пасет чужих овец. Отец бедный, многодетный крестьянин отдал его в подпаски десятилетним мальчиком. Сначала Загид пас стада урахинских овцеводов, но вскоре стал чабаном собственного дяди. Неопытный подросток сначала чувствовал себя чуть ли не совладельцем большой отары овец, за которой он ходил, но постепенно понял, как он далек от истины, понял, что он такой же, как и остальные его товарищи по труду, бесправный чабан, хоть и принадлежащего близкому родственнику, но чужого для него стада.

Загид имел возможность в год два-три раза отлучаться от отары. Эту поблажку, как племяннику своего хозяина, делал ему старший чабан.

Вот и сегодня он появился на урахинском базаре.

В отличие от светловолосого Загида, брат его смуглолицый брюнет Усман пришел на базар помочь брату приобрести двухствольный пистолет харбукских мастеров.

Казалось, что между братьями нет ничего общего. Так мало похожи они друг на друга. Старший был щегольски одет, на боку у него висел старый, но еще поблескивавший никелем пятизарядный «бульдог», барабан кото-

рого совершенно не поворачивался. На шею в виде хомута надет расшитый серебряными нитками красный шнур, одним концом прикрепленный к ручке револьвера. Только кинжал Усмана в простой оправе – не хватило средств приобрести в серебряной. Кинжалы с серебряной насечкой теперь появились у многих урахинцев. При каких-то неизвестных обстоятельствах Усман был ранен в ногу и слегка похрамывал. И на отхожие промысла он не мог ходить по этой причине. Отец его выпросил на общественном сходе место на берегу речки для постройки маленькой водяной мельницы с одним жерновом. Эта мельница и была единственным источником существования большой семьи в десять человек. Усман постоянно пропадал на мельнице, уход за ней был единственной его заботой. Отец пробовал учить его, послал в русскую школу в Леваши. Но не долго длилась эта учеба. Через три недели из Урахи в Леваши пришел по своим делам сосед Усмана, старик Багомад и попутно решил навестить мальчика. При виде земляка Усман расстроился и сразу задал вопрос:

– Скажи, дядя, у нашего Загида, наверно, выросли усы? Мельница наша тоже наверно большая уже стала?

Загиду в это время было лет десять, а мельницу только что построили. Так крепко затосковал мальчик по родному аулу. Пришлось оторвать его от учебы и увезти домой.

Собеседников становилось все больше.

Вот подошли еще два закадычных приятеля: степенный Айсала Умар, брат Сунгур-Гаджи, и ловкий в движениях товарищ его Алтавла Багомад.

Полулысая круглая голова, высокий лоб, морщинистое, покрытое следами оспы, бритое лицо, добрый и в тоже время несколько лукавый взгляд всегда прищуренных глаз, раздвоенный кончик носа с широкими ноздрями, массивный, такой же раздвоенный подбородок, под самый корень подстриженные усы, сбитая фигура, солидная

осанка – таков был Умар. Сезонники говорили, что он больше похож на чеченца.

Внешность его друга несколько иная – скуластое лицо, широкий, но невысокий лоб, подрезанный, широкий нос, короткий подбородок, подвижные карие глаза под надвинутыми густыми бровями, бронзовый цвет и грубоватая кожа лица, темно-рыжие подстриженные усы и выбритый подбородок, ясный, испытующий взгляд.

Умар – волевой человек с большими запросами в жизни. Хорошее имя и авторитет в ауле – основная забота его.

– Чтобы сохранить уважение к своей особе, – говорил Умар, – человек не должен быть слишком откровенным, слишком простым в своих отношениях с людьми. Панибратские отношения со всеми – признак слабости.

Не так легко мог понять Умара даже близкий человек. В порыве гнева он мог совершить неожиданный поступок. Поэтому массы крестьян, особенно отходники, с которыми Умар быстро находил общий язык и дружил, относились к нему с почтительной осторожностью. Голова этого урахинца очень способная. Справедливо считают его умным человеком. Ум сочетается в нем с другим природным даром – острым юмором. Последние годы он ездит на Грозненские нефтепромысла. Человек с пытливым умом, Умар лучше своих товарищей и глубже изучил и знает жизнь рабочих, очень интересуется политикой, заставляет от корки до корки читать газету.

Алтавла Багомеду сейчас за сорок, но выглядит гораздо моложе. Этот необычайно верткий живой, энергичный урахинец вызывал удивление земляков. Всегда подтянутая фигура, легкие движения отличают его от других.

Курчавая, невысокая папаха, защитного цвета военная гимнастерка, широкие шаровары, заправленные в узкие голенища легких сафьяновых чупяк – обычная его одежда. Небольшой ростом, плотный, сильный, он мало имеет соперников в беге, танце, в прыжках.

Алтавла Багомад безземельный бедняк из маленького тухума. Большую часть трудовой жизни он провел вне родного аула. На нефтепромыслах работал тартальщиком на вышке, на железной дороге – разнорабочим. И после женитьбы жизнь его не изменилась, только чаще стал приезжать домой.

Умар и Багомад дружат давно, их дружба завязалась далеко за пределами родного очага, на рельсовых путях Кубани и Ростова. Несмотря на несходство характеров, обоих урахинцев сближали общие интересы, одинаковые вкусы и взгляды на жизнь.

Чуть в сторонке от собрания, у скатившегося с горы каменного валуна, сидели два приятеля из верхнего аула Омар Багомадов, по прозвищу Мажа Омар, и Гадайла Арсланбек.

Омару нет и четверти века, но он уже успел приобрести имя бывалого человека. Еще подростком ходил он по кумыкским селам, проводя в них долгие зимние месяцы, хотя и не овладел кумыкской речью. Прошел и обязательный для всех курс-минимум закона божьего – изучение корана, смысл которого непонятен для изучающих. И тут Омар не достиг результатов – не научился, общепринятому среди малограмотных, письму на родном языке на основе арабского алфавита, так называемому «ажам». Изучение корана не привило Омара любви и к религиозной науке. Не увлекал его и крестьянский труд. Не потому, что этот урахинец был ленивым человеком. Наоборот, он с юности считался энергичным, способным парнем. Еще подростком взял его к себе во Владикавказ на воспитание двоюродный брат, Башир Далгат. Адвокат стал учить Омара, который, попав из аула в большой город, не растерялся и проявлял в учебе хорошие способности. Но недолго выдержал условности и режим новой городской жизни, привыкший к сельской вольности юноша, не имея в кармане ни гроша денег, ушел из дома брата и через неделю оказался в родном ауле. Горько сожалел он об

этом потом. Иногда и теперь ездит Омар к родичу, но уже поздно приспособливаться к городу, время учебы прошло.

Омар предпочитает каждый год уходить вместе с односельцами на отхожие промысла, а последние годы привык к предприятиям города Порт-Петровска, которые он гордо называет «большими фабриками-заводами». Омар смеется немного, но любит поговорить, вокруг него всегда шумно и весело. Можно наблюдать, как он в обществе бывалой молодежи односельчан оживленно и со старанием что-то рассказывает, придавая при этом большое значение любому пустяку, преувеличивая его. Зная эту слабость к преувеличению, товарищи воспринимают все, что он говорит, с легкой иронией. Но откровенный и прямодушный Омар не смущается и выкладывает до конца, что есть на душе. Вот поэтому-то и уважают его сверстники. Особенно любит Омар рассказывать о жизни в Вурав-кала (Владикавказ) и смелых выступлениях русских рабочих против хозяев на предприятиях Петровска.

Приятель Омара Арсланбек Гадайла тоже из тухума Гадай-Джанаевых, одет в ластиковый бешмет, обтянут серебряным поясом. На поясе висит небольшой серебряный кинжал. Брюнет, с темным загаром и правильными чертами чуть скуластого лица, ровным взглядом черных глаз, невысокий ростом, он производит впечатление критически воспринимающего все окружающее, солидного человека.

Арсланбек говорил мало, всегда внимательно слушая собеседника, не легко высказывает свое суждение. Трудно было угадать, верит он или нет тому, что говорят. Арсланбек любил правду и если она грубо нарушалась в действиях и поступках людей, резко, без «хатира» – условного уважения – невзирая на лица, вступал в спор. К скромному, выдержанному труженику верхнеаульцы относились с уважением, его хорошо знали и все жители аула.

Перейдя речушку, поднялись по косогору и подошли к сидящим двое совершенно не похожих друг на друга урахинца.

Один из них, которого звали Абакар Шихсадала, по прозвищу Черный Абакар, высокого роста, другой – Баганд Магомедов, по прозвищу Речной Баганд, напротив, низкий. Первый здоровый, обветренный, черный, второй – жилистый, светлый, с ранними морщинками и следами оспы на лице. Густые усы и борода Абакара блестят как смоль, а у Баганда волос редкий – он наполовину куса¹. Взгляд высокого рассеянный, ни на чем не задерживается, часто обращен куда-то вдаль, а глаза низкого, – твердо уставившись в собеседника, как бы щупают его. Первый сразу производит впечатление добродушного парня, а второй – пытливого, волевого человека. Этих, на первый взгляд совершенно различных людей, объединяет большая дружба.

Черный Абакар вырос в теркемейском ауле Джими-кент и мало бывал в родном Урахи. Он всю жизнь работал на других – батрачил у джемикентских богатеев, главным образом у теркемейского старшины Шихмирза. Здоровый, сильный, не одну пару огромных буйволов приручил Абакар к ярму.

Дед и отец его так же, как и он батрачили на кумыкской плоскости. В родном ауле они не имели земли, не было ее и у Абакара. Потому и потерял этот человек родные места, и урахинцы почти не считали его своим. Вся родня Абакара разбрелась по свету, и он сам тоже не был исключением. От старшего поколения перешел к нему почти черный цвет лица, которое под жгучими лучами теркемейского солнца стало еще более темным и блестящим. Абакар держится с достоинством. Речь, движения, невозмутимый и спокойный вид его производят на незнакомца впечатление вялости, лени, но такое представле-

¹ Куса – так называют даргинцы мужчину с жидкой растительностью на лице.

ние неверно – этот с виду неповоротливый детина поражает теркемейцев проворством и неиссякаемой энергией в труде. Он выполняет работу быстро, ловко, как бы шутя. Очень крепко надо обидеть Абакара, чтобы разозлить, но в этих случаях он не любит шутить. Даже всесильный общетеркемейский старшина, хозяин Абакара бывает с ним осторожен, не задерживает обещанную плату и не разрешает себе отпустить по адресу «черного» обычную издевательскую шутку.

Его товарищ Речной Баганд примечателен своим почти безбородым, со следами оспы обветренным лицом и твердым взглядом небольших карих глаз. Этот урахинец всегда весел, постоянно улыбается, шутит, не обижается, сговорчив. Баганд подмечал и высмеивал чужие слабости, строго осуждал неблагоприятные поступки, резко критиковал, невзирая на лица, но и сам не обижался на критику. Обычно с таким человеком вынуждены бывают считаться, считались и с ним, несмотря на его молодость. Отец Речного Баганда, в отличие от сына, рослый хуторянин, в молодости рабочий грозненских нефтепромыслов, в пожилом возрасте приобрел квалификацию плотника и вернулся в родной аул, сам отстроил себе хату и недавно умер. Сын продолжил профессию отца и тоже работает в Грозном, но от родного аула еще не успел оторваться – каждый год лето проводит в селении. Баганд с гордостью говорит о нефтепромыслах и многочисленных друзьях его среди русских рабочих, чеченов, аварцев. Такая, случайно возникшая дружба у него и с Черным Абакаром. Последнего привлекают рассказы товарища, ему хочется, и даже очень, побывать на промыслах, на заводах, в городах. И все же никак не может обещать этому удивительно настойчивому хуторянину уехать вместе с ним на заработки.

Абакар привязан к своей работе, как к родной матери. Любит он жирную, богатую землю теркемейских равнин, очень любит домашних животных, особенно буйволов, хотя они и чужие.

И сегодня Речной Баганд ведет очередную атаку на богатыря Черного Абакара, стараясь оторвать его от всего привычного, уговаривает расстаться с теркемейским старшиной и уехать с ним в Грозный.

В кругу собравшихся сидели два друга, два Магомеда – Магомед Мутаев и Магомед Рамазанов из Нижнего аула. Их трудно было различить. Темный цвет кожи, черный волос, правильной формы черты лица – все было одинаковым у этих урахинцев. Их объединяло и другое сходство – бедность. Эти двое тоже не избежали участи большинства таких же, как они бедняков– урахинцев. В детстве и юношеском возрасте батрачили на кумыкской плоскости. С большим трудом женились они, сыграв небольшие, но бурные свадьбы. Ни тот, ни другой фактически не имеют своего хозяйства, ни у кого нет пары быков, чтобы можно было запрячь в ярмо и обрабатывать хотя бы чужие земли. Выходили из положения, спаривая в одно тягло по одному рабочему быку.

И вот весной оба Магомеда спарили бычка и корову и обрабатывали чужие земельные участки. Рамазанов засеял на половинных началах мечетский вакуфный участок, а Мутаев – клочок земли, принадлежавший его родственнику и соседу Сурхайю.

Сурхай, теперь пожилой и семейный человек, всю жизнь батрачит у урахинского наива. У него есть своя хата, но сам он там почти никогда не живет, там живет его семья. Отдаленный каменистый клочек земли, единственное богатство семьи, сдают в аренду. Иного выхода нет – Сурхай не имеет своей скотины, чтобы распахать участок, а хозяин своих быков не даст.

Такие случаи сдачи земли в аренду среди самых неимущих крестьян, особенно в последнее время, стали частыми. Многие бедняки ежегодно уходят на отхожие промысла, а свои маленькие и обычно самые плохие во всем земельном массиве аула участки забрасывают или сдают в аренду. Как правило, арендаторами являются

малоземельные, но имеющие двух быков крестьяне. Использовать полностью рабочие руки семьи, в которой имеется несколько трудоспособных членов и тягловая сила, им нет возможности за отсутствием собственной земли. Поэтому такие семьи засевают на половинных началах чужие участки.

В связи с этим интересно отметить, что в Урахах, несмотря на острый земельный голод, большая масса земельных участков обрабатывалась не самими хозяевами. Объясняется это, во-первых, наличием большого количества бедноты, которая сдавала свои клочки в аренду уходила на заработки, и, во-вторых, большой прослойкой сельской знати, администрации, служителей религии – кадиев, мулл, муталимое, а также чиновников, военных, многие из которых не живут в ауле и, не будучи в состоянии обрабатывать свои участки, сдают их аренду.

Например, одних всадников Дагестанского конного полка и нукеров у начальников округов и у наибов из Урахи на сегодняшний день имеется 50 человек. Почти все они сдают свои земли в аренду.

Разные торговцы мануфактурой, бакалейщики и другие, число которых все увеличивается, тоже забрасывают земледелие и сами обрабатывают только хорошие участки, а плохие, далекие отдают в аренду. Однако это не мешает им, где возможно и выгодно приобретать новые клочки земли, по нужде продаваемые бедняками.

Не отстает от них и верхушка духовенства – она также сдает земли в аренду и покупает новые участки. Основной костяк крестьянского хозяйства Урахи – крестьяне, имеющие от одного до двух гектаров пахотной земли, как правило, не берут и не сдают в аренду землю, не продают свои участки.

Большая часть времени у обоих Магомедов свободна, некуда приложить руки. Несмотря на это не так часто ездили они на заработки, как их одноквартильцы. Эти урахинцы, так же как и кузнец Магомед влюблены в род-

ной аул, горы, леса, и любой выезд за пределы своих земель казался им Сибирью. Друзья подшучивали по этому поводу. Магомеда Рамазанова нужда выгоняла из дому, и каждый год весной он вербовался на рыбные промысла или железную дорогу чернорабочим, и вместе с большой группой земляков уходил на заработки. На рыбных промыслах он еще держался хоть полсезона, а как попадал на железную дорогу в районы станций Кавказская, Тихорецкая, куда обычно ездили урахинцы, с конечной остановки Магомед через несколько дней бежал тайком от земляков, не получив расчета, и неожиданно появлялся в ауле.

– Не могу терпеть там, где не видно «Хала-Бах», признавался он друзьям.

В этой толпе своеобразного схода бедноты сидели молчаливые и сосредоточенные хуторяне Магомед Хангишиев из Нижнего Махарги и Али Сулейман-Багандла из Верхнего Махарги. Оба эти хутора, расположенные в глубокой узкой долине, представляют собой как бы обособленный от остального мира уголок на урахинской земле. Их обитатели также выделяются некоторой замкнутостью и простотой своей. Они ревностно оберегают свое достоинство, свои интересы от высокомерного отношения жителей села, от притеснений со стороны урахинской верхушки, которая под разными предлогами старается обидеть их. Такая настороженность к сельчанам и оторванность от внешнего мира выработали и более суровый характер махаргимахинцев. Магомед и Али типичные представители своих хуторов. Хуторяне живут получше, чем общая масса крестьян из самого аула. Это обусловлено наличием у махаргимахинцев большого простора, земельных угодий, пастбищ, близостью строевого леса.

В кругу собравшихся находились двое закадычных друзей – Далгат из села Мургух и урахинец-хуторянин Чупан, по прозвищу «длинный Чупан». Далгат отличается от многих плотной, мощной фигурой. Багрово-розовый цвет

сильно испещренного оспой лица, сощуренные строгие глаза, готовые вот-вот раскрыться в усмешке тонкие губы, одна из которых немного рассечена, образуя глубокий шрам, весь его вид говорит о твердом характере, силе и подвижности. Безземельный бедняк, много ходил он по разным землям, но нигде не нашел пристанища. В свое время, в случайно возникшей ссоре, защищая свое достоинство, Далгат убил односельца. За это он попал в ссылку в Кюринский округ и оттуда каким-то образом в Сибирь. Об этом он не любит рассказывать. Ходит он характерной для всех кровников походкой – легко и осторожно, по привычке обхватив правой рукой рукоятку небольшого кинжала в черной оправе. На груди у Далгата железные, покрытые «серебряной водой», газыри, а на боку пустая кобура от большого револьвера. Длинный пятизарядный «Берлин – Германия» сегодня спрятан в карман – не надо мозолить глаза урахинскому старшине. С «длинным Чупаном» Далгат подружился где-то на отхожих промыслах.

Чупан высокого роста, видный, худощавый горец. У него продолговатое лицо, спокойный взгляд больших черных глаз. Казалось, ничто не волнует этого рослого урахинца. Раньше в ауле его называли «Чупан из Ая-Махи», позже, когда его ближе узнали, заметили, стали называть «длинным Чупаном». Это означало, что он признан обществом. А со временем и прозвище «длинный» потеряло оттенок иронии и стало дополнением к Чупану, подчеркивая, что его обладатель – человек уже известный и за пределами родного аула.

Чупан по натуре весьма уравновешенный, спокойный хуторянин, он мало смеется, почти не сердится, всякая мелкая неприятность мало его трогает. Это такой тип человека, к которому какой-нибудь сельский забияка не решится подступить: не знает, что можно ожидать от этого длинного хуторянина.

У «длинного» много друзей среди дешлагарских и чаулакских хохлов, он знает некоторых офицеров и рядо-

вых Самурского полка. Чупан бедный человек, но иногда держит верховую лошадь. Подтянутый, в длинной черкеске и высокой папахе, верхом появлялся он почти каждую среду на урахинском базаре. Он не миновал общей участи отходника, но больше отсиживался дома.

По всей территории базара, держа на руках свой товар, расхаживают мастеровые люди. На краю толкучки в кругу приятелей стоит шапошник из хутора Аймаумахи Мирза Сулейманов. Мирза выходец из широко разветвленного рода Чатирла Сулеймановых. Основная масса представителей этого тухума крестьяне среднего достатка, хлебопашцы и овцеводы, но Мирза примыкает к более бедной ветви своего рода. Однако это не смущает гордое сердце Мирзы. Он ходит с высоко поднятой головой, готовый в любую минуту защитить свое достоинство.

Хлеб с двух-трех земельных участков не обеспечивал семью, и Мирзе, как и многим другим урахинцам, пришлось искать дополнительные источники дохода. В первое время он ездил работать в кизлярские сады, но вскоре научился шить шапки и вот уже десяток лет занимается этим ремеслом. Шьет он их добросовестно, хорошо. Его шапки всегда покупали нарасхват.

В базарный день Мирза появляется с шестом, на ветвях которого висят разного фасона и размера папахи. И сегодня он стоит с этим шестом на своем обычном месте, а крестьяне собрались около него и примеряют шапки. Мирза не любит представителей урахинской аристократии и держит себя в их обществе независимо. Он хорошо понимает, что стать заметным, влиятельным человеком в ауле можно лишь в том случае, если имеешь состояние, являешься ученым арабистом или должностным лицом. Ни то, ни другое он не имеет, но не хочет отставать от других. Мирза понимает значение просвещения и решил хотя бы одного сына отдать в русскую школу. Его сын Сулейман уже кончает дешлагарское двухклассное училище.

Недалеко от шапошника Мирзы образовалась еще одна группа. Собрал их ювелирных дел мастер Харбукан Муртузали. Харбукан – означает житель села Харбук.

Урахинцы не видали человека, у которого были бы такие искусные руки, как у Муртузали. Он умел делать буквально все: самые тонкие ювелирные изделия, производить починку часов, оружия, всяких предметов домашнего обихода и тысячи других самых разнообразных работ. Он мог делать, ничем не уступающие фабричным, револьверы. Вокруг него всегда шумно. Чтобы дать возможность женщинам приобрести у него любимые предметы – кольца, браслеты, серьги, Муртузали временами уходил в центр женского базара, где его также легко обступали, как на мужской половине. Вечно веселый, бодрый мастер и торговал своими изделиями легко и весело. Этот горец – потомственный кустарь. Кроме своих рук и хаты у него ничего нет. По букварю сам учился он русскому языку и письму. Часто бывая в Дешлагаре и общаясь с русскими, он научился говорить по-русски. Страстное желание учиться осталось неосуществленной мечтой, но взамен себя Муртузали устроил своего младшего брата Мусу в дешлагарскую школу. Тот кончил два класса и сейчас учится где-то па курсах почтовых работников.

У верхнего края базарной долины расплескал свои воды широкий мелководный пруд. Между ним и базаром отведена обширная площадка для игр молодежи. Игры эти происходят лишь по базарным дням. Из соседних аулов, не говоря об урахинских хуторах, смотреть различные состязания и повеселиться приходит сюда много молодежи. Отдельные аулы своими лучшими метателями камня, борцами, танцорами соревнуются с большим азартом. Иногда возникает спор. Урахинцы выступают в этих случаях в качестве арбитров, если дело касается других сел, а когда недоразумение произошло между самими урахинцами и пришлыми, дело по праву сильнейшего решается либо обычно в пользу первых, либо веселье срывается.

Здесь на одном конце поляны кидают камень. В этом году чемпионом является Идрисла Багомад. Богатырского сложения, мускулистый, широкоплечий, скуластый со светлым лицом и маленькими прищуренными глазами – этот горец обладал невероятной физической силой и простым добрым нравом. Движения его не были быстрыми, энергичными, но когда брался своими короткими кистями рук за что-либо, по его уверенной и спокойной хватке можно было сразу предвидеть, что любая тяжесть будет им преодолена. В поднятии тяжестей никто и не решался состязаться с ним, а в метании камня были соперники. Однако и в этом соревновании он второй год держит первенство.

На другом конце площади молодежь собралась в тесный круг, оглашая воздух выкриками. Тут идет борьба. Нигде не разгораются страсти, как на скачках и борьбе.

Сегодня победителем выступает нижне-мулебкинец Али по прозвищу «Каркес». Высокий рост, темно-багровое, лоснящееся от жира лицо, толстая шея, широкая спина, растопыренные ноги, проворство и изворотливость в борьбе – вот что отличало этого мулебкинца.

Длинный хуторянин – урахинец Джаммирза бесполезно напрягает силы, чтобы хоть раз одолеть давнишнего своего соперника. Знатоки видят, что и сегодня у него не получится. Джаммирза делает последнюю попытку – обхватив за талию и плотно прижав к себе, приподнимает противника от земли и вертит вокруг себя, стараясь бросить его на землю, но потеряв равновесие, падает сам. Оказавшись сверху, Али деликатно придерживает на секунду поверженного соперника в лежащем положении и вскакивает на ноги. Одновременно поднимается и Джаммирза. В тот же момент к ним подходят несколько человек и нарочито грубоватым окриком сталкивают их с круга в толпу. Делается это во избежание ссоры, могущей возникнуть при таком исходе борьбы. Наблюдатели, во вре-

мя борьбы возбужденно шумевшие, сразу притихли в момент развязки состязания. Многие урахинцы побледнели, кто-то приглушенно проговорил: «Нечего бороться, если не можешь, а если борешься – не падай!» Мулебкинцы, которых здесь было не меньше урахинцев, скромно пытались скрыть свой восторг победой земляка. Нет ни одного урахинца, который не имеет десятка хороших друзей и кунаков среди мулебкинцев и, наоборот, и тем не менее, такое состязание озлобляет, сеет в сердцах людей раздор. Но каждый старается не показать вида, – люди инстинктивно чувствуют, что такая напряженность может вылиться в большой скандал между двумя близкими аулами.

Как только закончилась эта решающая схватка борцов, заиграла зурна. Отделившись от толпы и присев на корточки, известный мастер Кайхусру выводил длинные трели на своем, украшенном серебряными инкрустациями, инструменте. Молодежь сразу образовала новый и более широкий круг перед зурначи. И тогда Кайхусру сразу натужился, покраснел, глаза его заблестели, пышные, рыжие усы растопырились, скрывая до отказа раздувшиеся щеки, и в бешеном темпе полились резкие и мелодичные звуки танцевальной музыки. Здесь одни мужчины, женщины и близко не подходят сюда. По одиночке выскакивают, выбегают, выпрыгивают люди в большой круг и соревнуясь в быстроте движений ног, танцуют так называемый «мужской танец», танец на одном месте. Круговой парный танец урахинцы танцуют только с женщинами.

Зурначи Кайхусру бедный крестьянин, из тех бедняков, которые, несмотря на тяжелые материальные лишения, никогда не унывают, не падают духом, воспитывают в спартанском духе кучу полураздетых, полуголодных ребятишек, но никогда не идут в кабалу к богатым, не бабачат у авоих односельцев, не покидают родной очаг, не бывают на отхожих промыслах и лишь изредка проводят

весну на рыбных промыслах, чтобы на заработанные там гроши приобрести ячменную муку для своей многочисленной семьи. У Кайхусру, правда, есть и другой заработок – на свадьбах танцующие бросают ему деньги, но такие суммы бывают незначительны, тем более, что зурначи обязательно делится ими со своим партнером барабанщиком.

Если Кайхусру известный мастер игры на зурне, то есть здесь и знаменитый мастер «мужского танца». Это Далгат – сын Аммадайла Яхьяла.

Далгат – душа общества молодежи. Вокруг него всегда весело, шумно. Умеет он и рассказать и рассмешить товарищей. Ни минуты не сидит этот человек спокойно.

Кайхусру большой любитель шумных игр и веселья, только зимние месяцы может он отсиживаться дома, а весной, осенью, когда на дворе тепло, каждый вечер до глубокой ночи, часто и до утра играет он на зурне на гумаях, крышах домов, там, где собирается молодежь. И непременно активным участником веселья является и его сосед Далгат. Танцует Далгат лучше всех в ауле. Это признано за ним. Такой же ловкий он и в разных играх – прыжках, метании камня и так далее. Смелого, откровенного и энергичного Далгата знают, любят и уважают в ауле. В последние годы Далгат часто отлучается из аула, ездит на заработки в города. Хорошо владея русским языком, он завязал широкое знакомство с русскими рабочими.

ХЛЕБОРОБЫ

У верхнего края базара, рядом с родником, ведут мирную беседу примерные хлебопашцы из аула и хуторов.

Вот сельчанин Халимбейла Баганд и хуторянин Халимбейла Гасан. Урахинцы о таких говорят: «образцовые

крестьяне». Этим людей уважают, с ними считаются, советуются. У таких крестьян спрашивают время весенней пахоты, осеннего сева, сенокоса, сроки, которые устанавливает общество. Они являются настоящими ходячими энциклопедиями по всем вопросам ведения крестьянского хозяйства. Одному из них поручает джамаат и проведение первой весенней борозды, из их среды выбираются и представители общества для решения земельных споров с соседними аулами.

Широкоплечий, мускулистый, с потрескавшимися руками, обветренным, энергичным, немного скуластым лицом, открытым, спокойным и упорным взглядом светлокарих глаз, Халимбейла Гасан был типичным представителем этой категории вечных тружеников, людей, для которых честный труд землепашца является смыслом жизни. Гасан хуторянин из Верхнего Махарги. Он не знает, который его прадед выселился в давние времена из аула, облюбывал это место для хутора и вместе с другими односельцами обосновался здесь.

Так первоначально создавались урахинские хутора. Несколько человек энергичных, трудолюбивых, обычно малоземельных крестьян собирались вместе и, выпросив у общества разрешение, поселялись на облюбыванном месте внутри урахинских земель. С течением времени эти поселки разрослись в большие хутора в сотни дворов каждый.

Когда-то в старину поселения урахинцев были разбросаны у верхней границы лесистых предгорий.

Название этих селений – Дахши, Мулии-кант, Кукаракант, Издагаши, Шавахши. Дахши – означает аул на обрыве, Мулии-кант – аул жаждущих (вода была от аула далеко), Издагаши – аул княжен, Шивахши – высокий аул.

По одним версиям во времена Темирлана, по другим – при нашествиях персов, в целях самообороны, урахинские поселения объединились в одном месте и образовали нынешний аул Урахи. Помимо нашествий врагов,

причиной к объединению их послужили постоянная непрекращающаяся взаимная вражда и кровавые стычки, возникающие на почве земельного голода.

В тот период и жизнь урахинцев была много проще: женщины еще чувствовали себя свободнее, девушки выходили замуж поздно. Перед аулом, вдоль речки, на лужайках девушки изготавливали и мочили холщёвые полосы и катались на качелях. Здесь происходили состязания между урахинской молодежью и девушками в сочинении стихов, в игре на чунгуре между парнями.

По мере укрепления ислама и учения шариата жизнь крестьян сковывалась, на все налагались запрет, ограничения и в первую очередь в отношениях к женщине. В соответствии с суровыми требованиями шариата усложнялись, переделывались обычаи и традиции народа. В этих условиях жизнь урахинцев, в силу необходимости перед лицом врага объединенных в большой аул, вследствие малоземелья и экономической необеспеченности становилась тяжелой. Возникла естественная потребность нового расселения. И общество разрешило организовать хутора. Многие хозяйства ушли в указанные джамаатом места и образовали впервые такие отселки.

Однако разраставшиеся хутора беспокоили жителей села, наносили им вред: травили посевы, вырубали леса, захватывали сенокосы, распахивали пастбищные участки. Общество вынесло решение обязывающее хуторян ежегодно с весны до осени переселяться в аул. Хуторяне превратились в кочевников – весну проводили со своим скотом в ауле, где они сохраняли дома, зимовали в хуторах. Но такое положение не могло быть постоянным – крестьянину трудно жить в двух местах. И джамаат, под давлением многочисленных хуторов, вынужден был отменить решение и разрешить им постоянно обосноваться на своем месте. После этого хуторяне постепенно стали терять дома в ауле, ослабли связи, но продолжали еще находиться в полной зависимости от него.

Такой порядок оставался уже навсегда и был нарушен лишь один раз, когда возникла, семилетняя война со своими единоплеменниками – даргинцами. Когда началась эта упорная и тяжелая для урахинцев война со всеми даргинскими обществами, численностью в десятки раз превосходящими их, для организации отпора большинство хуторов опять были переселены в аул. А как только установился мир, все отселки вновь водворились на свои места, теперь уже получив право постоянно и весной и зимой проживать в своих хуторах.

Махаргинцы отличаются своей простотой, трудолюбием. Хорошие крестьяне махаргинцы за недостаточностью земель арендуют на половинных началах соседние земли Мюрегинского и Утемышского обществ и упорным, тяжелым трудом собирают неплохие урожаи.

Халимбейла Гасан получил от отца два маленьких земельных участка. Гасан и ночью и днем трудился на них, но что можно взять с двух клочков каменистой земли на косогоре? Горец метался в поисках выхода, искал место, где бы можно было, как он говорил, «поработать, пока рука не насытится». Гасан приспособился засеивать самые отдаленные вакуфные земли и участки из-за непригодности заброшенных общественных земель. Он никогда не эксплуатировал чужой труд, не имел наемных работников. Все полевые работы выполнял сам. Причем работал он одновременно двумя парами быков, и на пахоте и в арбе – везде. Большой помощницей была ему и жена, такая же неутомимая женщина.

Гасан сторонник наук, знаний. «Если человек владеет пером, умеет читать книгу – это его счастье», – говорит он. Поэтому и посылал Гасан всех сыновей на приобретение знаний, какие бы они ни были: религиозные или светские. Младшего Мусу, как и старшего Магомеда, он хочет обучить в русской школе.

Гасан пользуется уважением и в своем хуторе, и в самом ауле. Он является бессменным старшиной Махар-

ги-Махи. В отличие от других старшин больших хуторов, махаргинский старшина не дорожил своим званием, его увлекал только физический труд на поле, труд крестьянина. И, несмотря на седьмой десяток лет, Гасан и сейчас может считаться примерным землепашцем.

Его собеседник сельчанин Халимбейла Баганд, коренастый, плотный, загорелый, круглоголовый, широколицый горец известен в ауле как хороший крестьянин и пчеловод. Баганд очень спокойный и добродушный человек, пользуется уважением не только одноквартальцев, но и всех односельчан. Кто бы в большом ауле не заболел сердцем или желудком, посылают к Баганду за медом. Никому не отказывает он и не берет плату.

Третий собеседник – Сиргала Газимагомед, хуторянин из нижнего Махарги-махи. Рослый, здоровый, краснолицый блондин в семьдесят лет, сохранивший юношеский задор и осанку молодости – этот урахинец походит на северянина.

Когда постигает горе или неожиданная удача горец берет на себя обязательство раздать что-нибудь бедным, или сотворить какое-либо богоугодное или общественно-полезное дело. После второго урожая зерна свыше тысячи варха¹ Газимагомед по совету стариков дал обет посетить Мекку. Обещание свое он выполнил и стал называться Газимагомед-Гаджи. Однако эта приставка к имени не прибавила в нем обычной для этих поломников чванливости. Обычный их наряд – халат и чалму он тоже не носил. Несмотря на то, что в юности прошел азы учения ислама, он не стал своим человеком в религиозном мире и оставался тружеником–землепашцем. По трудоспособности и неиссякаемой энергии только этот махаргимахинец мог соперничать с Халимбейла Гасаном.

Газимагомед – выходец из малоземельных крестьян. Многообразной была жизнь Газимагомеда – бесшабашная, беспокойная молодость сменилась спокойной

¹ Варха – мерка в 25-30 кг.

трудовой жизнью солидного семейного человека. Похищение девушки и женитьба на ней было последним приключением его молодости. С этого времени Газимагомед резко изменился, его неудержимо потянуло, как он сам рассказывает, к земле, к труду. И действительно, тут он удивил всех односельчан, никто не знал, спит ли по ночам этот человек дома или продолжает еще в темноте трудиться в поле. Своей земли у Газимагомеда немного, он арендует ее также, как и Халимбейла Гасан. Невозможно в полной мере оценить трудоспособность этого урахинца, если не учесть следующих обстоятельств: во-первых, почти половину урожая он должен отдавать за аренду земли; во-вторых, работал Газимагомед один, привлекая на помощь лишь членов семьи. И при всех этих условиях два раза поломал он на току свою мерку, после тысячепудового урожая. Жизнь труженика-крестьянина так высоко ценит Газимагомед, что обоим сыновей своих Запира и Габиба также хочет сделать крестьянами-тружениками и не отдает учиться.

Здесь же, вместе с Халимбейла Гасаном, Газимагомедом и Халимбейла Багандом сидят представители другой, значительно более богатой прослойки крестьян. Если первые являются собственниками сравнительно небольших земельных участков в 2-3 десятины и не используют наемный труд, то вторые располагают земельными площадями в 4-7 десятин и прибегают к найму чужого труда. Таких состоятельных крестьян в Урахи немного.

Вот один из них Магомед Абдулкеримов. Сын бывшего урахинского кадия Абдулкерима. Он является одним из самых крупных землевладельцев в селении. Живет в своем родовом хуторе Мулии-махи, в трех километрах от аула. Земли его площадью в 100 варха, т.е. 12 десятин, расположены на плоскогорье вокруг хутора. Магомед производит впечатление вялого, ленивого человека. Однако известно всему джамаату, что Магомед является неутомимым тружеником, землепашцем. Как и Халимбей-

ла Гасан, он работает одновременно на двух парах быков, но держит батрака и использует на уборке урожая другую рабочую силу.

Располагая большим количеством земель, этот крестьянин имеет возможность ежегодно почти одну треть пахотных участков оставлять под парами и получать высокие урожаи.

Другой присутствующий здесь богатый крестьянин – Газибей. Высокого роста, представительный, с красивым, румяным лицом, крупными на выкате глазами – Газибей типичный представитель своего рода. Он живет в ауле, в верхнем квартале. По количеству земли он является вторым урахицем. Газибей плохой крестьянин, трудиться не любит, по образу жизни – типичный аристократ. Земли свои, за малым исключением которых, при помощи батрака засеивает сам, сдает в аренду на половинных началах. По своим качествам его земельные участки лучшие в ауле.

Третий многоземельный крестьянин Алишихла Магомед тоже хуторянин, из хутора Чавази-махи. Земля ему досталась по наследству от отца. Но Магомед не стал, как большинство состоятельных крестьян, прикупать новые участки. Он пошел по другой линии – животноводству. Этому способствовали условия – расположение хутора в таком месте, где поблизости много хороших пастбищ.

В хозяйстве Магомеда работой заняты все члены семьи, все пять сыновей. Наемный труд это хозяйство не применяет. Двое старших сыновей женаты, но не выделились в самостоятельное хозяйство и тоже живут с отцом. Двое других пасут овец. Дома имеется крупный рогатый скот – две-три буйволицы, две пары быков, несколько коров. Алишихла Магомеда мало интересует жизнь аула, новости, хабары; он живет на отшибе, обособленно, как на островке в своем одноэтажном просторном доме.

В группе собравшихся сегодня в кружок богатеев есть и житель аула Амирчупан. Этот здоровый, черный,

неряшливо одетый, с походкой вразвалку и вялыми движениями урахинец является одним из богатеев аула. Земли у него хорошие, но их немного. Амирчупан так же как и хуторянин Алишихла Магомед, является барановодом. Занимался Амирчупан и торговлей – каждый базарный день продает или покупает баранов, режет их и продает мясо, торгует шерстью, курдюками, шкурами, сушеным мясом. Оба его сына давно женаты, но живут в одном доме с отцом.

СЕЛЬСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Наряду с военно-служилым элементом, чиновниками и служащими в последнее время в Урахах резко возросло число учащейся молодежи.

В средних учебных заведениях и сельских школах учатся: трое сыновей Рамазанова Абдуразака, трое – Нурбаганда Алиева, один – Шахбана Гаджиева, один Ая-Махинца Сулейманова, один – Алибека Тахогоди, трое – Алибека Далгат, трое – Абдулмеджида Далгат, сын Адама Курбанова, сын Магомед-Кади Алхасова, сыновья Умара, Шамхала Сулейманова, Усман-будуна, Ибрагима-Кади, судьи Амадзи, Магомеда Алиева, Авазила Баганда Омарова из Ванаши-махи, Ахмадла Багандла Магомедова оттуда же, почтового работника Ильяса Гаджиалиева, племянник его Магомед, брат Таймазова – Магомед из того же хутора Аялизи-махи, Гаджиали из того же хутора, сыновья Шахбана Курбанова, Абдуллы Алхасова, Карбукского и другие.

Есть группа молодежи, для которых учебу можно считать законченной. Они составляют прослойку урахинской учащейся молодежи, которая собирается в свой кружок всегда на определенном месте – напротив родника на косогоре, откуда видна и толкучка базара и площадка спортивных состязаний.

Среди них обычно немногословный сын кустика Мирзы Сулейманова – Сулейман. Чувство собственного достоинства, желание не отставать от других, грубоватая прямота, упорство – характерные черты Сулеймана. Он кончает дешлагарское училище, свободно говорит по-русски. Материальная необеспеченность и желание видеть новые места побудили этого хуторянина отправиться вместе с земляками на отхожие промысла. Несмотря на молодость, он ездил на железную дорогу, работал на грозненских промыслах, потом и табельщиком. Среди сезонных рабочих своего хутора он был единственным грамотеем и потому постоянно участвовал в разрешении конфликтов рабочих с десятниками и подрядчиками. Земляки и в этом году уговаривают его поехать с ними на заработки.

Рядом однохуторянин Магомед, по прозвищу «Уста-Магомед». Сулейман и Магомед считаются друзьями, но эта дружба плохо клеится – разные люди по характеру эти аймау-махинцы. Отец Магомеда крестьянин со средним достатком и кустика. Сына отдал он в русскую школу, соревнуясь с однохуторянами, дети которых учатся в дешлагарской школе. Однако Уста-Магомед не проявил особых способностей в учебе.

Третий товарищ их – сын состоятельного крестьянина из того же хутора Аймау-махи Данакала Нух. Один большой род хутора Аймау-махи рассыпался на много колен, семей с разными прозвищами, характеризующими их хозяйственную деятельность. Нух из родовой ветви «данакали» – данаевы (дана-бычок), Сулейман из другой ветви – «Чатиркали» – чатировы (чатир – шатер). Есть ветвь по прозвищу «пацакали» – пацаевы (паца – кучка свежего навоза). Кстати это свидетельствует об их тяготе к животноводству.

Небольшого роста, коренастый, черный, скуластый, энергичный Нух одет лучше всех. Этот молодой человек отличается сообразительностью, умением обращаться с

людьми, любит поговорить, повеселиться. Он тоже учился в дешлагарской двухклассной школе, однако в учебе больших успехов не имел – не было у него упорства и усидчивости.

Нух бывал вместе с односельцами и на отхожих промыслах, откуда обычно приезжал разодетый.

Четвертый хуторянин Азиз Багомадов старше других. Рослый, здоровый мужчина, с большими рыжими усами, надменным взглядом больших круглых глаз, гортанным громким выговором, красивыми чертами лица, представительный, затянутый в бордового цвета черкеску, хорошо вооруженный, он заметно выделялся среди остальных. Азиз всегда любит себя, горд, склонен к аванюре, приключениям, любит прихватить чужое, но человек компанейский, весельчак, общительный, незлопамятный. Отец собирался сделать его, по меньшей мере, набом, но сын не оправдал надежд, по окончании дешлагарского училища он не захотел дальше продолжать учебу и, как говорится, бьет баклуши. Правда, его устроили письмоводителем наиба в Каякенте, но и там не понравилось непоседливому урахинцу. Теперь он мечтает занять пост урахинского старшины и все ждет удобного случая для этого.

Следующий член этого кружка молодежи – Ахмадпаша, сын крестьянина из хутора Ая-махи. Ахмадпаша, как и его младший брат Ибрагимхалил, учится в дешлагарской школе. На базаре он оказался случайно – приходил в хутор за продуктами, а оттуда пришлось сопровождать на базар старого дядю-кузнеца и нести его изделия на базар.

Второй ая-махинец Рупат Чупанов, сын безземельного крестьянина, нукера наиба. Небольшого роста, светлый, болезненный, немного скуластый, просто одетый Рупат по внешнему виду не был ничем примечателен. Упорный взгляд прищуренных небольших глаз, сжатые губы, широкий подбородок говорили о твердости характе-

ра. Рупат тоже учится в дешлагарской школе. Успеваемость у него не из лучших, берет он упорством и старанием. Рупат не даст себя в обиду, товарищи уважают его.

Здесь сегодня, в этом кругу молодежи появился Абдулабек Таймазов – сын крестьянина из хутора Аялизи-махи, брат начальника участка Магомеда Таймазова. Абдулабек тихий, спокойный, безобидный парень. Он не ссорится с товарищами, держит себя просто. Внешне Абдулабек тоже не выделяется ничем – среднего роста, сухощавый брюнет, с продолговатым лицом.

Родственник его, старый почтовый работник Ильяс Гаджиалиев хочет и его в числе других родственников привлечь на почтовую работу, увеличить свою династию почтовиков.

Еще один хуторянин из Чавази-махи Абдусамад Халимбеков подошел к группе молодежи. Несмотря на молодость, он побывал в разных местах. Крестьянством он не занимался – не было земли. Поэтому с юношеских лет приучился Абдусамад уходить из аула на заработки, а в последнее время осел на железной дороге, где-то в России, а сейчас приехал повидать родной аул. Много рассказывает он из жизни русских рабочих. Об этом повествует Абдусамад урахинской молодежи и сегодня. Условия труда и образ жизни наложили отпечаток на весь его облик. Многому научили этого молодого человека русские рабочие – упорству, настойчивости, коллективности. И одежда Абдусамада иная, полугородская: вместо черкески и бешмета – пиджак, сапоги прочные, рубаха-косоворотка. Плоскогрудый, широкоплечий, чисто плотно одетый, краснолицый, черноволосый, скромно улыбающийся – таков его внешний вид. Абдусамад обходительный с людьми, умеющий логично рассуждать, волевой человек.

Почти все представители грамотной молодежи, присутствующие сегодня на базаре, являются хуторянами. Сельчан здесь нет, они учатся в других аулах и городах.

Тут сказывается разница между аулом и хуторами: первое – аул Урахи исторически является административно-политическим центром не только для своих хуторов, но и целого района даргинских обществ и занимает господствующее положение; второе – верхи аула считают грамоту своей привилегией (в том числе и на русском языке) и не способствуют, а тормозят учебу хуторян.

Единственный молодой человек из жителей аула, который только что присоединился к собравшимся, Абдулла Амирханов, неродной сын Абдулмеджида Далгат. Невысокий, плотный, прихрамывающий на одну ногу (результат случайного ранения), с округлыми чертами лица, карими глазами, выпуклым лбом Абдулла сразу располагал к себе односельчан и быстро устанавливал дружеские связи.

Этот урахинец обладал критическим умом, был принципиален и не упускал случая поспорить, иногда бывал и резок. Но в обычной спокойной обстановке Абдулла любил пошутить, прищурив смеющиеся карие глаза, добродушно улыбался.

Абдуллу учили в сельской школе, но когда научился писать и читать, он бросил учебу. Как грамотного парня рабочие выдвинули его из своей среды помощником табельщика.

Недавно Абдулла женился, но продолжает уходить на железную дорогу. Он хочет самостоятельно пробить дорогу в жизни. И сейчас он ведет разговор о скором отъезде на Северный Кавказ, пытается уговорить приятелей последовать его примеру.

Совершенно обособленно от базара, на спуске от Верхнего аула к Хани-Када Улакай-вудун собрал вокруг группу односельчан и читает им газету. Улакай весьма оригинальный, своеобразный человек. Рослый, худощавый, но крепкого сложения, с загорелым, морщинистым лицом, этот старик-горец сразу располагал к себе. Улакай приветлив и общителен с людьми, вежлив в обращении,

внимательно выслушивает собеседника. Улакай любит говорить в обществе крестьян и устраивать целые диспуты по самым различным вопросам и в этих случаях крепко отстаивает свои взгляды. Этот горец похож на человека, занятого поисками вечного двигателя. Нет такой области жизни, знаний, где не витает его мысль.

Улакай – малоземельный крестьянин с молодых лет много ходил по разным местам, бывал на рыбных промыслах, в кизлярских садах. Занимался он и крестьянским трудом, но маленькое хозяйство не обеспечивало семью. Улакай не выходил из нужды, правда, это обстоятельство не особенно стесняло его. Голова этого человека постоянно занята, но не вопросами обеспечения семьи куском хлеба, а всякими отвлеченными размышлениями. Незная с чего начать, жаждущий все новых познаний Улакай принялся за изучение арабской грамоты, приобрел знания, необходимые для будуна квартальной мечети, некоторое время был будуном, но это занятие оказалось не по душе любознательному горцу, и он расстался с этой обязанностью. Он самоучкой научился и русскому письму, выучил русский язык настолько хорошо, что мог свободно объясняться.

Улакай-будан читал газеты и книжки-учебники на русском языке. Улакай любил говорить о философах древности Платоне, Аристотеле, их учении.

Сейчас самое любимое его занятие – чтение для крестьян газет. Ни одну газету не пропускает он, чтобы не прочитать ее на базаре, учаре, крыше – везде, где собираются люди. Политика, жизнь разных стран, события в России и Дагестане очень интересовали его. Ревностно, с большим интересом следит он за военными действиями на австро-германском и турецком фронтах. И сегодня с увлечением читает Улакай последние сведения с театра военных действий. Без конца хвалит он подвиги русской армии.

Его однокварталец Сулейман, по прозвищу «Усатый Сулейман», не менее любознательный человек. И тоже, заинтересован последними новостями, о которых расска-

зывает газета. Небольшой ростом, жилистый, легкий, подвижный, с лихо закрученными пышными усами, упорным взглядом Сулейман – известный акробат-канатоходец. Он прославился своим искусством бесстрашного верхолаза. Вот, например, в этом году он взорвал готовую упать большую скалу между Верхним и Нижним аулами. Для этого семь дней подряд висел Сулейман над пропастью и без всякой опоры, перевязанный за талию канатом, долбил скалы. Слабонервные женщины Нижнего аула, над крышами которого, как ласточка повис «Усатый», не могли равнодушно смотреть на эту картину.

В поисках куска хлеба еще с юношеских лет исколесил он кумыкскую равнину, кизлярские и дербентские сады, берега седого Каспия. Уже, будучи женатым, неожиданно стал он канатоходцем. Для того, чтобы научиться этому опасному искусству, ему пришлось соорудить на краю аула, перед своим домом «пахливанти» – высокие шесты с канатом. И теперь каждый год весной натягивает Сулейман канат и выступает. Каждое выступление его сопровождает зурна какого-либо любителя – мастера, зурначи. Этот урахинец интересный человек. Он может с большим успехом сделать свое искусство источником дохода, но не делает этого. Выступает в качестве любителя-энтузиаста и в отличие от других, не берет плату, не собирает деньги с публики.

Улакая слушает еще один урахинец, сын малоземельного крестьянина Михраб. В дни молодости, чтобы облегчить жизнь семьи, он ушел в ученики к арабистам, но сейчас, хотя и прошел основной курс учения, не собирается стать служителем религии. Даже в совершении намаза-молитвы он очень неаккуратен, часто пропускает. Михраба живо интересуется новостями, военными действиями на фронтах и не упускает возможности послушать газету Улакай-будуна.

На базаре присутствуют также два сельских учителя: урахинец Магомед Гасанов и ванашимахинец – Саид Омаров. Оба учителя родственники между собой.

Магомед – сын хлебороба Гасана, о котором мы рассказывали.

Отец Саида – ванашихинский старшина Авазила Багомед. Среднего роста, шатен, с округлыми чертами лица и упорным взглядом карих глаз, Магомед производил впечатление волевого человека. Окончив трехгодичный учительский семинарий в Дербенте он сейчас работает, сам пробивает дорогу в жизнь без чьей-либо помощи.

Саид – невысокий, плотный, верно передает внешний облик своего рода. Тонкие черты широкого лица, круглая голова, внимательные глаза, вежливый тон – такова внешность молодого учителя. Саид способный человек, умеет показать себя с лучшей стороны, любит поговорить.

Саид также, как и Магомед Гасанов получил учительское образование в дербентской семинарии. Сперва учительствовал в хаджал-махинской школе, а теперь – в урахинской. А Магомед преподает в той же хаджалмахинской школе, где раньше работал Саид.

Школа в Урахи была вначале открыта в доме «Усатого Сулеймана», а теперь находится в недавно выстроенном новом здании. Школу удалось открыть только благодаря тому, что в Урахи имеется большая прослойка – служило-чиновничьяго люда, с одной стороны, и масса рабочих-отходников с другой.

Вопрос о двух важных мероприятиях – постройке школы и дороги в селении Урахи – давно ставили крестьяне-отходники и более передовая часть сельской верхушки. Однако царская администрация не торопилась тратить средства на такие работы, а урахинские консервативные элементы оказывали этому делу бешеное сопротивление. Торговцы боялись наводнения рынка товарами и стало бы конкуренции, если будет проведена хорошая дорога. Арабистов пугала возможность просвещения масс и отхода их от религии. Преступный элемент – приближения

административной власти. Фанатики боялись прихода русских, которые будут в глаза смотреть правоверным, особенно женщинам.

Несмотря на такое сопротивление, школу все же удалось открыть. Преподавание в ней ведется на русском языке. В школе всего четыре отделения. Образование дается ребятам ниже двухклассного.

«ТЕМНАЯ КОМПАНИЯ»

Известная русская поговорка гласит: «Рыбак рыбака видит издалека». По ее принципу группируются на урахинском базаре люди разных слоев обществ, разных профессий, положений.

Многое объединяет и тех урахинцев, которые собрались в боковой ложбине, в стороне от базарной толкучки, в свой отдельный кружок.

Вот, растопырив ноги, стоит коренастый, широкоплечий молодой человек. У него скуластое лицо, прищуренные глаза, сжатые губы, выдвинутый массивный подбородок.

Это представитель рода Тахакадиевых. Имя его Мустапа. Тухум Тахаевых дал немало служилых людей. Истари они были поставщиками писарей, мурз и гвардейцев для плоскостных беков и уцмиев. Последним мирзой у буйнакских беков был представитель этого рода Яхья, а последним кадием Урахи и окружающих аулов – Тахакадий.

Мустапа убил человек, обвинялся в убийстве и второго брата, но каким-то образом выпутался из этой истории и теперь, нарушая традиции, иногда появляется на базаре. Он еще подростком побывал в Турции, в Стамбуле, куда ездил с отцом к дяде, эмигрировавшему в Турцию из России.

Классически присев на корточки, заговорщически полушопотом ведут беседу двое известных урахинцев –

верхнеаулец Вай-Омадзи (плохой Омадзи) и нижнеаулец Булкадар. Первый старше второго лет на двадцать, но это не мешает им быть верными друзьями. Профессия обоих так близка, что они с полуслова отлично понимают друг друга.

Омадзи – коренастый, очень крепко сложенный, темнокожий брюнет с двойным, выдвинутым подбородком, кошачьими, мягкими движениями и наивным взглядом круглых глаз. Омадзи, сын бедного крестьянина, с детства ушел батрачить в Таркама, за какую-то обиду убил своего хозяина-кулака и с тех пор начал скитальческий образ жизни. Скрываясь от наказания в лесах, степях, хуторах, вновь совершил убийство – застрелил другого теркемейского богатея, попал в Сибирь, бежал оттуда и опять скрывался. Прошло время и о нем забыли, перестали искать. И Омадзи поселился в родном Урахи. Он построил на краю аула двухэтажный каменный дом, стал семьянином. Однако к мирной жизни Омадзи оказался не приспособленным. Вскоре стал поглядывать на привычные теркемейские равнины и, наконец, ушел туда, оставив дом и семью. В теркемейских селах первое время он жил нелегально, а позже, когда совершил еще несколько убийств, почти и не скрывался. А убил он этих людей уже не из личной вражды, а за плату.

Теркемейцы мстительные люди, убийство там – такое же частое явление, как в горах. Зажиточные, богатые крестьяне всех девяти теркемейских селений враждуют между собой. Большинство убийств совершается из-за угла наемными убийцами, которым платят большие деньги. Поэтому появились и профессиональные убийцы. Но такого, как Омадзи никогда еще не было на этой равнине. Он уверяет, что намеченная жертва никогда не уходила от него.

Омадзи хорошо понимает всю преступность своей профессии, но не может бросить это занятие даже сейчас, на старости лет. Он признается, что его неудержимо

тянет метким выстрелом уложить человека. Он даже много не берет за убийство. Теркемейские богатеи как огня боятся этого смертельно опасного человека.

– Ни одного бедняка я не убивал! – с гордостью говорит он.

Омадзи уверяет, что если бы деньги, которые он получает за свой «труд» шли впрок, то давно бы разбогател, а не оставался почти таким же малоземельным крестьянином, как и раньше.

Его приятель Булкадар производит впечатление совсем мирного человека. Но это обманчивое впечатление. Большая выдержка и рассудительность его сбивают с толку пострадавших, которые прибыв в дом Булкадара прямо по свежим следам и не набравшись смелости оскорбить обыском дом такого обходительного человека, уезжают обратно. При этом хозяин угощает их свежим мясом его же буйвола или быка.

Булкадар не скрывает, что к нему все время приводят ворованный скот, что в его доме всегда есть свежесбитое или еще живая скотина, пригнанная издалека его помощниками. Неожиданно нагрянувшему хозяину он объясняет, что его животное к нему еще не попало, и обещает, если приведут – вернуть. А свежее мясо, уверяет он, от другого «кавкина», т.е. краденого животного. Булкадар сам ворует редко. Обычно к нему приводят краденый скот другие мелкие воры. Но животные у Булкадара оседают недолго. Он тут же сплавляет их дальше другим ворам. Его дом – станция. Он сам – вожак скотоконокрадов.

Ворованные лошади из Чечни и Караногая, через кумыкскую равнину, через предгорья даргинцев, табасаранцев, кюринцев, через Самур переправляются в Кубинский уезд. А ворованные в Кубе и на Самуре обратным путем – в Чечню и Кабарду.

Этот «воровской» скотопрогонный путь обслуживают сотни профессиональных воров. На всей этой трассе много остановок – станций. Есть мелкие, промежуточные

станции, где животные делают кратковременную остановку для отдыха, есть и большие стоянки, откуда скот идет на реализацию – распределяется по окружающим аулам для продажи.

«Станцией» второго типа является дом Булкадара.

Другой приятель Булкадара Качагла Яхъя – не менее интересный и оригинальный урахинец. Яхъя сын бедного крестьянина, безземельный горец. Невысокий, плотный, круглоголовый и коротконогий Яхъя производит впечатление сытого бычка. Живые, веселые, небольшие глаза ласково смотрят на собеседника. Густой и жесткий волос не может скрыть здоровый, румяный цвет морщинистого лица. Одежда Яхъя простая, но аккуратная. Вся его фигура подобрана, как у путника. На голове легкая, но крупнозавитая папаха, на ногах легкие чувяки или чарыки. На поясе висит простой, но очень острый кинжал с двумя мелкими ножами с нижней стороны ножен. Пистолет он никогда не носит, говорит, что мешает пробираться по лесной чаще, а это часто приходится Яхъя делать в силу своей профессии.

– Зачем мне пистолет, – говорит Яхъя, – я сам не отстану от пули!

Действительно, это образное сравнение весьма подходит к нему. С наступлением темноты он выходит из дома, через леса, горы и ущелья пробирается на теркемейскую равнину, выбивает перекладыны во дворе самого богатого теркемейца, угоняет буйвола и к утру привязывает его к дереву в ближайшем урахинском лесу.

Дом Яхъя обыскивается почти каждый день, но потерпевшие не могут обнаружить никаких следов, а сельские власти не стараются их найти, потому что доля «кавкина» – краденного – перепадает и им. Яхъя нисколько не разбогател от этого «ремесла» и остался таким же безземельным бедняком, каким был и раньше.

Человек, ведущий полулесной образ жизни, Яхъя растил и воспитывал волчат. Один или два волченка все-

гда бегали за ним по аулу и неизменно покидали своего хозяина как только подрастали. Жизнь, близкая к природе, к животному миру выработали у этого урахинца странные привычки. Поймав змею, он приносил ее в руках на учар, на глазах у людей рвал ее за челюсти и, положив на ладонь длинное, трепещущее змеиное сердце, проглатывал его. Профессиональным конокрадом стал Яхъя не сразу. Еще в молодости пробовал он вырваться из нужды, ходил в ватага – на рыбные промысла. Однажды приобрел даже арбу и двух быков, но у него так ничего и не получилось.

Будучи уже женатым человеком, в поисках новых занятий, попал Яхъя в Дагестанский полк. Однажды полк готовили к встрече командира дивизии. Когда комдив проезжал вдоль рядов выстроившихся всадников, Яхъя выждал момента, когда тот поравнялся с ним, и быстро повернулся на седле и сел спиной к принимавшему парад комдиву. Тот опешил, офицеры растерялись, а Яхъя в таком положении рапортовал:

– Ваше превосходительство, вахмистр кулаком морду маклашку давал, моя голова посмотрит на другой сторона!

Совсем недавно Яхъя на опушке леса, в двух километрах от аула, огородил кусок общественной земли, построил дом, посадил фруктовые деревья и вот уже несколько лет живет там. Но семья больше в ауле. Яхъя и сейчас не потерял свою легкую, свободную походку, так называемую «волчью иноходь», при которой, как он уверяет, человек никогда не устает.

ТОЛКУЧКА

Между дорогой и речкой, в центре долины, разместился основной базар – толкучка. Сама дорога и оба неровные берега речушки также заполнены людьми.

С первого взгляда выделяются «женский базар» и «мужской». Женский базар представляет собой пестрое зрелище разноцветных платков, платьев и белоснежных покрывал – чава; последний цвет преобладает. Женщины, где удобно и как удобно, сидят, разложив перед собой товар – сушеные фрукты, моченые груши, пряные травы, мотки шерсти, старинные серебряные монеты с продырявленным ушком для подвешивания, большие серебряные кольца и другие женские украшения, самотканые шерстяные и конопляные паласы, мешки, сукна для черкесок; посуда из меди – кувшины, большие тазы, котлы и разная фарфоровая посуда, которая украшает сакли, и тому подобное.

Другие, сбившись в тесный кружок, сидят на корточках и, для скромности, натянув на лоб платок или чаву и прикрыв им же краешек рта, оживленно беседуют. Тут передают и узнают «большие новости», новости не только аула, но и хуторов и соседних сел.

Мужская толкучка плотно окружает со всех сторон женский базар. Молодежь занимает все уголки и возвышенные места, откуда можно бросать незаметные взгляды в сторону женщин. В мужской толкучке совершенно не видно женщин, в то время как в женской половине немало крестьян торгует паласами, сукном, самоварами и всякой мелочью.

На мужской половине базара торгуют самыми разнообразными предметами, многие из которых собственного производства. Здесь можно купить все необходимое для несложного быта горца: отделанные шкуры, шапки, сыромятные поршни – чарыки, холщёвые голенища, уздечки, шлеи, бурки, пояса, кинжалы, кремневые и шомпольные пистолеты, деревянные лопаты, различные предметы домашнего обихода. Есть и новый современный, более культурный товар – резиновые и кожаные калоши, разноцветные сафьяновые башмаки на деревянных каблуках, сапоги, самовары и так далее.

В людской гуще китаец продает «китайских змей». Он дует в блестящий комочек, который держит в руках. Комок постепенно вытягивается в воздухе, оживает, превращается в змея, блестящего разноцветной чешуей.

Вдоль заполненной людьми дороги расположились бакалейщики. На старых паласах разложен их товар. Каждый крестьянин, особенно женщины, по несколько раз обходят этот ряд, с интересом осматривая новые, ранее невиданные предметы, вплоть до сжатых в талии узорчатых стаканов, сладких фиников, пахучего мыла.

В Урахах довольно много бакалейщиков. Все они выносят свой товар на базар. И сегодня их собралось здесь немало.

Первым в ряду расположился Нурбаганд, рослый, худой, вечно сердитый человек со смуглым лицом и широкой бородой. Его зовут Чихсан-Нурбаганд. Чихсан – прозвище, означающее «сердитый». Он сидит позади разложенного товара и получает деньги, а торгует его дочь Баху. Она не успевает взвешивать и подавать товары – так много людей осаждают лавку «сердитого» Нурбаганда.

Рядом с Чихсан-Нурбагандом разложил свои товары его же однокварталец Муртузали, по прозвищу «Шехимла Уци», внешним видом и характером очень похожий на «сердитого Нурбаганда».

Дальше в ряду выставили свои товары двое Али-Магомедовы: Али из верхнего аула и Манила Али из нижнего.

Дальше бакалейщиков, на самом видном и бойком месте в аккуратные кучки сложены тюки разноцветных материй и шелков. Здесь мануфактуристы выставили свои лучшие товары. Главное лицо среди них Шамхал и его брат Магомед-Гаджи.

У верхнего края толкучки на арбах и на земле стоят мешки различного зерна, картофеля, муки. Картофель привозят хуторяне из Аймау-махи, но покупают его пока

еще мало – крестьяне только начинают привыкать к этой культуре,

По соседству с этим отделом базара торгуют новыми арбами, колесами, ярмами, сапетками для навоза и самана, корытами, мерками и другими изделиями из дерева.

Напротив них, на той стороне речушки разложили свой товар мастера из Харбука. Все изделия их из железа – топоры, косы, подковы, гвозди, струны и так далее.

По соседству с ними мелкие овцеводы сложили в большие кучи белую и черную овечью шерсть.

Тут же балхарцы выставили разной формы и величины глиняную посуду. У нижнего края базарной долины размещен скотный базар. Здесь достаточно много животных: лошади, буйволы, коровы, быки заполнили огороженную площадку.

Крестьяне из разных аулов беспрерывно снуют, осматривая их. Подавляющее большинство из них более или менее обеспеченные люди. Они же в основном продают и покупают. Бедняку здесь нечего делать, он приходит, чтобы только полюбоваться на чужую скотину или продать единственного бычка. Купля-продажа скота – торжественный акт. Торгующихся обступают со всех сторон и громкими выкриками подзадоривают, пока весь шум не закончится заключением сделки. Поэтому здесь всегда царит оживление.

Скотный базар имеет и своих завсегдатаев, любителей.

Вот пожилой крестьянин Алибейла Абдулла. Один из опытных и примерных землепашцев со средним достатком, Абдулла увлекается скотным базаром, с утра и до вечера торчит здесь, принимает активное участие в свершении сделок, разводит и соединяет руки заключающих сделку, нужно или нет – торгуется, спорит, а иногда в такой горячке неожиданно для себя покупает приглянувшегося быка или буйвола, а на следующий базарный

день приводит его продавать. Эти два вида животных – рабочих быков и буйволиц – Абдулла особенно любит.

В противоположность Абдулле сын барановода Амир-Чупана постоянно находится на скотном базаре во все не потому, что увлекается животными, а потому что просто торгует ими и получает немалые доходы. В последнее время он приспособился ходить в караногайские степи, где закупает разную скотину, пригоняет в родной аул и продает.

Откормленные бараны, овцы и ягнята заполнили косяк между скотным базаром и ручьем. Здесь собираются любители боя баранов. На лошадях, рискуя каждую минуту раздавить человека, гарцуют незадачливые хозяева, желающие показать или проверить качества коня.

Напротив скотного базара, у самой дороги, ведущей в аул, расположился мясной ряд. Коров, быков и баранов режут тут же, туши надевают на деревянные треножки и продают, взвешивая на старинных веревочных весах. Весовой единицей является фунт и ратал. Ратал – три фунта. Каждый крестьянин, забивающий на базаре скотину, платит кадию или его представителю налог – пошлину. Есть люди, постоянно торгующие мясом. Они закупают баранов, овец, быков и забивают их.

Если урахинец, возвращаясь с базара домой, несет ратал мяса, он считается очень богатым человеком. Бедный урахинец несет с базара в лучшем случае один фунт мяса или внутренности.

Вот уже больше тридцати лет занимается этим делом Мангула Баганд. Этот невысокий, коренастый, темнокожий старик, с маленькими, живыми, глазами, безустали кружится, хлопчет, зазывает покупателей. От отца достались Баганду хорошие, близкие от аула земельные участки в размере нескольких десятин. Его и тогда считали хорошо обеспеченным человеком. Но Баганд решил преумножить свое состояние и занялся торговлей мясом. И вот за тридцать лет он закупил лучшие земельные мас-

сивы и сейчас имеет четыре десятины. Из них десятину отдал женатому сыну и в приданое дочери. Но все равно три десятины пахотных земель и две десятины сенокоса большое хозяйство для урахинца.

Другой торговец мясом, Накрала Джапар, выходец из обширного тухума безземельных крестьян, сам в прошлом бедняк. До того, как занялся торговлей, он имел маленький каменистый участок земли, а теперь он догнал Мангула Баганда. У нового богатея рогатый скот, буйволы, овцы, земельные участки, сенокосы. Крепко сложенный, очень энергичный, способный человек, Джапар побил своих конкурентов, даже Баганда. Лучшее мясо на базаре у него. Наиболее жирные куски оставляет Джапар для сельской аристократии. Такой преуспевающий горец из бедняков – редкое явление.

Фамилия Джапара – «Накра» кличка его рода, означающая зурна с барабаном. Тухум шумных и беспокойных крестьян получил это прозвище.

Имя третьего торговца – Нурбаганд, но зовут его «Нуллай». Это не прозвище, а сокращенное, ласкательное от Нурбаганда. Но не так ласков этот высокий, жилистый, резкий в движениях и в разговоре урахинец. Нуллай очень шумный человек, всегда о чем-нибудь громко разговаривает, спорит. Нуллай сначала занимался торговлей от случая к случаю, а в последнее время превратился в профессионального торговца. Однако он еще не разбогател и ничего не прибавил к трем своим земельным участкам.

БОЛЬШОЙ ХАБАР

Базар в разгаре. Сегодня урахинский арбач особенно многолюден. Приближается весна, зерно и продукты питания у основной массы крестьян, как обычно, к этому времени истощились. Одни хотят на последние сбереже-

ния приобрести самое необходимое для семьи, другие – подороже сбыть придержанные до конца зимы продукты – зерно, сушеное мясо, сыр, курдюк. Третьих сюда привело желание вовремя завербоваться на отхожие промысла – рыбную путину, кизлярские и дербентские виноградники, железную дорогу, нефтепромысла.

Гул людских голосов повис по всему ущелью, где раскинулся базар. Никто и не обратил внимание как всадник въехал в самую гущу базарной толпы и резко осадил взмыленного коня. То был нукер из окружного Правления. Он искал старшину.

Неожиданное появление нукера самого начальника округа Карнаилова ничего хорошего не предвещало. Это знали все присутствующие на базаре. Первыми нукера заметили старшина и судьи. Издали, через головы людей, помахав руками, чтобы обратить на себя внимание нукера, разрезая толпу, быстро пошли они ему навстречу.

Через пять минут весь базар облетел хабар о свержении с престола царя. Новость быстро передавали из уст в уста, причем по-разному. Перепуганные верхи аула, покачивая головами, разговаривали полушопотом. За речкой, где собрались сезонники и безземельные горцы, хабар встретили восторженно.

– Говорил же я, что русские рабочие все знают! – сказал Алтавла Баганд, проворно вскочив с места, – помните, в Грозном много раз утверждали, что прогонят царя?!

– Валлах, это правда! – подтвердили его слова несколько человек.

Но большинству далеко неясны были такие события. Их смятение выразил известный острослов Исала Омарла Сулейман:

– Я думаю, друзья, так: если царя не будет, уйдут с нашей земли и все русские – начальники, солдаты, дешлагарские хохлы, рабочие Дербента, Анжи-Кала, Кизляра. Будет ли нам от этого хорошо?

Слова Сулеймана произвели большое впечатление. На секунду многие притихли, призадумались.

– Русские никуда не уйдут! – повысив голос, возразил Сулейману Умар Алиев. – Ты ничего не знаешь. Племянник мой Гамид лучше знает. Помнишь, как прошлым летом он говорил, что русские рабочие и бедняки возьмут власть и установят хурригет¹ для всех? Значит и мы будем с ними!

Многие не доверяли такому «большому хабару».

Их сомнение передал Гадайла Арсланбек:

– Не может ли этот хабар оказаться провокацией нукера? Я говорю потому, что видел такой случай. В Грозном несколько жандармов сами участвовали на забастовочном митинге рабочих, подбивали нас кричать, сами кричали, а вечером явились в казарму, чтобы арестовать нас.

Так была встречена на урахинском базаре весть о Февральской революции. И, несмотря на неясность слухов, различное преломление его в сознании трудовых крестьян, каждый из них сердцем рабочего человека, труженика чувствовал, что наступает большая перемена в их жизни, и каждый по своему выражал эти чувства.

Видавший виды зурначи Кайхусру встал с места, натужился, еще больше раздул щеки, покраснел, и, поворачивая голову во все стороны, огласил базарное ущелье и аул высокими переливами самой темпераментной и быстрой лезгинки. Бедняк Кайхусру, казалось, оповещал весь мир о постигшем его счастье, о приходе долгожданной свободы.

¹ Хурригет – свобода.

Часть вторая

СТРАНА ГОР МЕНЕТ ОБЛИК

НОВЫЙ МИР

Первое мое знакомство с городом состоялось так.

Старший брат Абдусалам, молодой, только что окончивший Одесский юридический институт, специалист, работал в Темир-Хан-Шуре. Это было в 1910 году. Брат решил дать образование мне и племяннику своему – Алхасову Албури. В конце лета обоих нас привезли в город. Ехали мы на знаменитых почтовых тройках Алмаксуда Даитбекова. Долго блуждал извозчик, разыскивая квартиру брата.

Тогда мне было 12 лет. Я кончил 2 отделения сельской школы, но по-русски почти ничего не знал. Албури был много грамотнее, он учился в Дешлагарском 2-х классном училище и понимал по-русски.

На следующий день после обеда Абдусалам ушел, наказав нам не выходить из дому. Но разве могли мы усидеть – страстно хотелось поскорей видеть город, поразивший нас множеством людей, красивыми домами. Пошли по улицам, с восхищением делись впечатлениями. Незаметно стало вечереть, мы устали, но вернуться домой не могли, не знали ни названия улицы, ни номера дома, где жил брат. Стемнело, когда мы набрали на какой-то сад с крепкой и длинной оградой. Видим – в одном месте яркий свет и дверь в заборе, в которую бесконечной вереницей проходят люди. Минуту постояли перед

калиткой и шмыгнули в сад. Тут нас поразило множество народа. По широкой аллее люди ходили взад и вперед, но что особенно удивительно – многие мужчины поддерживали под руки, как мы думали, готовых упасть женщин.

– И как им не стыдно так прижимать к себе женщин, если даже они больны? – задавал я себе вопрос.

Краешком аллеи мы пошли вперед. Идем вдоль деревянной решетчатой изгороди. Вдруг раздались громовые раскаты неизвестной мне музыки – это в большом стеклянном доме за изгородью играл духовой оркестр с блестящими золотыми трубами. В ярко освещенном здании, за сплошными стеклянными окнами много молодых людей обняли женщин и тащат их куда-то. Я крикнул:

– Смотри, сколько девушек сразу похитили!

Молча, в полном недоумении переглянулись мы и полезли на забор. Изгородь была довольно высокая, но мы быстро преодолели ее и, натыкаясь на столбы и скамейки, мимо столов, за которыми сидело много хорошо одетых людей, побежали к зданию. Но и там мы не сразу нашли дверь и, подбежав к большим окнам, прилипли к стеклам. Внутри здания медленно кружились пары разодетых мужчин и женщин. Албури толкнул меня в бок:

– Ты знаешь, – сказал он, – это они так танцуют. Я видел в Дешлагаре, там тоже офицеры танцевали с женщинами вот так. В городе, приятель, так полагается.

Я не поверил и еще не успел найти свое объяснение странной картине безнравственности людей, когда крепкая рука схватила меня за шиворот. Страшно раздосадованный неожиданной помехой, и готовый вцепиться в обидчика, я попытался вырваться, но безуспешно – невероятно толстый, весь в невиданной, золоченой одежде, усатый генерал крепко держал обеими руками и меня, и Албури за шиворот.

Не говоря ни слова, он повел нас мимо тех же столов, за которыми сидели люди и которых мы раньше чуть не опрокинули. Эти люди, как я заметил, посмеивались

над нами. Теперь генерал держал нас за руки. Я несколько не испугался, но шел уже не сопротивляясь – не допускал мысли, что такому большому генералу можно оказывать сопротивление. Его вид подавлял нас. Через дверь, которая оказалась рядом с тем местом, где мы перескочили забор, генерал вывел нас в аллею, переполненную гуляющими, и направился к выходу из сада. Наш обидчик непрерывно басил на непонятном языке. Вдруг он остановился и мы увидели догоняющего нас Абдусалама. Заметив брата, генерал выпустил наши руки и вытянулся перед ним. Абдусалам, как будто ничего не случилось, улыбаясь что-то сказал толстому. Тот сразу переменял к нам отношение – ласково похлопал меня по плечу и быстро заговорил с братом. Тон его показался мне извиняющимся, испуганным. До этого я все время думал, что от этого генерала наверное и Абдусаламу будет неприятность, а тут вижу, вернее чувствую, что дело принимает другой оборот, Албури тоже, не то от растерянности, не то от испуга, еще больше обычного побледнел и молчал. Абдусалам не рассердился, но сказал нам на родном языке, что не надо лазить через забор, когда рядом есть дверь. Нам он приказал идти домой с этим же генералом, а сам пошел обратно. Генерал вывел нас на улицу, довел до угла и, указывая рукой направление, назвал улицу, где находится наш дом. Часа через два совершенно случайно, усталые набрели мы на свою квартиру.

На следующий день Абдусалам разъяснил нам все. Оказывается, мы попали в городской сад, где в летнем клубе шли обычные для летних вечеров танцы под военный оркестр, а на площадке, перед клубом, за расставленными столами сидели горожане, играющие в карты и лото. Генерал, поймавший нас, как нарушителей порядка, был разодетый в форменную одежду швейцара, сторож городского сада, бывший всадник Дагестанского конного полка, аварец Магома, которого знал весь город. А мы-то были в восторге от того, что такой большой генерал испугался нашего брата!

Это было первым моим приключением в Шуре.

Я попал в подготовительный класс, Албури в первый. Брат мой был еще холостой, поэтому жить у него мы не могли, не кому было за нами смотреть. Меня он отдал в семью почтового работника Кулакова, а Албури не помню. Три года жил я у этих замечательных людей. Самого Кулакова не было в живых. Семья: жена, трое сыновей и дочь. В школу – реальное училище, ходил я вместе с ними. Мой ровесник и одноклассник был Володя. В этой простой, хорошей семье я чувствовал себя как в родном доме. Одну комнату хозяйка сдавала холостому учителю нашего училища математику Кахомскому.

Много хлопотал брат, чтобы устроить меня в пансион реального училища, пока, наконец, я не был принят. Скоро я полностью вошел в непривычную жизнь большого коллектива. Сразу появилось много друзей. Брат мой Гамид учился в старших классах, двоюродный брат Магомед кончал школу. С ними я мало общался, моими друзьями были ровесники-одноклассники – Губаханов и Абакаров из Чиркея, Шамхалов из Анди, Гамринский Амирхан и другие.

С самого начала я почувствовал наличие в стенах училища двух противостоящих друг другу лагеря. На одной стороне – дети князей, помещиков, царских чиновников и военных – Хан Аварский, братья Тарковские, братья Мехтулинские, Мусаевы, Апашевы, Мавраевы, Магомаев Ахмед-Наби и другие. Противоположный лагерь – подавляющее большинство учащихся школы.

ЛИЦО ГОРОДА

Так я стал горожанином.

К началу первой империалистической войны в Темир-Хан-Шуре существовала прослойка новой крупной предприимчивой буржуазии – фабриканты, заводчики,

купцы. Наиболее преуспевающими были Магомед-Мирза Мавраев, Хизри Гаджиев, Муртузалиев и др. Там же собралась и аристократическая верхушка Дагестана – Тарковские, Казаналиповы, Уцмиевы, вымирающая династия князей Мехтулинских и другие. Чиновники так называемого военно-народного управления Дагестанской области – губернатор Вольский, помощник его князь Дадашклиани, председатель областного суда Кривенко, правитель канцелярии губернатора Бадави Саидов. Помещики – Апашев, Алмаксуд Даитбеков и прочие. Отставные военные – генерал Мищенко, Таир Чезров, Данагуев и другие. Армейские военные – братья Мусалаевы, Арацханов, Халилов, Нахибашев, генерал Ибрагимов, Джафаров и другие. Религиозные верхи – Дибиров, Абдурахман-Кади, Бадави-кади, Гаджи-Кади. Национальная интеллигенция, в основном выходцы из верхушечных слоев – инженеры Темирханов, Куваршалов, Даитбеков, юрист Гайдар Бамматов и др. Душой этого общества был Адильгерей Даитбеков, дом которого являлся салоном, где они постоянно собирались.

В Шуре собралось также очень много кустарей самой различной профессии – шапочники, сапожники, ювелиры, шорники, оружейники, среди которых знаменитые казанищенские кинжальщики, известные портные, как например Рубштейн, к которому присылали заказы даже из гвардейских полков Петербурга.

Много харчевен, постоялых дворов, мелких торговых точек, бакалейных лавок было разбросано по городу.

Но национальному составу Темир-Хан-Шура – самый пестрый город. Коренное население представлено в следующем порядке: кумыки, лакцы, аварцы, даргинцы. Русское население состояло в основном из служащих, чиновничества, специалистов, семей отставных военных, квалифицированных рабочих предприятий, солдат и офицеров воинских частей.

Таков был Темир-Хан-Шура накануне Февральской революции – город военных и чиновников, аристократической знати, буржуазии и кустарей.

Тишина, мещанский уют, порядок, «пульки» по вечерам в чиновничьих домах, карты и вино в городском клубе для офицеров, салоны у князя Тарковского и Даитбекова для избранных, зурна, гармошка, танцы и скандалы по вечерам для лавочников и кустарей, духовой оркестр на бульваре для учащейся молодежи-реалистов и гимназисток – таков был распорядок жизни города.

В месяц два раза программа пополнялась балами и бал-маскарадами то в городском клубе, то в реальном училище, то в женской гимназии. Их стало особенно много после начала войны 1914 года – устраивались в пользу раненных на фронте воинов. На этих вечерах назначались призы за красоту женщинам, за лучшую мазурку. Во время балов обставлялись так называемые «восточные комнаты». Организаторами и душой этих комнат являлись гимназистки – Тату Булач и старшая сестра ее Изумруд, Зайнаб Даитбекова и другие дагестанки. Комнаты эти убирались в восточном стиле, с восточным буфетом, коврами, тахтами. Трое названных барышень были самыми интересными, известными горянками из молодого поколения. Образованные, культурные дагестанки даже из привилегированных слоев, были редким явлением. Только их небольшая группа незадолго до революции получила образование и, конечно, большинство из привилегированных слоев.

Обтянутые в голубые военные и темно-синие гражданские мундиры с аксельбантами, эполетами, орденами, форменными блестящими пуговицами, кокардами, шпорами с малиновым звоном, саблями в блестящей оправе, черными шпагами, испанскими плащ-накидками с медными застежками и цепочкой на груди, черными фраками, лакированными штиблетами, высокими голенищами блестящих сапог, алыми лампасами узких брюк, лихо закрученными усами, холеными бородками, круглыми

брюшками, золотыми цепочками на жилетах, крахмальными воротничками, – весь этот мир военных и гражданских чиновников, аристократов-помещиков, отставных, специалистов, купцов областного центра Дагестана с его военно-народным управлением представлял собой тот же петербургский столичный мир в уменьшенном масштабе. Нравственное уродство, бессодержательность и пустота буржуазно-чиновничьего мира Темир-Хан-Шуры были прикрыты всем этим внешним блеском и мишурой.

В разгар первой мировой войны на углу Соборной площади и Баятинской улицы женское благотворительное общество открыло кафе «Чашка чая». Доходы шли в пользу раненых на фронте солдат. Общество состояло из светских дам города. Они же являлись и официантками кафе. Молодые офицеры, аристократы, купцы, чиновники постоянно заполняли заведение – их здесь привлекали милые хозяйки, разодетые и кокетливые.

Рядом с «Чашкой чая» во всю ширину Соборной площади стоял длинный одноэтажный дом с открытым навесом во всю его длину. Пол под навесом деревянный, в середине навеса, у стены скамейки. На них с утра и до вечера сидят люди. Это своеобразный открытый клуб на воздухе городской верхушки, городской учар, созданный здесь по образу сельских. Носит этот шуринский учар название «Брехаловка». Так прозвали его рабочие расположенной рядом типографии Зорина. Меткое название сразу привилось. Собирались на брехаловке все городские бездельники: купцы, аристократы, беки, чанки, авантюристы, представители власти имущих с мест, из округов, видные арабисты, чиновники, адвокаты, врачи и так далее. Здесь обсуждались все злободневные вопросы, политические дела, завязывались разные интриги, сделки. И после Февральской революции брехаловка продолжала действовать, многие вопросы прежде чем обсудить на заседаниях Облисполкома, Милликомитета, предварительно решались именно здесь. Этот учар был – политическим клубом дагестанской контрреволюции. Помню, как

Уллубий Буйнакский летом 17 года вышел из редакции журнала Тан-Чолпан подошел к нам и спросил не слышали, что сегодня говорят о нас «брехуны с площади».

ВОЕННЫЕ

Среди военных особую касту представляли офицеры Дагестанского конного полка, который в составе Дикой Дивизии, под командой генерала Мищенко в 1905 году, сражался на сопках Манчжурии, в первую империалистическую войну прославил себя отвагой и героизмом, в период гражданской войны не раз использовался дагестанской контрреволюционной верхушкой против революционных выступлений трудящихся Дагестана и из среды которого вышло также много талантливых борцов, главарей и командиров бедноты в борьбе за советскую власть.

Офицеры этого полка в основном националы. Русские были отдельные единицы. Большинство составляли осетины, дагестанцы, ингуши, кабардинцы, грузины. Я помню командира полка осетина Котиева. До него был, кажется, грузинский князь Амилахвари. Командовал полком и князь Тарковский. Молодые офицеры щеголяли в шитых специальными мастерами светлых черкесках, золотом оружия, саблями дамасской стали. Представительные, обтянутые, с четкой военной выправкой, составлявшей их основное достоинство и преимущество, они не без успеха соперничали с реалистами старших классов в ухаживании за гимназистками.

Военный образ жизни города сразу бросался в глаза. На обширных площадях у казарм, разбросанных в трех местах города, непрерывно шли строевые занятия. У казарм Апшеронекого полка мы часто смотрели учения солдат. Иногда мы видели, как новобранцам давали в одну руку пучок соломы, в другую увесистый кусок камня и, подавая команду с названием этих предметов, обучали

поворачиваться во время маршировки направо и налево. Это занятие было совершенно бессмысленным. По выражению лиц солдат, выполнявших команду, видно было, что они считали такой метод обучения унижающим их человеческое достоинство. Выполняли они эти упражнения с горькой усмешкой, а некоторые с явным озлоблением. Действительно, какой-то фельдфебель в припадке ревностной службы видимо «изобрел» такой способ обучения, а начальство ввело когда-то его в систему и никак не додумается отменить. После занятий мы старались попасть на учебный плац Дагестанского полка. Тут был для нас настоящий праздник: сотни в конном строю проводили занятия. На горячих дагестанских скакунах, обвешенные оружием, обтянутые в черкески, рослые всадники с молниеносной быстротой пролетали перед нами, совершая джигитовку. Были среди всадников и такие мастера, которые с винтовкой за спиной, с шашкой на боку на полном карьере обходили коня вокруг шеи. Обычная вольтижировка, рубка лозы считались простыми упражнениями.

Всадники полка – обветренные, темнокожие, с крупными чертами лица, суровым взглядом прищуренных глаз, лохматыми черными бровями, большими закрученными усами, бритыми подбородками, в крупно-завитых папах, обтянутые в черкески, в легких чувяках, обвешенные оружием, с притороченными к седлу бурками, на беспокойных, танцующих на месте лошадях, производили внушительное впечатление, заражали людей воинственным духом, бодрым настроением, вызывали у глазевших на них крестьян из аулов, жажду подвигов, воинской славы. И многие бедняки-горцы именно после этих встреч сами шли в полк. Поступающий в полк приобретал коня и одежду за счет ссуды, которая выдавалась ему от казны в размере 200 рублей. Желание обладать собственным конем, стремление отличиться на войне, возможность иногда приезжать в родной аул на лихом скакуне, обвешенный оружием, хорошо одетый с украшенной крестами

грудью и казенный харч – все это привлекало малоимущих горцев, считавших военную службу подходящим для мужчины делом, в Дагестанский конный полк.

Торжественными бывали военные новогодние парады на соборной площади с памятником «Апшеронцам за Гуниб». До прохождения войска церемониальным маршем, хором повторяя слова облаченного в рясы священника, приносили присягу положить животы «за веру царя и отечества».

...В период империалистической войны, помню, приезжал в Шуру дядя царя – Николай Николаевич, командовавший турецким фронтом. Высокий, худой, чем-то напоминающий Дон-Кихота, приходил он и к нам в училище, ходил по классам.

А еще раньше, до войны приезжал в Дагестан и сам самодержец всея Руси. По всей линии железной дороги от Сулака до Самура трое суток непрерывно горели костры, освещая окрестность и дорогу. Чтобы поддерживать огонь со всех аулов были согнаны крестьяне.

В коляске проехал дядя царя и в Гуниб. Я был тогда мальчишкой, жил в Левашах. Для встречи его были выстроены конные сотни всех четырех участков Даргинского округа. Народу было очень много. Перед домом начальника округа устроили танцы, состязания. Один хаджалмахинец в быстром темпе лезгинки упал на колени, вскочил, подпрыгнул в воздух и распластавши руки и ноги вторично упал уже на живот, опять вскочил, но с круга ушел пошатываясь. Дядя царя дал ему 10 рублевую ассигнацию. Дали деньги и другие генералы. Через год-два я слышал, что этот хаджалмахинец с тех пор, как перестарался в искусстве танца, заболел. В Хаджал-Махи жил отставной военный, выходец из этого аула, перенявший православие, бездетный полковник Ганапи с женой Анютой. Он принял в своем особняке гостя. Когда после отдыха царский эскорт двинулся, его остановили у каменно-арочного моста Ташкапур, под которым на глубине 40-50

метров, в узком лабиринте каменной теснины бурным потоком прорывается мощная Кара-Койсу. Местные власти решили и здесь показать искусство своих людей. Трое молодых парней на глазах у пораженных гостей, с камнями в обеих руках, взятыми для прибавки веса тела, выстроились на парапете моста и один за другим полетели в эту темную пропасть. Они скрылись в бурлящих потоках воды и вновь появились на поверхности реки на расстоянии ста метров ниже по течению. Один из них был Осман Османов, ученик медресе, впоследствии один из видных руководителей восстания горцев против Деникина в период гражданской войны в Дагестане.

Для характеристики нравов военной Шуры того времени расскажем о корнете Посажном, о котором по городу ходило много анекдотов. Выходец из крупной дворянской семьи Санкт-Петербурга, Посажной служил в императорском кавалергардском полку и за какие-то провинности был сослан на Кавказ и попал в Дагестанский конный полк. Этот представитель, так называемой «золотой молодежи» Петербурга, прошедший военную муштру, но не изменивший своей дворянской натуре, купил в центре города обширный особняк и жил в нем один. Другие обитатели обширного дома – слуга в черном сюртуке, черный дог и черная кошка.

Посажной жил в одной комнате, все стены которой были увешены холодным и огнестрельным оружием различных систем – от дамасских клинков с изображением лисицы и до пятизарядных армейских карабинов. В сенях у входа в спальню стояло короткое и толстое орудие – гаубица с кучкой круглых черно-блестящих ядер.

На Новый год корнет устраивал торжественные вечеринки, куда собирались все офицеры воинских частей города. За несколько минут до 12 часов ночи гости по предложению хозяина разбирали всегда заряженное разнокалиберное оружие – кто пистолет, кто винтовку, кто кремневку. Сам корнет, став у дверей, заряжал пушку,

направленную дулом на улицу, зажигал медленно разгоравшийся шнур. Старший офицер произносил речь и ровно в 12 часов раздавался орудийный выстрел и залп винтовок и пистолетов – все стреляли одновременно. Город знал, что это Посажной встречает Новый год.

В центре большой спальни Посажного был стол. На столе поставлен длинный, обитый черным бархатом гроб. Корнет спал не на кровати, которая без дела стояла в углу комнаты, а в гробу.

Посажной выкидывал всякие сумасбродные «шутки». Однажды он собрал всех извозчиков города, в один фаэтон сел сам, в следующий посадил своего черного дога, в третий – кошку и поехал. Вслед за ним тронулись все остальные фаэтоны. Так во главе длинной вереницы экипажей корнет проехал по главным улицам города.

В 1914 году Посажной застраховал свой дом и ночью поджег его. Утром, когда мы прибежали на пожар, квартал был оцеплен полицией. Еще раздавались одиночные выстрелы взрывающихся патронов. Целую ночь продолжалась эта стрельба, пока горел дом – столько было там боеприпасов, которые постепенно воспламенялись и взрывались. Посажной полностью получил страховую сумму от страхового общества, как тогда говорили в 50 или 70 тысяч рублей, после чего уехал на турецкий фронт.

ШКОЛА

Ни один человек не может без волнения вспоминать годы учебы, школу, учителей, товарищей. Мне хочется в первую очередь перечислить наших учителей, которые сохранились в памяти.

Михайлов Константин Михайлович – добрейший старик, наш воспитатель. Он заменял каждому ученику родного отца. Пансионеры делились с ним всеми своими

радостями и горестями и Константин Михайлович подсказывал решение, наставлял на правильный путь. Все мы очень любили его, и прозвище дали «Касан», уменьшенное от Константина.

Дрожинский Николай Васильевич – учитель русского языка, рослый, рыжебородый, требовательный и справедливый человек. Его тоже уважали ученики. Я и ученик Хазин Михаил писали сочинения лучше по содержанию и больше по объему, чем остальные ученики. Поэтому он нам особо покровительствовал.

Кожанов Иван Дмитриевич – учитель рисования, убежденный кадет. Со дня Февральской революции он бесконечно дебатировал с учениками о политике. Упорно доказывал он, что в России должна быть конституционная монархия. Иного строя не признавал.

– Русские не французы, нам нужен порядок! – любил повторять этот убежденный монархист. На улице, во дворе, в классе – везде готов был Кожанов говорить о кадетской программе. Ученики, зная его слабость, пользовались этим, чтобы прогулять урок рисования. Перед началом урока в классе или даже в коридоре после звонка на урок кто-нибудь заводил с ним разговор на волновавшую его тему и тогда весь урок проходил в дебатах. А когда раздавался звонок на перемену, взволнованный и чуть бледный Иван Дмитриевич бранил нас за то, что отвлекли его, но все-таки уходил довольный. На следующем уроке повторялась та же картина.

Тарасевич Николай Филиппович – учитель русского языка в младших классах. Очень шумный, внешне грубоватый, но добрый, внимательный, знающий душу своих учеников, заслуженный учитель. Знаменитый четкий и ясный почерк наших реалистов – заслуга Тарасевича. Когда другие методы воздействия в отношении разбаловавшегося ученика не помогали, Николай Филиппович сажал его на «индюшку». После занятий уводил такого шалуна к себе домой и до вечера заставлял работать у себя по хо-

зьяйству, колоть дрова, ухаживать за индюками. Это и называлось «посадить на индюшку».

Девидзе – учитель математики, подобранный, чистоплотный, всегда аккуратно одетый человек. Прекрасный математик, требовательный, справедливый. Он также пользовался невольным уважением реалистов.

Скляревский Владимир Васильевич и Нажаф-Кулибек – воспитатели. Когда по пансиону дежурили они, как правило, происходило так называемое бескровное сражение в длинных спальнях. В полночь, когда воспитатель у себя в кабинете дремлет, по чьей-либо команде все пансионеры поднимаются и начинают кидать друг в друга подушками. Солома, пыль стоит столбом.

Мен Нина Ивановна – немка, учительница французского языка. Всегда надушенная, причесанная, аккуратная женщина в годах.

Тихомиров – только что окончивший университет, молодой, способный учитель истории, зять городского головы Какаева, но человек прогрессивных взглядов.

Кахомский – учитель математики, хорошо знающий свой предмет, не делающий уступок в отметках. Он очень нервный, хотя еще молод. При небольшом расстройстве на губах появлялась пена, голос повышался, но быстро отходил. Никогда не улыбался, не шутил, много занимался с неуспевающими учениками.

О других учителях я расскажу дальше.

Состав учащихся нашего училища, в том числе пансиона, был разнообразный. Наряду с детьми привилегированного общества были дети мастерового люда, мелких служащих и чиновников, мелких торговцев – лавочников, специалистов, крестьян и несостоятельных родителей. Вот, например, сын всадника Дагестанского полка – Махмудов, сыновья нукеров – Гаджи Курбанов, Муртузали Хасбулатов, дети кустарей – Хироманов, Исаев, сыновья городского ассенизатора Соколова, ученики Гамзатов, Султанбеков, Далгаты, Кухмазов, Измайлов и так далее.

Брат мой Гамид, студент Екатеринославского горного института, стал присылать нам революционную литературу. Однажды мы получили большой том «Капитала». Гамид строго предупредил хранить его осторожно и читать пока в узком надежном кругу. Посылки шли в адрес Абдулы Нахибашева или Алхасова Албури. Эту литературу мы: Махмудов, я, Нахибашев, Алхасов, читали везде, даже в классе под партами.

Неведомый, новый мир открылся перед нашими глазами. До этого мы и понятия не имели о социальных науках, о социализме, коммунизме, о революции, о эксплуатации человека человеком и т.д. Особое впечатление, помню, произвели на меня слово «Пролетариат» и лозунг «Пролетарии всех стран соединяйтесь!». Целыми ночами напролет фантазировали, мечтали, размышляли мы о том, как же надо силой оружия установить власть бедноты, поставить в школах новых директоров, все земли отдать крестьянам и т.д.

Однажды Арам Сергеевич, учитель немецкого языка отобрал «Капитал» из моих рук, когда, увлекшись чтением, я не слушал урок. Арам Сергеевич схватил книгу и обеими руками вытянул перед собой. Весь он покраснел, руки задрожали и срывающимся голосом старик закричал: «Это кто вам дал!?» – но тотчас изменился, переменял тон, чуть побледнел и запрятал книгу за спину. Он должен был повести меня к директору с этой книгой. Это грозило немедленным исключением из училища. Но Арам Сергеевич решил иначе – скомандовал мне собраться и, когда я собрал свои книги и вышел из-за парты, сунул мне подмышку отобранную книгу и выгнал из класса. Когда я вышел, удивленные ребята спросили учителя, что за книга была у меня, но он не выдал – «Сочинения Шерлок Холмса на уроке немецкого языка я не разрешу читать!» – ответил он. Детективные романы, о сыщиках – Шерлок Холмсе, Нат-Пинкертоне, Ник Картере и других, нам запрещали читать. Не желая выдавать меня, он соврал ученикам, назвав другую книгу. Я же боялся выходить из

училища и прошел в уборную. До перемены ждал там и во время перемены передал книгу Махмудову. Он по окончании занятий отпросился на час в город и спрягал ее в квартире родителей.

После этого случая Арам Сергеевич при встрече на улице как-то серьезно и, как мне казалось, дружелюбно раскланивался со мною, как со взрослым. И спрашивал на уроках меньше, хотя учился я хорошо. Все это было осенью и зимой с шестнадцатого на семнадцатый год. К этому времени у нас образовалась спаянная, дружная компания в составе Махмудова, меня, Алхасова и др. С нами были также Нахибашев Абдула, Измаилов Абдурахман, Гамринский Амирхан. В нашем обществе часто бывали гимназистки – Тату Булач, Кусум Амирханова, Сарра Зайденшнур.

ЖИЗНЬ МЕНЯЕТСЯ

К 1916 году первый угар империалистической войны прошел. Рабочие предприятий, мастеровой народ, крестьяне все больше проявляли нервозность, недовольство затянувшейся войной. Читали газеты с реляциями о победах и ухмылялись потому, что линия фронта не подтверждала их. Особенно угнетающее впечатление производили массовые фотоснимки воинов–офицеров, унтер-офицеров, погибших на фронте. В журнале «Нива» и других журналах помещали их карточки. Правительство хотело показать героев, возбудить в других патриотический дух, но трудовой люд реагировал иначе. От души жалели они погибших, гордились ими, но в то же время в их душе росла ненависть к зачинщикам войны.

Ощущался острый недостаток в продуктах – хлебе, других товарах первой необходимости. Патриотические настроения первых лет сменялись унынием, озлоблением. Антивоенные настроения проникали и в дагестанские

аулы, все больше росло недовольство существующим строем.

Эту обстановку пыталось использовать реакционное мусульманское духовенство, подогревая антивоенные настроения и в то же время стараясь посеять туркофильские идеи, повернуть симпатии народа на сторону турок.

Такова была обстановка в Дагестане и его центре Темир-Хан-Шуре, когда пришло известие о Февральской революции.

Первое время в городе растерялись. Местная аристократия и чиновничество начали постоянно собираться где-нибудь, чаще у губернатора Вольского и у помощника его князя Дадашклиани. В городе реже стал появляться пышный выезд князя Нухбека Тарковского, чаще стали собираться у него влиятельные и знатные люди города. Национальная интеллигенция группировалась вокруг инженера Темирханова.

Стали стихийно возникать сборища на базаре, у собора, перед зимним помещением клуба со стороны Петровского шоссе, перед губернаторским домом. Через короткое время собрания превратились в общегородские митинги. Весь ремесленный люд города, солдаты, рабочие, военные, чиновники приходили на митинги вооруженными. Из соседних аулов тоже являлись возглавляемые отдельными активистами группы крестьян. С речами выступали все. Оратор влезал на высокий пьедестал памятника Аргутинскому и держал речь. Речи большей частью были путанные, неясные – люди оглядывались друг на друга. Верхи города и, в первую очередь, местная национальная интеллигенция открыто выступала за свободу и равенство и тут же призывала сохранять твердый порядок и ничего не менять в жизни. Сожаление по поводу свержения царя никто не высказывал, невозможно было делать это в обстановке общего подъема.

Прогрессивная интеллигенция, в основном состоящая из будущих членов социалистической группы, солда-

ты, рабочие приветствовали революцию, говорили о равенстве людей, требовали избрания новых органов власти на местах. Однако, конкретно в какую форму должны вылиться эти органы власти, еще никто не знал.

Недели через две после свержения царя был большой общегородской митинг перед губернаторским домом. На этот раз выступало много представителей городской верхушки. Выступали также Махач и Коркмасов. Все ожидали больших споров. Народу было много, явились представители из округов. Ждали чего-то нового, но ничего не произошло. Ораторы говорили о необходимости избрать новый орган власти. О губернаторе и начальниках округов, насколько помнится, никто не говорил. Очевидно, это должен был решать новый орган власти. Голосования не было, просто назвали имена не знаю скольких-то людей в состав Комитета. Так без особых споров был утвержден состав Областного исполкома, куда вошли представители буржуазии, интеллигенции, духовенства, чиновничества.

Вслед за Областным исполкомом в городе образовался Совет солдатских депутатов. Происходило это так. Перед входом в зимнее помещение клуба со стороны Петровского шоссе два-три раза уже собирались сходы солдат в полном вооружении. Бывали там и некоторые рабочие. Основная масса рабочих вместе с крестьянами окрестных сел пока собирались на общегородские митинги. Однажды на солдатский митинг явилось много народу. Больше обычного было рабочих, пришли и кустари, были даже отдельные представители буржуазии, присутствовали и мы, несколько учеников. В этот раз солдаты выступали с очень взволнованными речами. У возвышения, куда поднимались ораторы, стоял рабочий – корректор типографии Мавраева Гоголев с двумя другими рабочими. Мы подошли и тоже встали рядом с ними. Гоголев подтолкнул локтем своего товарища в кепке и куртке. Тот вскочил на возвышение и, не двигая ни одним суставом тела, встал как изваяние. Все затихли – спокойная поза этого человека подействовала на собравшихся. Рабочий

заговорил басом, произнося каждое слово четко, ясно, не торопясь. Напряженная тишина. Оратор говорил о рабочих Питера, рабочих и крестьянах России, о напрасных жертвах на войне.

Из задних рядов, в тот момент, когда оратор на секунду замолчал, раздался голос: «Долой порядки босяков!». Все повернули головы.

– Эх, гадина! – сказал какой-то солдат, и сразу защелкали сотни винтовочных затворов.

На шоссе выскочила группа людей в гражданской и военной форме, Среди них был и тот, который подал реплику – известный контрреволюционер, военно-полицейский чиновник из селения Кубачи, бежавший впоследствии в Турцию – Имимала Абдул-Меджид.

Внимание солдат, готовых открыть огонь, отвлек белобрысый невысокого роста воин. С удивительной ловкостью вскочил он на трибуну и левой рукой держа за локоть рабочего, а в правой вытянув длинную винтовку, быстро заговорил меняющимся голосом. Он говорил очень взволнованно.

– Товарищи! Буржуазия будет нажимать на нас, нам надо сплотиться и ответить на борьбу борьбой!

Солдаты кричали: – Правильно!

На этом собрании был избран солдатский Совет. Имена этого солдата и рабочего были названы первыми. Митинг закончился. Группа избранных вошла в клуб, солдаты собирались в строй и мы ушли. После этого часто попадали мы на собрания солдат, которые происходили чаще у артиллерийских и апшеронских казарм.

В первое время после Февральской революции старые представители военно-чиновничьего управления области не хотели уходить без борьбы, пытались перекраститься в представителей Временного правительства, его Областного исполкома и продолжать оставаться у власти. Да и Облисполком не торопился с заменой их. Даже посылая своих комиссаров в округа, исполком призывал их

остерегаться всяких быстрых преобразований в составе сельской администрации. Поэтому бывшие начальники округов еще долго сидели на своих местах. Но в некоторых округах народ сам изгонял их. Так было, например, в Даргинском округе, где возмущенные массы, представители аулов, собравшиеся в Леваши, прогнали начальника округа полковника Карнаилова. Помог этому временный комиссар Даргинского округа Алибек Тахо-Годи, социалист.

Социалисты, входившие в Облисполком, выступали с революционными лозунгами, а помещичье-чиновничья верхушка и представители религии тянули назад, к старым порядкам, не хотели никаких изменений, без конца призывали к спокойствию и порядку. Многие из них играли в либерализм и сторонников народовластия.

В обстановке буржуазной революции, перед лицом активных выступлений крестьян области за свободу, равенство, за землю представители правящих классов и буржуазной интеллигенции боялись широкого размаха этого движения и потому старались не обострять положение, не обострять отношений с трудовыми массами, лавировали.

Но и социалисты не выставляли настоящих революционных требований, не создавали в аулах самостоятельных организаций бедноты, не дрались за немедленный захват и безвозмездный передел помещичьей земли.

Однако такое «мирное» сосуществование с социалистами не устраивало наиболее воинствующих представителей буржуазно-помещичьих слоев и мусульманского духовенства, которые к осени 17 года объединились в одну организацию – националистический «Милликомитет». Я помню видных деятелей этого комитета: Апашева, Чезрова, Мавраева, Дибирова, Темирханова, Абдулмеджида Уцмиева, Али-Килыча, Абдулкасума Мюрегинского и других. Во многих округах и отдельных аулах комитет создавал свои ячейки. Члены Милликомитета являлись од-

новременно и членами Областного исполкома. Милликомитет старался распространить свои идеи среди отсталой части населения – кустарей, верхушечных слоев аула. Лозунгами их были – Миллетнация, Ислам, борьба за установление порядков, освященных шариатом и защищающих интересы господствующих классов. Большинство из них мечтали об исламском государстве в Дагестане, об установлении связей с султанской Турцией. Под таким лозунгом их представители вели работу в дагестанских аулах, против революционных лозунгов, против выступлений крестьян за захват помещичьей земли. С самого начала своего существования Милликомитет превратился в боевой орган дагестанской контрреволюции.

РЕАЛИСТЫ

В начале марта 1917 года к концу занятий нас, учеников реального училища, неожиданно собрали в актовом зале на втором этаже. Большинство учителей уже присутствовало здесь. Когда явились все ученики, директор, у которого был очень взволнованный вид, со словами – «Читайте!» – передал священнику училища Моралевичу большой лист бумаги. Дрожащими руками школьный поп взял лист, надел очки и срывающимся голосом прочитал: «Манифест».

– Мы, Николай второй, самодержец всея Руси, князь Финляндский, царь польский и прочая и прочая..., дочитал нам священник до того места, где говорилось, что царь отказывается от трона в пользу своего дяди. На этом месте голос Моралевича прервался и он, сняв очки, стал вытирать слезящиеся глаза, а манифест повис в дрожащей руке.

– Не могу дальше! – сказал он, оглядываясь на директора.

Тут подбежал инспектор училища, маленький, живой, собранный человек, выхватил из рук Моралевича манифест, бодро, громко дочитал до конца и торжественным жестом передал директору. Наступила глубокая тишина – мы старались осмыслить случившееся.

– Теперь Россия будет спасена! – как бы в размышлении проговорил поп Моралевич, но все услышали его. Кто-то из наших не совсем уверенно воскликнул:

– Да здравствует свобода! – и тут будто река прорвала плотину – все разом зашумели, загудели и повалили к выходу. Директор что-то говорил, пытался остановить нас, собирался призвать к спокойствию, но его уже никто не слушал. В зале остались только ученики младших классов. Мы содрали со стен большие в золотых рамах портреты царя и его семьи и бросили их на пол. Это чуть не привело к общей свалке. Всех охватил какой-то подъем, желание говорить, приветствовать свободу, которая, казалось, неожиданно свалилась с неба. Этот день и вечер школа гудела как пчелиный улей. Сразу определились два лагеря: на ярые контрреволюционные позиции стали дети князей, помещиков, чиновничьей верхушки. Дирижерами этой группы были братья Тарковские, Мехтулинские, Ахмед-Наби Магомаев и другие.

Основная масса учеников восторженно воспринимала лозунги свободы, революции. Среди них сразу выделилась наша группа – Махмудов, Измайлов, Алхасов, Нахибашев, Семенченко, я и др.

С первого дня объявления манифеста посещение уроков начало срываться, порядок и дисциплина исчезали, дирекцию перестали слушать. Наша группа без конца митинговала, собрав вокруг себя учеников. Собирались на улице, во дворе, в уборной, в библиотеке, в столовой, спальне – везде.

Губернатор Вольский, городской голова, инспектор училища и еще кто-то не раз приходили к нам, призывали к порядку и продолжению занятий. Но мало кто слушал

их. Ученики потихоньку стали вооружаться – у многих реалистов старших классов в карманах появились револьверы. Позже их даже от учителей не прятали. В первое время в нашей группе не было оружия, этим хотели воспользоваться наши противники, но безуспешно – испугать нас им не удалось. Много раз происходили драки, но общей свалки с оружием не было.

Нашей группе сочувствовали реалисты Кулаков, Хазин, Хироманов, Халидов, Гаджиев, Исаев, Шамхалов, Гамзатов, Парпачев и другие. Наши сторонники были и среди учителей. Среди них преподаватель математики Девидзе, который считался социал-демократом. Об этом ученики говорили между собой, но от него самого мы об этом ничего не слыхали. С самого начала свержения царя он активно выступал на наших собраниях, говорил о революции, свободе, равенстве. Когда пришло известие об образовании Временного правительства, Девидзе выступал за это правительство и призывал нас стоять за него.

Как-то, вскоре после февраля, Девидзе, наша группа и часть учеников самого старшего, седьмого класса организовали демонстрацию реалистов. Выстроились во дворе повзводно. Впереди духовой оркестр. Под торжественный марш пошли по Аргутинской вниз. Мы двинулись на глазах недоумевающей толпы горожан, мимо знаменитой аристократической «брехаловки», мимо городского сада. Стали подходить прямо к губернаторскому дому. Предупрежденный о нашем приближении губернатор выскочил на крыльцо у парадного входа. Вид у Вольского был страшно перепуганный, видно он не знал что делать. Мы заметили это и стали еще громче кричать. А кричали мы каждый свое – наша группа выкрикивала: «Да здравствует революция!»

Бледный, растерянный губернатор, чуть подняв правую руку, о чем-то заговорил, но мы, под звуки марша, не расстраивая колонны, и не обращая на него внимания, повернули вправо, обогнули памятник Аргутинскому и

пошли обратно по той же улице. Когда вернулись домой, во дворе училища наши семиклассники два-три раза подбросили на руках учителя Девидзе.

После этого случая между директором Сергеенко и учителем Девидзе пошла борьба. Обстановка в училище все больше накалялась, расшаталась дисциплина, ученики ходили вооруженные – у кого пистолет в кармане, у кого – нож. Для водворения порядка в училище были проведены выборы комиссаров. В каждом классе был избран классный комиссар и один комиссар училища. Кроме того на каждый день назначались ответдежурные по 1-2 человека от каждого из старших классов. Эти дежурные ходили и по городу как патрули. В их обязанность входило пресекать возможные инциденты учащихся между собой и с горожанами. Для дежурных и комиссаров были введены желто-красно-белые повязки на левую руку. Это цвет, вероятно, был подсказан Облисполкомом.

Помню такой случай: русский рабочий типографии прислал печатное письмо в училище, резко критикующее цвет ученических повязок. Он призывал нас разорвать их и надеть красные, революционные повязки. После этого письма ученики еще больше раскололись – одни стали носить красные повязки, другие продолжали носить старые.

В это время приближались пасхальные каникулы. Между учащимися разгорелась борьба вокруг директора училища. Наша группа и сочувствующие нам требовали, чтобы убрали директора Сергеенко и на его место поставили учителя Девидзе, а наши противники наоборот выступали в поддержку Сергеенко.

В такой обстановке княжеские сынки решили разделаться с ненавистным учителем: они стреляли в Девидзе, который ночью, при свете лампы, занимался в своей квартире напротив двора училища. Пуля не попала и покушение не удалось. Но Девидзе все же уволили с работы. Солидаризируясь с ним, в знак протеста, с работы

ушли инспектор училища Даниэль, учитель математики Кахомский, учитель Самсония, учитель Надерейшвили.

В Шуре того времени образовался специальный оружейный базар. Улица постоянных дворов, у его пересечения с вокзальной улицей, представлял собой толкучку, где можно было достать любое оружие – отечественное и иностранное. Но нельзя сказать, что изобилие сбило на него цену как на любой другой товар – оружие стоило дорого. Тем не менее, его покупали очень много. Горцы вооружались, особенно жители плоскостных аулов.

Мы, группа учеников, давно просили Махача выдать нам винтовки. Однажды прибежал Абдулла Нахибашев и говорит, что нас зовет Махач. В конце занятий мы несколько человек собрались и пошли к нему домой на теперешней Дахадаевой улице. Махач принял нас в первой комнате – зале, которая служила ему кабинетом. Настроение у него было приподнятое. Беседу начал с наших ученических дел, говорил об учителях, учебе. Махач хорошо знал нашу жизнь, был в курсе всех событий в школе. Он рассказал, что привез оружие, в том числе и берданы. Когда Махач заявил, что он согласен создать небольшой вооруженный отряд из реалистов, нашей радости не было конца.

– Если понадобится, будете сражаться за свободу, – говорил он. Мы тут же составили список и через, несколько дней нам выдали длинные берданы. После этого мы часто ходили на гору за Беловежскую пуцу на военные занятия, стрельбу, тактическое учение. На каждый городской митинг мы уже являлись вооруженные берданами. Иногда патрулировали и по городу.

Помню, как в городе создалось напряженное положение в связи с подготовкой милликомитетчиками резни армян. Это было отвратительным отголоском армяно-татарской резни в Закавказье. По городу распускались провокационные слухи, все говорили полушопотом, передавали друг другу, что вот на днях состоится резня армян.

Спровоцированные милликомитетчиками отсталые элементы из мелких торговцев и разных темных дельцов раздували провокационные слухи и готовились к предстоящему разгрому. Социалисты, городская интеллигенция, трудовой люд города были возмущены действиями темных сил и готовились к борьбе против них. Нам было предложено вести разъяснительную работу на базаре, чайханах, мастерских. Трудно было вести такую работу потому, что не было открытого врага, не было никаких митингов, собраний, и все разговоры шли в полутайне, потихоньку передавались друг другу. Провокаторы хотели подготовить выступление исподтишка, потихоньку обработав массы. Но в конце-концов эта затея им не удалась, провокаторы и их вдохновители не посмели выступить.

Мы часто присутствовали на заседаниях Облисполкома, были в курсе дел, слушали выступления социалистов и представителей господствующих классов, милликомитетчиков.

По большинству вопросов на заседаниях исполкома разногласий не бывало. Представители буржуазии также говорили о свободе, равенстве, интересах трудового народа. Так, что не легко было понять, где кончается контрреволюция и где начинается революция, ясно разграничить реакционное от прогрессивного, нового. Иногда завязывались дебаты даже между представителями правящих кругов. Резкие споры происходили иногда между социалистами и другими членами исполкома. От социалистов, обычно, выступали Дахадаев и Коркмасов. Мы старались не пропустить ни одного их выступления.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ МОЛОДЕЖЬ

Весной в Темир-Хан-Шуру приехал Уллубий Буйнакский. Мы, реалисты, уже многое знали о нем. Некоторые старшекласники его помнили лично, он иногда писал им из Москвы письма. Рассказывали, что Уллубий был одним

из лучших, способных учеников нашей школы, отличался настойчивостью и твердым характером. Говорили, что, будучи студентом, он стал революционером. К какой партии Уллубий принадлежал, мы узнали после первой же встречи с ним.

Я, Албури и Махмудов впервые видели его в столовой комнате у Булача.

Дом Булача – известный в городе дом, двери которого были широко распахнуты для всех. Семья – традиционная. Хозяин умер и его заменяла пожилая, аккуратная, очень милая, гостеприимная хозяйка. Сын Хаджи-Омар уже студент. Дочери – Тату и Изумруд – гимназистки. Изумруд – интересная, степенная девушка по характеру типичная кумычка, в отличие от младшей Тату, больше похожей на горянку. Отец их горец, мать – кумычка. Хозяйка держала нахлебников – реалистов. Помнится Албури тоже сколько-то времени жил у них.

Часто бывал там после приезда в Темир-Хан-Шуру и Уллубий. Для него была выделена отдельная комната, в которой он и принимал нас, реалистов.

До конца лета Буйнакский был в Темир-Хан-Шуре и объединил вокруг себя революционно и прогрессивно настроенную грамотную молодежь. Ни программы, ни каких-либо записанных задач эта группа еще не имела, потому что не была политической организацией, как таковой. Это был кружок агитационно-просветительного характера. Естественно он не имел также никакого названия. Молодежь, входившая в этот кружок, раньше была связана с социалистами. Но эти связи после приезда Уллубия заметно уменьшились и молодежь больше стала группироваться вокруг Уллубия. Основной нашей задачей являлась разъяснительная работа среди крестьянских масс. Однако, непосредственная, живая связь с трудовыми массами налаживалась медленно, мы еще мало бывали в аулах. Если и посещали села, то расположенные вокруг Шуры. Помню, Махмудов и я ездили в Верхнее Казанище и Нижний Дженгутай. Три дня были там, разгова-

ривали с крестьянами. Вернувшись, мы рассказали Уллубию о недовольстве крестьян тем, что все говорят о земле, а ее никто им не дает. Уллубий ругал так называемый земельный комитет Областного исполкома, который занимается только составлением проектов и обращений.

Вскоре по приглашению Уллубия приехал и мой брат Гамид. Энергичный, подготовленный студент, еще в Екатеринославе вступил он в студенческую революционную организацию и после Февральской революции стал комиссаром речной линии рабочих и студентов. Гамид сразу вошел в создаваемую Буйнакским молодежную организацию и активно включился в пропагандистскую деятельность среди рабочих, солдат, ремесленников, сельских активистов. Он явился и к нам, реалистам. Как недавнего реалиста, его хорошо знали в училище. Гамид пользовался общим уважением как смелый и способный человек. Ученики верили ему и с интересом слушали. Собирал он нас и в самом училище и в одной из комнат губернаторского дома, позади зала заседаний Облисполкома. От Гамида мы впервые узнали о многочисленности и силе рабочего класса, о его непримиримой борьбе с капиталистами и с самодержавием. Он говорил, что Временное правительство не представляет интересы трудового народа, что надо отобрать у буржуазии фабрики, заводы, у помещиков – земли, что все это должно принадлежать народу.

Основной костяк молодежной организации состоял из следующих товарищей: Уллубий Буйнакский, Гамид Далгат, Гарун Саидов, Магомед Далгат, Булач Хаджи-Омар, Ахундов Мирзабек. Все они, в том числе и Уллубий, помещались в школе на Гунибском шоссе. Это была штабквартира кружка.

В организацию была вовлечена и часть молодежи из трудовой интеллигенции – народные учителя Хадис Гаджиев и Касаев из Кумуха, Гасанов Магомед из Урахи, Батырмурзаев, бывший наш ученик Чаринов, Аминтаев

Ибрагим и др. В работе группы принимала участие также молодежь из сельского революционного актива, на которую опирались социалисты – Саид Абдулхалимов, Абдулбасыр и другие. Наконец, в эту революционно-прогрессивную группу молодежи входили и мы – реалисты – Измаилов Абдурахман, Махмудов Ибрагим, Алхасов Албури, Нахибашев Абдулла, Семенченко и я. Были там и русские товарищи – рабочий типографии Гоголев, эконо́м нашего училища Русиневич и гардеробщик училища.

Общими для всех были революционно-прогрессивные идеи – уничтожение гнета, просвещение для масс, земля крестьянам, защита интересов трудового народа. В каких формах революционных преобразований и действий должны получить свое решение эти идеи большинство и не представляло себе. Часть молодежи, входившая в эту группу, не была свободна и от национальной ограниченности, старых традиций, были резкие отличия между ними. Мы, несколько человек реалистов, по своей неопытности и молодости тоже считали себя большими революционерами, но на самом деле на последовательных революционных большевистских позициях стояли Уллубий, Гарун Саидов, Гамид Далгат, Измаилов Абдурахман, Магомед Далгат, Русиневич, рабочий типографии (русский товарищ, тот, который писал ученикам о повязках), Абдулхалимов Саид.

Во всяком случае, ясно одно, что большевик Уллубий, несмотря на то, что в группе были и такие, которые целиком разделяли его взгляды, не ставил перед нами вопрос об объединении сразу же в партию большевиков. Очевидно, он считал, что мы для этого еще не созрели.

Уллубий имел тесные связи с рабочим центром Дагестана Порт-Петровском, с петровскими большевиками и Совдепом. Вместе с ними он разрабатывал осенью 17 года тактику борьбы за Советы в Дагестане. Уллубий с момента прибытия в Дагестан стал представителем, хотя не так многочисленного, но революционного рабочего класса

Петровска. Уллубий и его товарищи ставили задачи: завоевать массы трудового крестьянства на сторону революционного рабочего класса, заменить местные органы власти, передать бедноте помещичьи и вакуфные земли, создать вооруженные силы революции – отряды рабочих городов и крестьянской бедноты. Но для того, чтобы превратить в жизнь такие задачи в обстановке явного засилья помещичье-клерикальных сил, в обстановке захлестывающей революционные лозунги мелко-буржуазной стихии и еще недостаточного размежевания классовых сил в дагестанском ауле нужно было проделать громадную работу.

Первым шагом в этом направлении и было объединение революционно-прогрессивной молодежи, перед которой в первый период ставились агитационно-пропагандистские задачи. А к осени 17 года Уллубий и наиболее близкие к нему товарищи ставили перед собой уже более конкретные революционные задачи.

В связи с этим и возникла необходимость ускорить создание на местах надежных революционных сил из рабочих и крестьян-бедняков и революционно настроенных активистов аула. Такой отряд был создан в Шуре из горцев, активистов соседних аулов, рабочих кинжального завода и нас – реалистов. Гамид обучал отряд стрельбе из винтовок, пулемета, бросанию гранат.

Говоря о революционной молодежи, разделяющей взгляды Уллубия и объединившейся вокруг него, необходимо сказать, что с существованием этой группы, с ее деятельностью вынуждены были считаться и контрреволюционные верхи Дагестана – милликомитетчики, члены Облисполкома и т.д. Поэтому Облисполком вынужден был, например, согласиться с предложением, выслать комиссию в Казикумухский округ в составе: Г. Далгат, М. Ахундова и Х. Булач для расследования создавшегося там положения в связи с борьбой, затеянной лакской контрреволюционной буржуазией против революционных сил округа во главе с комиссаром Габиевым.

Гарун Саидов и Батырмурзаев, входящие в молодежный кружок, издавали: первый – газету на лакском языке, второй – журнал Танг-Чолпан. Помнится, когда появился Батырмурзаев и начался выпуск журнала, говорили, что этот молодой человек с живописной прической приехал из Баку, что он работал или имел какую-то связь с журналом «Молла-Насреддин», издававшимся в Баку, что наш журнал – это филиал бакинского. Появление такого журнала в рабочей среде типографии было встречено недоверчиво. В нем видели орган буржуазной националистической интеллигенции, занимавшейся просветительской деятельностью. Такое же отношение было и к молодому издателю его. Гоголев говорил, что Зайнал-Абид жизни рабочих не знает. «Танг-Чолпан» сперва и на самом деле совсем не отображал эту жизнь. Острее ставила социальные вопросы лакская газета.

«КОНТРАСТЫ» – КАРТИНЫ ВРЕМЕНИ

Во Владикавказе проходил съезд горцев Кавказа, где Гоцинский был провозглашен имамом. На массовом сходе он объявил, что будет молиться на бурке, разостланной прямо на воде горного озера Эйзенам и назначил этот торжественный день. Не только из Аварии, но и со всего Северного Кавказа явилось много людей, чтобы посмотреть на чудо. День выдался пасмурный, дул холодный ветер. Имам удалился в войлочный шалаш на «совещание» с самим аллахом. К закату солнца Гоцинский вышел и заявил собравшимся: «Я спрашивал разрешения у Аллаха совершить чудо перед правоверными, но Аллах отказал в моей просьбе. Через ангела своего всевышний передал мне откровение, что истинные мусульмане должны уверовать в имама – избранника бога на земле без всяких чудес. Тот, кто не верует в это – не мусульманин. Свой запрет всемогущий подтверждает си-

лой стихии». – И «имам», встав впереди огромной толпы, преспокойно совершил намаз, как обещал на бурке, но только не на воде, а на берегу озера. Собравшаяся посмотреть чудо фанатичная толпа, недоумевающая, расходилась по домам, а мюриды имама «разъясняли» им случившееся, изгоняя из их сердец смутные сомнения в святости толстого имама.

Дагестанские конные полки вернулись с фронта. Их в Шуре встречали торжественно, как героев. Весь город вышел навстречу на Петровское шоссе к Кафыркумхскому мосту.

Вскоре после этого произошел такой инцидент. В пользу раненых всадников полка городские верхи устроили благотворительный вечер в городском летнем клубе, там, где я впервые в жизни видел «генерала». Вечер обещал быть интересным, ибо такие сборища никогда не проходили без приключений. Не могли и мы пропустить его. Из реалистов, я помню, присутствовали многие – Махмудов, Шамхалов, Исаев, Макаев и другие. Билеты были достаточно дорогие, но, несмотря на это, клуб был переполнен. Пили, гуляли все – и аристократические верхи, и офицерство, и кустари, и торговцы, и всадники полка. Духовой оркестр сменялся зурной. Было далеко за полночь. Я беседовал со своими земляками-урахинцами, всадниками полка. Прошла Кусум Амирханова, я пригласил ее на лезгинку. Танцевал я с ней под оглушительные звуки зурны. Вдруг раздался ружейный залп, за ним – другой, третий. Полетели стекла, пули ударились о потолок, в верхние края стены, в карнизы. Поднялась суматоха. Люди выхватили револьверы, шашки и на мгновение оцепенели, прислушиваясь, стараясь понять, что происходит. Некоторые побежали к дверям, чтобы выскочить в сад, откуда стреляли.

В среднем круглом зале находился буфет. На одном из столов в центре зала неожиданно появился рослый, усатый военный в черкеске и криком привлек всеобщее внимание. Это был штабс-капитан Дагестанского полка

Козлов. Размахивая голой шашкой над головой, он выкрикивал:

– Тихо! Смирно! Слушай мою команду! Под столы! Под столы!

Действительно, многие гражданские попадали на пол, сообразив, что пули пролетят над ними. Но залп больше не повторился. Я проводил Кусум и пошел в обход сада, но там никого не было.

Тем временем о случившемся сообщили в полк. Две сотни всадников прискакали на место, но сад нашли пустым. Гадали, гадали кто могли быть нападавшие. Кто-то высказал догадку о том, что обстрелять могли только солдаты. В том направлении расположены казармы артиллеристов. Поскакали туда.

Артиллеристы, наиболее революционные солдаты, и они руководили в Солдатском комитете Шуры. Оказывается, как потом выяснилось, они решили уходить в Петровск, где была другая обстановка, чем в Шуре. Патруль артиллеристов в составе одного взвода, перед уходом решил напугать веселящуюся буржуазно-чиновничью компанию.

Когда сотни подступили к казармам, солдат, виновников переполоха, не оказалось – они ушли в Петровск. Рассказывали, что преследователи гнались до Кафыр - кумуха и вернулись не солоно хлебавши – дальше итти не решились, вероятно не особенно хотели ввязываться в драку.

В это же время в Шуре развернулась предвыборная борьба в Учредительное собрание. По городу были расклеены 5-6 списков кандидатов в депутаты от различных партий. Вокруг выборов в Учредительное собрание развернулась ожесточённая политическая борьба. Дагестанская реакция выставила список со своими кандидатами во главе с Гоцинским, социалистическая группа во главе с Дахадаевым и Коркмасовым. Голосование за списки кандидатов очень сильно обострило классовую борьбу в ауле.

Социалисты не переставали говорить о передаче крестьянам земли, о полной смене сельской администрации, о свободе, равенстве, революции. И хотя конкретные результаты их деятельности были не особенно ощутимы, сами идеи, выдвигаемые ими, завоевывали симпатии трудовых масс. Крестьяне надеялись получить земли и новые порядки, надеялись, что «махачи», как называли социалистов в отдельных аулах, дадут им все это.

Наиболее реакционно настроенные имущие верхи аула – духовенство, торговцы – понимали, что приход к власти таких, как «махачи», которые потом могут выставить такие же требования, как петровские большевики, ничего хорошего им не сулит. Поэтому они поддерживали Гоцинского, Тарковского, милликомитетчиков и их друзей.

В подавляющем большинстве аулов кампанию голосования в Учредительное собрание возглавляли представители Дагестанского милликомитета. А массово-разъяснительную работу с призывом голосовать за список социалистов вели активисты из аулов, связанные с социалистами и их представители, специально посланные на места. В этой кампании выборов в учредиловку, большевики во главе с Уллубием ставили задачу использовать голосование для организации выступлений крестьян за землю и смену сельских властей.

Во время выборов, я попал в Даргинский округ, в родной аул Урахи. Этот большой аул гудел как пчелиный улей. Собрания для оглашения списков и голосования проводились поквартально и по хуторам. Партию Гоцинского возглавляли новый старшина Временного правительства и контрреволюционные верхи аула. Голосовать за список социалистов призывал народный учитель Гасанов Магомед, Алиев Умар и другие. Список социалистов поддерживали в основном бедняки, отходники и малоземельные крестьяне, остальные слои – список Гоцинского. А что записывали, каковы результаты голосования, кого поддерживают урахинцы – этого трудовой народ не знал,

потому что письменные данные и отчет о голосовании оформлялись сельскими властями, которые докладывали об итогах в округ.

БОЛЬШЕВИКИ

Первое время после приезда в Шуру Буйнакский, как я уже говорил, держал связь с социалистической группой, изучал обстановку. Познакомившись с положением, с социалистами, он пришел к заключению, что большевики, представителем которых он был, и социалисты стоят пока на разных позициях, понял, что социалисты не ставят задач социальной революции, удовлетворяются революционными преобразованиями в рамках буржуазно-демократического строя.

Уллубий делал основную ставку на рабочий класс и беднейшее крестьянство. Но рабочие Шуры были малочисленны, не подготовлены к борьбе с буржуазией, а беднота в аулах тоже не представляла еще организованной силы. Да иначе и не могло быть в тот период, когда большевистской организации в Шуре не было, не было большевиков для работы с рабочими города и беднотой аула. А деятельность социалистов среди этих двух решающих социальных групп не была направлена на решение основных вопросов революции.

Для работы с трудовыми массами Уллубий и решил объединить и использовать прогрессивно и революционно настроенную молодежь.

Нам – ученикам в первое время своего приезда на одном из собраний во дворе школьной больницы Уллубий так и говорил: «Мы, молодежь, должны работать побоевому, надо начинать с просвещения дагестанской бедноты готовить народ к решительным боям с контрреволюцией». На этом собрании, помню, кроме постоянных членов нашей группы присутствовало и много других уче-

ников. О социалистической группе Уллубий говорил: – Они все равно пойдут с нами, если не сегодня, то завтра.

А социалисты считали Уллубия, его ближайших товарищей, молодежь, которую он объединял, и вообще большевиков незрелыми, не знающими жизни горцев Дагестана, неопытными, увлекающимися людьми. Они, как старшие, более опытные представители народа, недооценивали революционную молодежь, наши настроения, выступления, нашу деятельность и связи с рабочими города, солдатскими комитетами и крестьянами окружающих аулов. К Уллубию, как к человеку, социалисты относились хорошо. Да и трудно было не уважать его. Удивительно простой, искренний, задушевный, честный и глубоко идейный человек, он невольно завоевывал симпатии людей. Но Уллубий, как политический деятель, идейный большевик не мог, конечно, мириться с позицией социалистов, завязших в бесконечных спорах и дискуссиях в Областном исполкоме.

Время не ждало. Надо было разворачивать в Дагестане настоящую борьбу за власть Советов. И Уллубий окончательно решил переехать в Петровск – центр рабочего и революционного движения в Дагестане. Мы знали, что он давно связан с Петровскими большевиками. Вскоре после его отъезда большевиками Петровска был отозван и Гамид Далгат. Объясняя свой переезд, они говорили нам, что Петровск должен быть цитаделью Советской власти в Дагестане. Однако, Уллубий не порвал связи с нами. Он часто приезжал в Шуру. Первое время он встречался с нами в доме Булача, в школе. А в начале 18 года зимой мы сходились в доме старика-аварца Саккал-Магомеда, полного Георгиевского Кавалера. В его доме недалеко от вокзала, большей частью собирал нас Уллубий, когда приезжал в Шуру.

В это время пришло известие об Октябрьской революции. Это известие как взорвавшаяся бомба обрушилось на голову дагестанской контрреволюционной вер-

хушки и напугало их. Деятели Областного Исполкома сначала растерялись, выжидая, притихли. Заседания Исполкома происходили реже. Его главари потеряли боевой пыл, больше отмалчивались. Однако, это продолжалось недолго. Наиболее реакционные буржуазно-помещичьи верхи, националисты-милликомитетчики скоро пришли в себя. И вся эта свора подняла бешеный вой, устраивала собрания, совещания в городском клубе, в здании Облисполкома, на частных квартирах, выступала на заседаниях исполкома, посылала своих агентов в аулы, вела бешеную агитацию среди мещан города, кустарей, воинских частей, призывая не признавать власть Советов и новые революционные порядки, устанавливаемые рабочим классом России. Всюду и везде выступали они со своими националистическими лозунгами, доказывая неприемлемость для дагестанского народа порядков Советской власти. Особенно ожесточенно нападали они на большевиков, всячески ругая и клеветая на них. Милликомитетчики требовали стереть с лица земли большевиков, которые имеются или появятся па дагестанской земле.

– Российские порядки нам не подходят. Мы должны жить своими законами, установить шариат! – провозглашали эти враги революции. Помню, с какой яростью выступали они и на открытом заседании исполкома и на городском митинге.

Трудовые массы Дагестана иначе реагировали на хабар об Октябрьской революции в России. Большевики и передовые рабочие Петровска, Дербента, Темир-Хан-Шуры развернули широкую агитационно-разъяснительную работу среди трудящегося крестьянства, популяризируя идеи Октябрьской революции. Они использовали для этого свои связи с рабочими городов, революционно настроенными активистами аулов, прогрессивно настроенной молодежью. Особенно большое влияние имели идеи Октябрьской революции, разъясняемые большевиками, на бедноту и рабочих-отходников да-

гестанского аула, расположенных вокруг городов, на плоскости, по линии железной дороги.

Весть об Октябрьской революции еще больше обострила отношения между большевиками и представителями правящей верхушки, будоражила сознание трудовых масс, пробуждала классовое самосознание бедноты, усиливала в ауле классовое расслоение и классовую борьбу.

Первое время неодобрительно относились к деятельности Петровских большевиков и Петровского Ревкома и социалисты, называя их сепаратистами и призывая Ревком подчиниться Областному Исполкому, как «законному, установленному революцией», временному органу власти Дагестана. Но в то же время они решительно выступали против милликомитета и наиболее реакционных элементов в составе Областного Исполкома.

Это был период наибольшего обострения борьбы между большевиками Петровока и помещичье-клерикальной верхушкой в лице Милли-Комитета, период борьбы за влияние на массы между Советской властью в лице Петровского Ревкома и дагестанской контрреволюцией в лице Областного исполкома. Поэтому, когда Уллубий или другие товарищи-большевики – Захарочкин, Гамид Далгат, приезжали из Петровска в Шуру, им приходилось прятаться, быть на полулегальном положении. В подполье проходили и наши собрания. Эти ночные, обычно малочисленные собрания в большинстве случаев, как упоминалось выше, происходили в доме Саккал-Магомеда. Кстати, у него же не раз созывал Уллубий конспиративные собрания и позже, зимой и весной 19 года. На собрания приходила главным образом молодежь, ранее привлеченная Уллубием в революционно-просветительскую организацию. Среди них были идейно оформившиеся, но официально еще не состоящие в партии большевики Гарун Саидов, Магомед Далгат, Измаилов, еще мало закаленные и недостаточно идейно оформившиеся, но разбирающиеся в программе большевиков

и уже считавшие себя большевиками реалисты – Махмудов, Алхасов, Нахибашев, я и отдельные члены, сколоченного социалистами, революционного актива – Саид Абдулхалимов, мясник Вагаб, Наби, Абдулбасыр, учитель Хадис Гаджиев и другие.

Нас не раз собирал и Гамид. Помню, на одном таком собрании ученик Измаилов Абдурахман, этот обычно тихий, выдержанный товарищ, впервые удивил нас всех горячим выступлением. Он выступил как большевик, призывал выписывать газеты «Бедноту» и «Правду».

Как-то в Шуру пришла весть о том, что Уллубий стал во главе Петровского Ревкома, а Гамид избран в члены Ревкома, что решением Ревкома он назначен начальником штаба Интернационального Красногвардейского полка, в организации которого активно участвовал и сам Уллубий. В составе полка было много дагестанцев в основном кумыки и даргинцы, которые пришли по зову Уллубия и Гамида. Там были таркинцы, янги-юртцы, утемышцы, мюрегинцы, янги-буйнакцы, урахинцы. Помню урахинцев Алтавла Багомада, Умара Алиева, Абдуллу Амирханова, Залбека, Амирхана Кадиева, Азиза Темирханова, Мажа-Омара, Качаг-Муртузали, Сулеймана, Данаева, Али Сулейманова и других. После нападения частей контрреволюции и временного падения Советской власти в Петровске в марте 18 года бойцы полка разошлись по аулам с оружием. Помню, Кадиев Амирхан, бывший коптенармусом одной роты, пошел в Урахи с целой партией винтовок.

Влияние Ревкома быстро распространялось и охватило территорию от Утемышы до Темир-Хан-Шуры: до этого в аулах управляли частью переизбранные, частью назначенные окружными комиссарами старшины и кадии, кое-где существовали так называемые сельские комитеты самоуправления, а теперь в ряде мест беднота прогнала старшин и захватила власть в аулах, создав органы управления, состоящие из неимущих слоев. Это имело место, например в Утемыше, Мюрего, Тарках и других аулах.

ПОДГОТОВКА СИЛ

После Октября классовая борьба в дагестанском ауле еще более обострилась. В ряде округов произошли массовые выступления крестьян, и в первую очередь там, где бекско-помещичий гнет был наиболее силен – в Темир-Хан-Шуринском, Кайтаго-Табасаранском округах и граничащих с ними предгорьях даргинцев. Большие выступления крестьян за землю были в сел. Дургели, Кадаре, Терекеме, Янги-Юрте, Хасавюрте, плоскостной части Кюринского округа.

Не сидела, сложа руки, и дагестанская контрреволюция. Она готовилась к решительной схватке, к разгрому Петровского Ревкома, этого очага революционного движения.

Центром, силой, организующей и идейно вдохновляющей реакцию, был Милликомитет, помещичье-буржуазно-клерикальный блок. Всюду в округах и в большинстве крупных сел находились его агенты. Милликомитетчики пытались, используя религиозный фанатизм, уничтожить революционные завоевания трудящихся, восстановить и упрочить уже расшатавшиеся устои и порядки старой жизни. С этой целью дагестанская контрреволюция мобилизовала против «большевистской заразы» ислам с его религиозным фанатизмом, пускаемые в ход в удобный момент туркофильские идеи, власть Областного Исполкома и вооруженную силу – отряды миллимилиции.

Для организации на местах боевых единиц так называемой национальной милиции в аулы были посланы специальные уполномоченные и доверенные лица из руководящей верхушки контрреволюции и всякого рода авантюристы. В Утемыш, Мюрего, Урахи, Губден и ряд других наиболее революционно настроенных аулов был послан известный борец Дагестана, член Милликомитета Али-Клыч Бугленский. Посылая его в аулы, руководство Милликомитета надеялось, что имя прославленного бор-

ца вернет взбудораженные крестьянские массы к «славным» традициям прошлого. В другие очаги движения крестьян – Кайтаг и в район Дешлагара приехали ярые туркофилы – помещики и князя Абдулкасум Мюрегинокий, Абдулмеджид Уцмиев. Аулы Темир-Хан-Шуринского округа посещали главные воротилы национальной контрреволюционной буржуазии.

Но крестьянская беднота, руководимая активистами аулов, не поддавалась их провокациям. Трудящиеся начинали понимать, кто их друг и кто враг.

Однако нельзя было сказать, что дагестанская контрреволюция и её боевой авангард потеряли в массах все свои позиции и перед лицом наступающей революции оказались беспомощными. Отнюдь нет.

В основных районах революционного движения крестьян – Темир-Хан-Шуринском, Кайтаго-Табасаранском, Кюринском округах и соседних с ними селах даргинцев – революционные идеи пустили достаточно глубокие корни и там влияние и авторитет петровских большевиков рос с каждым днем. Многие сельские активисты начинали ориентироваться на большевиков. К Уллубию, Джалалу Атаеву, Гамиду и русским товарищам – большевикам в Петровск стали приезжать за советом, помощью и вооружением.

А в округах Андийском, где сидел один из самых непримиримых врагов революции, комиссар Областного Исполкома Ахмед-Наби Магомаев, Хунзахском, где верховодил полковник Алиханов, Гунибском, где работал окружной Милликомитет во главе с полковником Карнаиловым и чохская буржуазия и в других горных районах революционные лозунги распространялись гораздо труднее. О социалистах, особенно о большевиках, враги горской бедноты сеяли самые нелепые представления, поэтому влияние контрреволюции и религиозного фанатизма, распространяемого имамом Гоцинским и шейхом Узун Хаджи и их приспешниками, в горах был еще силен. Это-

му способствовала также отдаленность, оторванность этих округов от революционных центров – городов.

Говоря коротко, повсюду в Дагестане шла подготовка к решающему сражению между силами революции и контрреволюции. Шла мобилизация сил, организация вооруженных отрядов обоих лагерей.

Штаб большевизма – Петровск, контрреволюции – Темир-Хан-Шура.

В Шуре тоже были большевики, но их было очень мало.

Я их уже называл: Гарун Саидов, Магомед Далгат, рабочий типографии (не помню имени), Гоголев, Саид Абдулхалимов – вот и все товарищи, которые тогда были известны в Шуре, как большевики. Были в Шуре члены нашей революционно-прогрессивной группы молодежи и отдельные «левые» сельские активисты, но все мы были в революции малоопытными, хотя и считали себя большевиками, и не имели достаточно ясного представления о большевиках.

В этот период меня вновь послали в Даргинский округ. Я как всегда, попал в родной аул. Ко мне приходили многие рабочие-отходники и молодежь и спрашивали как попасть в Петровск к Гамиду и поступить в Красную Гвардию, об организации которой они уже знали от своих односельчан-красногвардейцев.

Активно орудовали здесь и представители Милликомитета: князя Уцмиев Абдулмеджид и Камиль-паша, Абдулкасум Мюрегинский и т.д. Торговцы, кулаки аула вели бешеную агитацию против большевиков, клеветали на нас, выдумывая всякие небылицы вроде того, что при большевистском строе все люди – мужчины и женщины – будут спать под одним одеялом, что хлеб будут выдавать всем по норме и в одно окно, как говорили в одну дыру, что семьи не будет, мужчина может спать с любой женщиной и тому подобные глупости. Подобные вопросы не раз задавали нам на общих сходах даже в первое время после установления в Дагестане Советской власти.

Особую активность проявляла религиозная верхушка аула. Она сеяла туркофильские идеи и крепила религиозный фанатизм. Русскую школу переименовали в мактаб, а детей обучали строевым занятиям, с религиозной, панисламистской хоровой песней, которую пели толпы Гоцинского и Узун Гаджи во время их чалмоносного нашествия на Темир-Хан-Шуру. В верхнем ауле арабисты организовали религиозную школу медресе и обучали детей.

Теперь несколько замечаний о роли и деятельности социалистической группы в этот период.

В Шуре постоянно находились наиболее видные члены социалистической группы – Дахадаев, Коркмасов, Хизроев, Тахо-Годи. Социалистическая группа была в резкой оппозиции, вражде с контрреволюционным Милликомитетом и боролась против его реакционных лозунгов и враждебной всяким революционным преобразованиям деятельности. Но она не была за свержение органа Временного правительства – Областного Исполкома и замены его Советами. Социалистическая группа считала борьбу Петровских большевиков несбыточной иллюзией и обвиняла их в незнании местных условий.

Между тем еще раньше позиция социалистов многое могла бы изменить, но они продолжали верить во Временное правительство, в Учредительное собрание, в Областной Исполком. Это определяло и их поведение в споре петровских большевиков с контрреволюционным Облисполкомом, который в представлении социалистов был законным народным представительным учреждением. И все же петровские большевики во главе с Уллубием, зная о решительной борьбе социалистов против милликомитетчиков и о том, что одними силами петровской Красной Гвардии власти не отстоять, считали возможным снабжать оружием соцгруппу, а через нее дагестанскую бедноту, среди которой многие члены группы, особенно Махач и Джалал, пользовались большой популярностью.

Мы в Шуре знали, что петровским большевикам оружие оставляют проходящие с Турецкого фронта воинские части. Однажды мне пришлось быть свидетелем того, каким образом петровцы доставали оружие, которое через соцгруппу шло в горы. Горцы называли это оружие – оружием Махача.

Это было накануне чалмоносного нашествия на Шуру. По поручению Махача с Абдулла Нахибашевым приехали мы в Петровск за оружием. Здесь мы решили искать Гамида. В Ларийских казармах его не оказалось.

– Товарищ Далгат на вокзале, за гостинцами пошел, – объяснили нам у входа в казармы.

Мы не поняли их, но пошли на вокзал. На станции стоял очень длинный состав воинского эшелона. Товарные вагоны были настезь открыты и у дверей их стояло по два-три человека. У северной части перрона метрах в ста от здания вокзала, на узкой покатости, между дорогой в город и рельсовыми путями собралось много солдат. Несколько человек военных стояли отдельно, у каменной изгороди, откуда виден был весь состав. Сразу узнали мы Гамида и Захарочкина. Еще двое были с ними, но их мы не знали.

Невысокий, быстрый в движениях, в серой гимнастерке Захарочкин держал речь. Солдаты слушали внимательно, лица их были суровые, усталые. Некоторые, как я сразу заметил, недоверчиво и как-то даже враждебно усмехались, но молчали. Захарочкин говорил громко. Он уговаривал оставить часть оружия для организуемых красногвардейских частей Петровска. Его прервал небольшого роста, с пулеметной лентой через плечо, улыбающийся блондин. Он сказал примерно следующее:

– Вы может и хорошие люди, но мы же не знаем, может вы в нас же стрелять будете. Его поддержали другие: – «Отдай им оружие!», – «Что-ж, мы палками будем драться с буржуями?» – кричал один. – «Гони их подальше!» – поддержал третий. – «Тише, вы! Человек дело говорит!» – возражали некоторые голоса.

Солдаты заволновались, шум нарастал. Захарочкин, видимо, выжидал момента, когда можно будет перекричать их. Впереди солдат появились несколько человек, легче и аккуратнее других одетых и вооруженных револьверами вместо винтовок. Один из них, высокий, в высокой темносерой шапке, повернувшись, оглядел солдат, а потом сказал:

– Под Гянджой дрались мы за это оружие, не отдадим его и здесь! Солдаты, слушай мою команду! По вагонам, марш!

Плотная толпа солдат тронулась, рассыпаясь как горох, а некоторые еще топтались на месте. Неожиданно раздалась другая команда:

– Отставить! Слушать мою команду!

Это кричал Гамид. Как для рапорта, строевым шагом подошел он к командиру, разогнавшему солдат. Я, за мной и Абдулла спрыгнули со стенки. Момент был такой, что казалось, закончится трагедией. Вот-вот Гамид будет стрелять, думали мы, но он зло в упор посмотрел в глаза командира и обратился к солдатам.

– Товарищи, от имени Революционного Комитета Порт-Петровска, призываем вас, не расходясь, обсудить наше обращение. Никто не собирается отбирать у вас оружие. Под Ганджой вас пытались разоружить контрреволюционные банды и правильно вы проучили их, а мы – большевики, рабочие и крестьяне. У нас организована Советская власть, но нет оружия, чтобы отстоять ее. Нам дорог каждый патрон, каждая винтовка. Кто нам поможет бить контру, если не вы?!

Удивление солдат, вызванное командой неизвестного военного, постепенно проходило. Когда Гамид кончил говорить, было совсем тихо.

– Комитет пусть решает! – негромко сказал кто-то из задних рядов. Тот, в высокой шапке и двое, стоявшие с ним спереди и оказались комитетчиками. Один из них толстый, пожилой, отозвался сразу:

– Ребята! Вопрос серьезный. А ну айда, пошли и вы с нами, – предложил он Гамиду и Захарочкину. Комитетчики, сопровождаемые плотным кольцом солдат, направились к задним вагонам.

Мы стали ждать. У выхода в город остановился фаэтон. Уллубий слез с него и пошел вниз. С ним были Джалал Атаев, Тутышкин и еще кто-то. Узнав нас, они остановились, подошли к нам. Уллубий спросил, зачем мы приехали и где находится Захарочкин и Гамид. Мы рассказали все, что видели. Буйнакский направился в указанный нами вагон, перед которым теперь образовалась большая толпа.

С приходом Уллубия мы немного успокоились, появилась уверенность в благополучном исходе переговоров. Такую веру в успех дела внушал нам этот простой, задушевный и в то же время твердокаменный человек.

Атаев остался с нами, а Тутышкин и другой вместе с Уллубием вошли в вагон. Солдаты, хотя и не знали их, расступились. Долго не показывались наши из товарного вагона, перед которыми все увеличивалась толпа вооруженных солдат. Наконец, мы увидели комитетчиков и улыбающегося Уллубия и остальных. Группа эта отошла к дверям вокзала и, не входя в зал, остановилась.

Комитетчик в высокой папахе что-то крикнул и солдаты, заполнившие весь перрон, быстро собрались и обступили их. Атаев не пустил нас туда. Что там говорили мы, не слышали, но удивлялись, что нет никакого шума.

Вскоре вся эта людская масса вновь стала расходиться. Комитетчики, Захарочкин и Гамид пошли куда-то к хвосту поезда, Уллубий – в нашу сторону.

– Договорились! – сказал он, улыбаясь, и с резко изменившимся выражением лица, добавил, – вы уезжайте, сейчас оружие не дадим, позже сообщим. Скажите Махачу – пусть в раздаче оружия будет осторожным. Но узнав, что мы попали прямо на митинг, предложил нам поехать с ним и подождать Гамида. Я хотел остаться, но

Абдулла стал отговаривать и мы пошли в город на Инженерную улицу, где в чьем-то грязном дворе ждала нас линейка с нераспряженными лошадьми. Через часа три, мы были в Шуре.

Борьба между большевиками Петровска и Областным Исполкомом обострялась. Обстановка продолжала накаляться. Столкновение между двумя лагерями – Советской властью Петровска, которая уже наладила связи с бакинскими и астраханскими большевиками, с одной стороны, и дагестанской контрреволюцией во главе с воинствующим Милликомитетом и менее способным Областным исполкомом, которым помогали контрреволюционные буржуазно-помещичьи верхи всего Северного Кавказа и кулацко-мульские элементы дагестанского аула, с другой – все больше становилось неминуемым. В этой схватке большевикам очень трудно было устоять, опираясь только лишь на свои силы.

Социалистическая группа могла бы сыграть в этот момент решающую роль, если бы она ориентировала бедняцко-крестьянские массы на большевистские идеи. Тогда невозможен был бы и последовавший весной поход дагестанских контрреволюционных сил на Петровск. Но социалисты стали на путь уговоров. Они выступили примирителями между большевиками и Областным Исполкомом.

Даже тогда, когда заградительные отряды Петровского Ревкома занимали Атлыбуйонский перевал и подступы к станции Шамхал, в районе между Кумторкала и Шамхалом, а Дагестанские конные полки в свою очередь подошли к Кумторкала и произошли первые стычки, даже тогда социалистическая группа послала делегацию к Петровским большевикам, уговаривая не открывать военных действий, повести переговоры с Областным Исполкомом, признать его как высший орган власти в Дагестане и подчиниться его решениям.

КОНФЛИКТ НАРАСТАЕТ

Провозглашение в Петровске Советской власти послужило новым толчком к революционным выступлениям крестьянства плоскостных аулов, подняло авторитет большевиков, взбудоражило трудовые массы. Революционные настроения проникали и в воинские части, на которые опирался Областной Исполком. Помню такой случай. По приказу командования из двух сотен второго Дагестанского полка, расположенных в Апшероноких казармах за связь «со смутьянами-социалистами», были уволены как «неблагонадежные» сразу несколько человек всадников. Сотни запротестовали, потребовали вернуть уволенных. Один взвод под командой молодого офицера полка Расула Атаева забаррикадировался в здании казармы и не подпускал никого, в том числе и старших офицеров полка, требуя вернуть уволенных. Командование послало для переговоров к ним другого офицера полка постарше чином Муслима Атаева, брата бунтовавшего Расула. С Муслимом был еще один офицер. Парламентарии начали уговаривать восставших, но Расул Атаев наставил пулемет и предложил брату немедленно покинуть территорию казарм. Им пришлось уйти. Так посланцы вернулись ни с чем, а уволенные были восстановлены.

Объявление Советской власти в Петровске вызывало, вернее, ускорило выступление контрреволюции, которая решила в зародыше задушить ее. Договорившись с руководящими верхами Областного Исполкома и Милликомитетом, имам Гоцинский и Узун Гаджи организовали так называемое «чалмоносное шествие» на Шуру. С утра и до вечера непрерывным потоком шли в город войска имама, разделенные на сотни. Шли в строгом порядке, по четыре в ряд, с соответствующим интервалом. Перед каждой сотней шествовал барабанщик, под мерный гул которого шагала сотня. Лица воинов были насуплены, суровы, большие лохматые шапки у подавля-

ющего большинства перетянуты белыми повязками: имам «разъяснил» своему воинству, что в походе за правое дело ислама и тот кто не совершал паломничество в Мекку на поклонение гробу пророка уже становится хаджием, что поход против «неверных» равносителен хаджу, а самое сражение – газават превращает борцов в праведников и героев ислама. У воинов были шашки, кинжалы, пистолеты и у подавляющего большинства – винтовки. Аскерам не было конца края. Вообще говоря, это была очень внушительная картина. Шли они со стороны верхнего бульвара, по Аргутинской улице вниз. Вслед за воинами в определенном строевом порядке двигались «мешочки». Это был резерв, замена. Они должны были занять в боевом строю места убитых. Вместо винтовок на плечах резервистов были старые мешки, чтобы забирать «байтулмал» – доход в казну имама. Грабить побежденных разрешил сам имам, это тоже освящено шариатом. Мы стояли на углу дома Халилова, у бульвара и наблюдали всю эту процессию. Женщины и дети были перепуганы, особенно армянские, еврейские и русские семьи. Городские жители издали наблюдали за чалмоносной армией, потом с оглядкой расходились по домам.

Не помню, в тот же вечер, или на следующий день, мы собрались у Дахадаева. Махач и Коркмасов были взволнованы и настроены воинственно. О планах похода войск имама на Петровских большевиков видимо они не были осведомлены, так как об этом не было разговоров. Махач говорил, что Нажмутдин хочет уничтожить всех революционеров в Шуре, разогнать даже Областной Исполком и установить диктатуру шариата. Он сообщил, что послали человека за помощью и в Петровск, что здесь в Шуре нам тоже надо быть в боевой готовности.

Целый ряд товарищей был послан в близлежащие аулы собрать наших сторонников. Ночью же, пешком отправился и я в Нижнее Казанище, собрал там активных деятелей – представителей бедноты – Магомед Шихова,

Иммам-Мурзу и других. Утром из аула мы вышли целой группой. Почти все были вооружены винтовками. Некоторые казанищенцы получили их от Махача, другие купили на базаре, уплатив большую сумму денег. У самого города нас догнали верхнее-казанищенцы и бугленцы и мы вошли в Шуру довольно внушительной толпой. На базаре нас встречал посланный Джалалом и Махачом Абдулмеджид Магомаев.

Помимо нас в этот день в городе были: кадарцы во главе с Кадырага Кадарским и дургелинцы во главе с Кадырага Дургелинским, дженгутаевцы во главе с Изы Чупановым и Басыром Агаевым, капыркумухцы и халимбакаульцы во главе с Саидом Абдулхалимовым, Муртузали Османов, Наби Магомедов и много крестьян из других аулов.

Из Петровска явился Красногвардейский отряд. С отрядами были Уллубий, Атаев Джалал, Гамид Далгат и Захарочкин.

На площади перед губернаторским домом был назначен общегородской митинг. Обстановка была очень напряженная. На митинг явились все революционные силы, в том числе и мы, вооруженные ученики.

Нажмутдин приехал на фаэтоне с большим эскортом верховых. С обнаженными, высоко занесенными для удара шашками, или с вытянутыми в правых руках винтовками, плотным кольцом окружали они фаэтон имама. Это была смешная картина.

Выступало много ораторов. С нашей стороны выступали тоже не мало. Помню твердые речи Уллубия, Захарочкина, Махача. В те дни из армии вернулся санаматинец Рабадан Нуров. Он остановился у шапочников-земляков. О нем сообщили Гамиду и Атаеву Джалалу. Нурову наши предложили выступить на митинге. Рабадан был свежий человек из России, это было важно. Он поднялся на трибуну в длинной военной шинели с георгиевскими крестами на груди, позолоченной шашкой и на рус-

ском языке, говорил о солдатских Советах. Митинг закончился полной победой, триумфом революционных сил. Военная сила и резкая отповедь поставили мозги контрреволюции на место. Когда выступали наши, вся громадная толпа народа аплодировала и кричала и это напугало главарей чалмоносного нашествия. После митинга громадная толпа народа пошла по городу, направляясь к дому Махача. В середине толпы были Махач, Джалал, Тахо-Годи. Петровцев там не было, не помню сейчас куда они ушли. Конфликт по крайней мере на время казался разрешенным, казалось, что между революцией и контрреволюцией открытого столкновения уже не будет. Ненависть обоих лагерей друг к другу была очень сильна, но те и другие сдерживались. Но большевики Петровска понимали, что рано или поздно вооруженное столкновение с дагестанской контрреволюцией неизбежно и решили искать помощи. Два энергичных товарища, члены Петровского Ревкома Гамид Далгат и Дурасаньянц были командированы в Штаб Кавказской Красной Армии на Северный Кавказ.

После ликвидации чалмоносного нашествия социалисты поняли, что большевики Петровска – это сила, на которую можно опереться в случае нужды, в случае если дагестанская контрреволюция решит разделаться с ними и задушить крестьянское движение. И эта вера в реальную опору прибавила уверенность в своих силах, подбодрила, активизировала их деятельность. Особенно сильное воздействие оказало это столкновение с контрреволюцией на сельский революционный актив – организаторов масс. Они узнали большевиков и их требования. Помню случай, когда в мастерской кустаря-кинжальщика казанищенца на базаре собралось несколько человек. Саид Абдулхалимов хвалил большевиков и ругал Джалала. Слушателями были Изи, Магомед Шихов, Далгат Ахталинский и еще кое-кто. Саид рассказывал, как они, капыр-кумухцы отбирали земли княгини Тарковской Пати-

мат-бике. По этому случаю Областной Комитет поднял шум, милликомитетчики бушевали. Саид рассказывал подробности. Он говорил, что Нухбек Тарковский обратился к Джалалу – заведующему земельным отделом Облисполкома и тот настоял вернуть кутан.

По предложению Петровских товарищей социалистам удалось провести в Областном Исполкоме решение о введении должности комиссаров в воинских частях. Милликомитетчики явились в полк и призывали всадников не принимать комиссаров. Командованию удалось поднять бунт против решения Исполкома, вернее против социалистов, инициаторов решения.

Полк, в строевом порядке выехал из казарм, прибыл на площадь перед губернаторским домом и там выстроился. Послали офицера к Махачу с требованием немедленно явиться на площадь. Встревоженные неожиданным маршем конницы мы, группа реалистов, побежали на кинжальный завод, взяли свои берданы и пошли к дому Махача, куда обычно при тревожном положении собирались. Там уже была группа вооруженных рабочих из завода и некоторые активисты из соседних сел.

Когда мы вошли в первую комнату – залу Махача, он сидел за письменным столом с черной скульптурной фигурой скачущих и бьющих в цель всадников в бурках. Махач был спокоен, но немного бледен. И так цвет лица у него был бледно-желтоватого оттенка. Там же был и Алибек Тахо-Годи. Он уговаривал Махача не идти к полку, говорил, что полк спровоцирован. Махач не соглашался, стоял на своем и решил идти. Он говорил, что спрятаться ему невозможно и не хочет прятаться. Сопроводить его пошли мы все – человек двадцать вооруженных людей. Рядом с Махачом шел Тахо-Годи.

Дошли до площади. Полк выстроился колоннами на территории от памятника Аргутинскому до тюрьмы. Мы остановились у памятника. Махач вышел вперед. Перед первой сотней, ближайшей от нас, гарцевал вахмистр Су-

лейман-Шапи из Кулецама, известный реакционер, непримиримый враг революции и всего нового, один из самых яростных противников социалистов и большевиков.

Кто-то из молодых офицеров потребовал, обращаясь к Махачу, объяснить, почему вынесено решение Исполкома о назначении комиссаров. Махач поднялся на пьедестал памятника и обращаясь ко всему полку стал говорить. Он объяснял, что теперь, при новых порядках во всех войсках должны быть назначены комиссары. Не дав докончить Махачу, Сулейман-Шапи крикнул, чтобы немедленно отменили решение. Он требовал, чтобы Махач сам добился такой отмены. Гул одобрения пронесся над площадью. Махач переменял примиренческий тон.

Громко и четко он заявил, что решение Исполкома правильное, что отменять его не будут и комиссары в полк будут назначены. Все это он сказал очень резко, отрывисто, взволнованно.

Сулейман-Шапи скомандовал: – Сотня, вперед! – Передние ряды, на ходу снимая винтовки и щелкая затворами, строевой лавой повернулись и остановились перед самым памятником. У Сулейман-Шапи в руках был наган. Мы присели на корточки за памятником, как за барьером и наставили ружья на цепь всадников. Момент был достаточно серьезный. У нас не осталось никакого сомнения в том, что сейчас завяжется бой на таком близком расстоянии с конниками.

Но в этот момент произошло неожиданное. Алибек Тахо-Годи подскочил к Махачу, стал перед ним, оттянутыми назад руками крепко схватил сопротивляющегося Махача, высоко подняв голову и своим высоким статным телом атлета прикрыв Махача, крикнул:

– Остановитесь, дагестанцы! Стреляйте в меня, но этого человека вы не должны убивать!

Это произвело потрясающее впечатление. Даже Сулейман-Шапи, с револьвером в руках подступавший к Махачу, остановился. Какой-то офицер, кажется кумык

Измаилов, подъехал и стал что-то приказывать Сулейман-Шапи, а Алибек и Махач, выждав в такой позе некоторое время, соскочили со ступеньки и медленно пошли назад. Мы их окружили плотным кольцом и пошли за ними, не оглядываясь назад.

ПЕРВАЯ СХВАТКА

Выступление спровоцированного полка было свидетельством того, что контрреволюция вновь активизировалась, хотела взять реванш и готовилась к решительной борьбе с революцией. Вскоре это подтвердилось.

После описанного события на площади в городе как-то сразу наступило большое оживление, люди были взбудоражены. Всюду поползли провокационные слухи о насилиях, якобы, чинимых большевиками над мусульманами в Баку. Среди торгового люда, кустарей, чиновничье-мещанского общества шли, подогреваемые агентами правящей верхушки, разговоры о необходимости помочь «братьям-мусульманам». В первые дни мы не понимали причин такого оживления в городе и сборов милиции. Милликомитет и Облисполком видимо решили форсировать выступление против революции.

Дагестанский полк ушел из города по Петровскому шоссе. В район вокзала начали стягиваться вооруженные отряды. Собирались войска в поход на Петровск и Баку. Члены, так называемого, «правительства» крутились среди воинства «имама».

Социалистическая группа в этот серьезный момент растерялась. Она даже не попыталась мобилизовать свои силы – вооруженные группы крестьян окружающих селений, их вожаков–активистов и революционную молодежь, на открытое вооруженное выступление, чтобы сорвать планы реакции. Такое положение не в малой степени было обусловлено и тем, что отдельные социалисты входили

ли в состав Областного исполкома, а Коркмасов, примерно в этот же период, являлся и председателем этого исполкома.

В обстановке общей растерянности и мы – большевики и группа революционной молодежи Шуры не могли служить помехой контрреволюции в виду своей малочисленности. Узнав о готовящемся нападении, мы приняли меры и большевики Петровска были предупреждены. Но у них не было времени, чтобы организовать настоящее сопротивление.

Мы стали свидетелями сборов похода контрреволюции под лозунгом «освобождения от большевиков братьев по вере – мусульман Баку», а на самом деле на выручку бакинской буржуазии. Район вокзала представлял собой военный лагерь. Вся улица и пустырь по обе стороны дороги, прилегающие к станции, были запружены частями. В вагоны грузили и кавалерию и пехоту. Особо выделялась одеждой, вооружением Кази-кумухская сотня, организованная лакской буржуазией. В мелкие пешие отряды были объединены вооруженные карабинами и саблями кустари города, главным образом лакцы, куппинцы и цудахарцы. Отдельно выстраивались на пустыре, приведенные с гор, отряды Гоцинского. Позади всех, у самой Базарной улицы, замыкая остальных, группировалась милиция – вооруженная сила миликомитета. Миликомитетчики сновали взад и вперед. Настроение у «войска» было воинственное, приподнятое. Люди были обмануты и возбуждены контрреволюционной агитацией.

К чести окружающих Темир-Хан-Шуру кумыкских аулов среди всей этой «армии ислама» совершенно не было крестьян из этих аулов. Явление это тоже не случайное. Я и раньше упоминал об этом. Начиная с Февральской революции и до момента массового всенародного выступления против деникинской армии последовательная революционная борьба против феодально-клерикальной контрреволюции, борьба за землю, за сво-

боду, за новые революционные преобразования, за Октябрьскую социалистическую революцию и за Советскую власть развертывалась в основном в городах и ближайших от них плоскостных и предгорных районах Дагестана. Экономика в этих районах была крепче, туда в большей степени проникли капиталистические отношения, сильнее ощущался помещичье-феодалный гнет, резче было классовое расслоение внутри крестьянства, быстро росло количество безземельных крестьян. В результате этого классовая борьба здесь была более ярко выраженной и острой. Поэтому в этих районах происходили наиболее широкие выступления трудового крестьянства за землю, против контрреволюционных верхов Областного комитета и милликомитета, против местных представителей власти. В первый период этим движением крестьянских масс руководили социалисты, но постепенно инициатива переходила к большевикам, к рабочему классу дагестанских городов и они возглавили движение.

Особую роль в этом отношении играл Петровск. Этот город, его рабочие, большевики, еще в 17 году создавшие Советскую власть, был центром социальной революции в Дагестане, в этой сложной стране, подвергавшейся влиянию не только своих, внутренних дагестанских и российских сил контрреволюции, но и сильному воздействию различных иностранных интервентов. Темир-Хан-Шуринокий и Кайтаго-Табасаранский округа и смежные с ними аулы Даргинского округа были районами наиболее массового революционного движения в период 1917-18 годов. Поэтому и отряды Красной Гвардии комплектовались в основном в этих районах. Опираясь на большевиков Петровска, даже вопреки социалистам, призывавшим ждать Учредительного собрания, крестьяне ряда аулов Темир-Хан-Шуринокого округа, не испугавшись контрреволюционных сил, самовольно захватывали помещичьи земли Тарковских, Алыпкачевых и других, а крестьяне Кайтаго-Табасаранского округа – земли князей Уцмиевых,

имения Воронцова-Дашкова, генерала Лазарева и т.д. В 1917-1918 годах в сел. Утемыш, Мюрего, Урахи Кичи-Буйнак, Тарки, Дженгутай, Казанище, Дургели, Кадаре возникли вооруженные большевиками красногвардейские отряды. Причем, надо подчеркнуть, что в Утемыше и Мюрего раньше других мест возникли вооруженные большевиками Петровска большие отряды Красной Гвардии.

Именно поэтому дагестанская контрреволюция считала эти районы и города наиболее опасными очагами большевизма и революционного движения и активно боролась, чтобы ликвидировать их.

Этим я не хочу сказать, что в тот период в горах не было никакого революционного движения. Там так же происходила борьба за свободу, за новые порядки, новую народную администрацию на местах и т.д. Социалистическая группа вела там работу, даже понемногу вооружала активистов аула, а главное – в горы постепенно проникало влияние большевиков и во многих местах горская беднота выступала со своими требованиями за землю, за пастбища и леса, а в таких крупных селах с торговой буржуазией, крупными овцеводами, помещиками, чиновничьей верхушкой, как Кумух, Чох, Акуша, Цудахар, Ахты, Уркарах и др. происходила ожесточенная классовая борьба. Но она не достигла такого размаха и остроты, такой сознательной целеустремленности и последовательности, как в указанных выше, в основном плоскостных районах.

Оставаться в районе станции, где собиралось войско Гоцинского, мы боялись. Действительно обстановка была такая, что небезопасно было ходить по городу, где нас многие знали и называли большевиками. И в тот момент, когда мы собирались уходить, среди отряда кустарей неожиданно появился Алтавла Баганд, мой земляк, боец Петровской Красной Гвардии. Он, по своему обыкновению, ходил по рядам веселый и оживленно беседовал то с одним, то с другим. Я окликнул его. Баганд быст-

ро повернулся и с улыбкой перепрыгивая через хуржуны аскеров, подбежал и протянул руку. На плече у него висела винтовка, вместо пояса – пулеметная лента. Беспечный вид его сразу пропал, возмущенно начал расспрашивать нас, как это смеют эти люди итти на большевиков.

– Даже в Гелли и Муслим-ауле, где я проходил, не знают об этом, – говорил он.

Мы разговорились, пошли в гору. Алтавла Баганд рассказывал:

– Гамид уехал куда-то в Россию, обещал скоро вернуться и как в воду канул. Мы все в полку боялись за него, он слишком горячий. Чтобы повидать своих, мы с Умаром пошли в аул и теперь возвращаемся. Умар с мюрегинцами и Губденским Хизри пошел прямо в Петровск, а я завернул сюда повидать приятеля – он здесь в тюрьме; ни за что посадили человека.

Армия Гоцинского погрузилась в эшелоны и двинулась через Петровск, Дербент – на Баку. Но на подступах к Баку при первой встрече с рабочими отрядами и Красной Гвардией у станции Баладжары весь воинский пыл этой неорганизованной массы обманутых людей пропал. Это заставило главарей похода бить отбой и вся армада поспешно бежала назад. Много анекдотических случаев рассказывалось тогда об этом бегстве, много смеялись.

Некоторые отряды, особенно торопившиеся домой, взяли путь не на Петровск, а со станции Мамед-Кала, Каякент, Манас, Тарки, через горы, пешком и верхом прямо на Темир-Хан-Шуру. Между прочим, этот путь имама повторила и турецкая армия, оккупировавшая Дагестан позже, осенью 18 года. Но об этом потом.

Реакция была в отчаянии. Чтобы как-то реабилитировать себя за позор и взять реванш, она решила разделиться с местным революционным активом. В городе появились открытые призывы перебить большевиков и социалистов, и тех, кто идет за ними в аулах – сельских ак-

тивистов-революционеров, возглавлявших движение крестьян за землю, за свободу. Нам всем пришлось скрываться. Гарун Саидов и Магомед Далгат не уходили из города. Насколько помнится, Магомед прятался в доме школьного товарища Епанешникова по нынешней улице Свободы. Я попал в Верхнее Казанище, но дома у Махмудова никого не нашел и решил вернуться обратно. В ту же ночь я был в Шуре. Жил полулегально, стараясь не показываться в центре города.

СОВЕТЫ ВЕРНУЛИСЬ

Как только пришло известие об отступлении из-под Баку Гоцинского, а затем о занятии красными Петровска, положение в Шуре резко изменилось. Город затих, люди не ходили как раньше, кучками, большевиков не ругали. В харчевнях, мастерских – везде, правда, тоже потихоньку, но все же подсмеивались над армией имама. Нахальных горлопанов, которые раньше, особенно в дни похода на Баку, ратовали за контрреволюцию, уже не было слышно. Горожане затаились, выжидали, что будет, ловили слухи о том, как себя ведут красногвардейские части, занявшие Петровск, гадали, когда и как явятся большевики в Шуру. Вызывало удивление, что, заняв Петровск, они застряли там и не идут в областной центр, который уже никто и не оборонял. В городе появились все революционные элементы, социалисты, отдельные большевики, сельские активисты.

Шура был центром контрреволюционных сил. Отсюда был организован поход на Петровск и Баку. Естественно было предположить, что этот старорежимный центр Дагестанской области, активно выступающий против власти рабочих и крестьян, вызывает особую ненависть бакинского и астраханского отрядов. Этим и объяснялась некоторая боязнь и тревога, с которой ожидали в

Шуре их прихода. А та часть контрреволюции, которая непосредственно в походе на большевиков не участвовала и не бежала в горы, и та, которая вернулась из похода, но надеялась остаться незамеченной, запрятались, затаились в городе. Они исподтишка распускали всякие провокационные слухи о Красной Гвардии, стараясь посеять панику среди горожан и настроить их против вооруженной силы революции. Поэтому социалисты от имени горожан организовали и послали в Петровск специальную делегацию с просьбой мирно занять не сопротивляющийся и оставленный силами контрреволюции город.

В последних числах апреля 1918 года в Шуру прибыли части Красной Гвардии. Во главе Астраханского отряда был Ляхов. Обтянутый в военную куртку и портупею, живой, энергичный ехал он впереди небольшого отряда конницы. Позади четким строевым шагом маршировала пехота.

Стоя на углу гостиницы Крянева, мы восторженно встречали их. Горожане и большое количество прибывших из окружающих селений крестьян толпами стояли на тротуарах Аргутинской улицы, также громко приветствуя советские войска. Под руководством Уллубия Буйнакского был образован Областной Военно-революционный Комитет. Однако, Уллубий сразу же вернулся в Петровск и председателем Ревкома был назначен Коркмасов. В ревком вошли также представители прогрессивной и революционной интеллигенции, члены соцгруппы. Большевиков в первое время там было очень мало – бывший большевик, член соцгруппы Хизроев и считавшиеся большевиками Гарун Саидов и Магомед Далгат.

Большевики, в том числе и дагестанские товарищи – Буйнакский, Гамид Далгат, Атаев Джалалутдин – по-прежнему обосновались в Петровске. Они по-прежнему считали более важным для развертывания борьбы за Советскую власть город Петровск, несмотря на то, что Шура был областным центром.

В общем, состав Ревкома был разнообразный. Этот интересный факт отображал своеобразную обстановку, создававшуюся в тот период в Дагестане – малочисленность большевистских кадров, слабость и малочисленность рабочего класса, еще недостаточно сильное влияние большевиков на трудовые массы горцев. Но общий подъем, радость, уверенность в своих силах, вера трудящихся в большевиков России, охватившие рабочих городов и крестьян окружающих сел, быстро, как горное эхо передавались в дальние районы. Влияние Советской власти росло, авторитет городских Ревкомов, руководимых большевиками, рос с каждым днем. Почти во все округа были назначены комиссары, создавались местные Советы.

Однако в укреплении их, в организации бедноты на борьбу за новую жизнь, в установлении советских порядков, в мобилизации трудовых масс за настоящие, революционные преобразования, в распространении большевистской идеологии основную роль играл опять-таки не Темир-Хан-Шура, а Петровск, а для Южного Дагестана – Дербент со своей партийной организацией.

Петровские товарищи с самого начала восстановления Советской власти стали проводить большую агитационно-пропагандистскую и организаторскую работу в плоскостных районах, создавали в аулах Советы, организовывали вооруженные отряды Красной Гвардии из бедноты. Так было в сел. Утамыш, Мюрего, Кичи-Буйнак, Урахи, Губден, Тарки и других. Они следили и за деятельностью Облревкома. Буйнакский часто лично бывал в Шуре. Ревком помещался в здании бывшей канцелярии губернатора. Военный штаб Ревкома и Астраханского отряда помещался в этом же здании на втором этаже. Заседания Ревкома проходили в нижнем этаже, в левом крыле. Мы присутствовали на всех заседаниях, когда бывали в городе.

КАНУН НОВЫХ СРАЖЕНИЙ

Между тем, бежавшая в горы контрреволюция собирала силы для нового наступления на Советскую власть. Все наиболее отсталые и фанатично настроенные элементы Андийского, Аварского и частью Гунибского округов, находившиеся под влиянием духовенства и имамов Гоцинского и Узун-Гаджи, так же как во время чалмоносного нашествия на Шуру, объединялись под знаменами контрреволюции в многочисленные вооруженные отряды. Вновь формировались части Дагестанского полка из бывших всадников. Ими руководили князь Тарковский и новое военное «светило» артиллерист полковник Арацханов.

Не помню, сколько «мирных» дней прошло со дня прихода в Шуру советских войск, во всяком случае, очень немного. Контрреволюция двинула с гор свои войска. Образовался Аркасский фронт, вслед за ним Дженгутаевский и позже – Ишкартынский...

Часть войск противника, пройдя через Аймаки, вышла к Кизильярским высотам – «волчьим воротам» и, рассыпавшись по хребтам гор, нависло над Кадаром и Верхним Дженгутаем. Другие отряды врага через Араканы вышли на Аркаские высоты и по над хребтом нависли над Казанищем и Манас-аулом. Третья группа войск противника прошла Гимринский перевал и нависла над Ишкарты и Эрпели.

К этой же группировке вражеских сил присоединились части, двигавшиеся со стороны Чиркея.

В процессе борьбы, к концу лета силы врага пополнились частями турецкой армии, поспешившей на помощь дагестанской контрреволюции через главный Кавказский хребет под командованием Исмаил-Хакки-бея,

Наши силы составляли в первое время астраханский отряд и первые мелкие отряды, собранные в окружающих селениях из ранее вооруженных крестьян-

бедняков, действовавших под руководством местных активистов. Позже наше командование располагало довольно значительными силами: спешно созданными частями Красной Армии из дагестанцев и дополнительно прибывшими из Баку и Астрахани отрядами Красной Гвардии. Однако, силы врага по своей численности намного превосходили наши. Создавалась большая угроза Темир-Хан-Шуре. Наши отряды действовали разрозненно, сдерживая напор врага и занимая гораздо худшие, нижние позиции. Над Шурой нависла опасность.

Выход заключался в спешном создании массовых воинских формирований. Этим предполагалось решить две задачи: первое – задержать и затем отбросить из-под Шуры контрреволюционные банды и второе, – оказать помощь осажденному Царицыну. Вторую задачу ставили перед Облревкомом и Военным штабом петровские товарищи. Был образован специальный штаб по формированию Красной Армии из дагестанцев. Начальником штаба назначили представителя петровских большевиков Гамида Далгата. Член Петровского Ревкома, бывший начальник штаба интернационального полка, по восстановлении Советской власти он оставался в Петровске с Уллубием и со старыми товарищами – большевиками и организовывал рабочие батальоны и отряды Красной Гвардии. А теперь по просьбе Облревкома и по решению большевистской организации и Ревкома Петровска прибыл в Шуру для работы по укреплению Советской власти и организации военных сил. Штаб помещался в том же здании канцелярии губернатора.

Развернулась большая работа по формированию частей Красной Армии. Основной костяк этих отрядов составляли даргинцы и кумыки. Но были там и кайтагцы, и табасаранцы, и лакцы, и аварцы, и лезгины. Формирование шло прямо на местах уполномоченными штаба и окружными комиссарами, но большинство отрядов создавалось в самой Шуре, куда со всех сторон стекались кре-

стьяне, желающие вступить в Красную Армию. Организованные и вооруженные здесь части направлялись на фронт. Отряды, создаваемые на местах, в аулах, частью оставались там же, а частично были вызваны под Темир-Хан-Шуру и Манас, когда из Баку двинулся Бичерахов, а с гор усилили атаки Гоцинский и Тарковский.

Гамид мало сидел в штабе, больше находился на фронте, часто вел в бой вновь сформированные отряды. На него было возложено и командование Аркасским фронтом.

Кроме пеших отрядов Красной Гвардии, часть которых была направлена на Астрахань, под руководством Гамида был организован конный полк Красной Армии и другие мелкие отряды конницы. Люди шли к нему массами и вступали в гвардию. Одно его имя привлекало в боевые отряды даргинцев и очень многих кумыков – жителей Темир-Хан-Шурина округа. В деле создания частей Красной Гвардии в тот период Гамид Далгат сыграл большую роль.

ПЕРВАЯ БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

В тот период в Шуре еще не существовало большевистской организации, были отдельные большевики, о которых я уже говорил, и товарищи, стоявшие на большевистских позициях. В деле создания первой такой организации инициативу проявили именно мы, молодежь. Идею такую подали большевики из астраханского отряда.

Началом была инициативная группа. Она постепенно превратилась в настоящую партийную ячейку общегородского масштаба. Кроме двух бойцов астраханского отряда и начальника штаба Заяц в инициативную группу по организации партии большевиков и левых эсеров входили Измаилов Абдурахман, Ибрагим Махмудов, я, Албури Алхасов, Парпачев Абакар, рабочий типографии и Семен-

ченко. В первое время мы не могли найти помещение. Напротив театра, на углу стоял двухэтажный дом Ризвана Мавраева. Этот дом был конфискован. Мы потребовали, чтобы его отдали нам, но Ревком не решал этот вопрос. Тогда астраханские товарищи пришли целым взводом и заняли его. Разместились мы в верхнем этаже, где еще стояла мебель хозяина дома.

Почти каждый день собирались мы там на собрания. Ставили задачу – создать большевистскую организацию. Тон в этом задавал астраханский отряд.

После того, как узнали, что мы создаем организацию, на собрания нашей инициативной группы, состоящей из 8-9 человек, начали приходить многие бойцы астраханских отрядов и отдельные рабочие города. Среди них большинство было беспартийным. Они просто присутствовали на наших собраниях.

После предварительного обсуждения на собрании мы принимали в организацию тех, кто объявлял себя большевиком, или левым эсером. Причем заявление делалось устно. Но одного заявления было недостаточно и мы требовали, чтобы на собрании другие подтвердили заявление и дали характеристику вступающему.

На собраниях председательствовал тот, кого называли первым. Споров этот вопрос никогда не вызывал. Секретарствовал, как правило, один весьма грамотный молодой красногвардеец из астраханского отряда не то Андреев, не то Антонов. Была у нас и книга, куда заносились протоколы собраний, был штамп инициативной группы, были списки членов организации.

Посещали наши собрания Гамид Далгат, Гарун Саидов, Магомед Далгат, Самсонов, Иванов. Помню на собраниях и Казбекова Султан-Саида, но он появился гораздо позже. Приходил на собрания и Гоголев. Помню еще двоих из русских товарищей – рабочего типографии и бывшего гардеробщика нашего реального училища, помню их как членов нашей организации – большевиков.

Из нас – молодежи на эсеровских позициях стоял Семенченко. Он и записан был как эсер и выступал как эсер.

На собраниях иногда развертывались горячие дебаты. Эсеры больше говорили о земле всем крестьянам вообще. Рабочие и беднота у них стояли на втором плане. Мы, большевики, выступали за интересы рабочих и бедняков. Эсеры предлагали раздать казенную и помещичью землю крестьянам подворно, причем могущим обрабатывать ее. О помощи со стороны государства бедноте они не поднимали вопроса. Мы предлагали создать бедняцкие организации в деревне, отобрать у помещиков вместе с землей и тягловую силу и передать их неимущим. Кроме того большевики предлагали экспроприировать капиталистов, отобрать у них все предприятия, дома и имущество, уменьшить продолжительность рабочего дня, повысить заработную плату рабочим. Бойцы астраханского отряда выступали очень активно. Многие из них хорошо ориентировались в происходящих событиях, рассказывали в своих выступлениях о положении в России, о Советской власти.

В каждый свой приезд из Петровска в Шуру Уллубий посещал наши собрания, выступал, активно помогал нам.

Вскоре наша объединенная организация большевиков и левых эсеров раскололась. Эсеры из астраханского отряда на собраниях стали скандалить, размахивать пистолетами во время выступлений. Несколько раз дело чуть не дошло до общей свалки. Затем эсеры перестали посещать наши собрания, митинговали у себя в части. Большевики остались одни.

После своего ухода эсеры пытались расколоть наши ряды – изолировать своих товарищей по отряду от гражданских, то есть местных большевиков. Однако, это им не удалось, и большевистская организация существовала до падения Темир-Хан-Шуры.

Наша организация занималась и военными, и гражданскими делами. Основную деятельность мы развивали

в работе по формированию новых частей Красной Армии, как основной боевой задачи момента. Помощь штабу в этой работе вменялась в обязанность каждого большевика. Помню выступления Гамида на собрании по этому вопросу.

Мы вели и массово-политическую работу в аулах прифронтной полосы, на фронте среди бойцов Красной Армии и среди рабочих города.

На собраниях много времени убивали на диспуты, часто довольно путанные. Желание все понять, осмыслить у товарищей было огромное. Энергии много, каждому хотелось быть активным, высказать свои мысли по разным вопросам. Теперь уже мы понимали программу партии, понимали цель и задачи социальной революции. В процессе революционной борьбы оформлялось наше большевистское мировоззрение.

Когда мы сколачивали инициативную группу по организации партии большевиков и левых эсеров, самое большое затруднение испытывали из-за отсутствия политической партийной литературы. Жажда к знаниям была огромная. Мы были уверены, что на все вопросы, интересовавшие и волновавшие нас, найдем ответ именно там. Иногда приносили на собрание истрепанный том «Капитала», еще накануне революции присланного нам из Екатеринослава Гамидом и хранившегося у матери Махмудова.

Дискуссии с эсерами носили острый характер. Среди них были политически более грамотные люди. Правда, когда впоследствии наша группа переросла в целую организацию, мы крепко били каждое выступление эсеров, пока они совсем не ушли от нас. Но в первое время политическая литература, особенно сочинения Ленина, о которых много стали говорить, нужна была нам как воздух.

Решено было командировать меня в Россию за такой литературой. Я должен был пробиться в Ростов и на Волгу – в Астрахань, Царицын, Саратов. Знали, что труд-

но добраться до этих мест, но надо было сделать попытку.

На Кубани появился Деникин. Царицын был осажден армией Краснова. Железнодорожное движение по территории Северного Кавказа было нарушено, поезда ходили только на отдельных участках. Основная магистраль проходила по территории, занятой частью советскими войсками, частью – бандами Деникина, Каледина и других.

Группа не могла выдать мне документы, потому что не являлась органом власти и в то время еще не имела даже своего штампа. Мандат о командировке был выписан Областным Революционным комитетом. Документ подписал Мутушев, заменявший тогда председателя Ревкома.

Через три дня на паровозе я доехал до станции Червленая – узловая. Оказалось, что станицу Червленую и вообще по Моздокской ветке проехать невозможно, поезда не ходили. Верхушка казачества бушевала, активно выступала за старый режим и железнодорожное движение, так же как и через Чечню, было прервано. Возвращаться я не хотел и решил пробираться к морю, чтобы попытаться попасть в Астрахань. Пешком дошел я до какого-то парома через Терек, переправился на другую сторону и попал в чеченские хутора выше села Хаммамат-Юрт. Ночью же я взял направление на Каспий и через два дня мимо мелких хуторов, камышами и болотами вышел к Аграханскому заливу.

В глухом месте, в зарослях камышей у берега залива я наткнулся на хутора – землянки украинцев. Попытки найти рыбацкую лодку, отплывающую в Астрахань, не увенчались успехом. Пришлось вернуться ни с чем. На лодке рыбака-украинца я добрался до устья Сулака и оттуда до Петровска. Мандат и деньги, зашитые в пергаментную бумагу, были целы, зато я весь был исцарапан камышом. Так мне не удалось попасть в Советскую Россию.

Летом в здании женской гимназии была созвана конференция, вернее широкое общегородское совещание революционных сил. Накануне собрания я приехал из Дженгутая. Насколько мне помнится, инициатором совещания являлись петровские и астраханские товарищи. Это было после того, как были отбиты атаки банд Гоцинского и требовалось мобилизовать все силы и поднять массы, чтобы окончательно разгромить его. От большевиков города выступал наш товарищ Измайлов.

АРКАС

После неудачной попытки попасть в советскую Россию я находился на Аркасском фронте. На этом участке в это время было очень тревожно. Враг накапливал силы. Надо было опередить его. Мне было поручено участвовать в операции по обходу врага с левого фланга по узкому ущелью, пересекающему Аркасский хребет выше Манас-аула. В операции участвовала одна конница с пулеметами, состоявшая из кумыков селений Казанище, Кафыркумух и др. Я командовал первым взводом разведки. Двигались мы после обеда. Враг мог с высот видеть в бинокль наше движение. К вечеру мы наткнулись на узкий проход, но не тот куда шли. Попытка найти второй, – годный для прохода конницы, предпринятый нами ночью, не дала успеха. На следующий день утром был получен приказ подойти к шоссе, идущему через Аркасский перевал. По бездорожью, по перелескам и сенокосам, держась подножий хребта, к обеду подошли мы к месту, где начинается подъем на перевал. В нашем отряде было человек сто конницы. У самого подъема мы наткнулись на другой наш отряд. В лесу, по обе стороны дороги расположились конные красногвардейцы, среди которых находилось небольшое число бойцов Астраханского отряда. Через короткое время со стороны Верхнего Казанища подъехала

группа всадников во главе с Гамидом. Их сразу обступили. У края леса Гамид собрал отряды. Командиры частей и бойцы образовали большой круг. Передние сидели, задние стояли. Лошадей укрыли в зарослях. Гамид долго говорил. Бойцы задавали много вопросов о большевиках, о событиях в России, на Кавказе. Людей интересовало все. Для них это была своеобразная поллитшкола. Очень многое они слышали впервые. Многие вещи проверяли, допытывались до подробностей. Люди хотели все знать. Один пожилой кумык спрашивал «кто такой Ленин, какой он на вид, сколько ему лет, где он родился». Более часа продолжалась беседа.

Гамид неожиданно переменял тему разговора. Он сказал, что враг, накопивший в селении Аркас большие силы, вчера двинул их вперед на перевал, являющийся ближайшим к нашим позициям исходным пунктом, плацдармом для нанесения удара на Шуру.

– Наша обязанность – выбить их из Аркаса. Я уверен, что мы это сделаем! – сказал он.

– Не вернемся, не напившись из Аркаского родника! – твердо заявил сурового вида, хорошо вооруженный даргинец.

– Мы не подкачаем, товарищ Далгат! Будьте уверены! – сказал один боец из отряда Ляхова. Астраханцы хорошо знали Гамида. Здесь их было человек двадцать.

– Хорошо! Увидим кто меня опередит! – бросил командир вызов, прищуренными глазами оглядывая людей. Он попал в цель.

– Валлахи, и мы не отстанем от тебя! – стараясь быть скромным, заявил рослый кумык в серой шапке. Он был не то из Буглена, не то из Дургели.

– Сколько у тебя товарищей? – задал ему вопрос Гамид.

– Нас шесть человек, – ответил тот.

– Маловато, но ничего, иногда один человек стоит целой сотни. Вот вы и пойдете впереди, разведывать путь, – заявил Гамид и добавил: – и я с вами!

– Валлах, и это хорошо! – улыбаясь, согласился бугленец.

Тут же начал Гамид называть по имени командиров и в нескольких словах в присутствии бойцов давал каждому боевое задание, кому за кем и в каком направлении двигаться и наступать. Всего сосредоточено здесь было для намеченной операции около батальона пехоты и две сотни кавалерии.

После обеда началось движение. Гамид вместе с группой бугленцев и несколькими командирами поехал по шоссе впереди. Вслед двинулся конный взвод разведки, а дальше зашагала пехота. Во главе колонны пехоты шли астраханцы. Кавалерия была в арьергарде. На подъеме к перевалу на одном небольшом повороте пехота широким фронтом цепью рассыпалась в лесу по обе стороны дороги и пошла вверх. Впереди загремели выстрелы – это враг у перевала встречал разведвзвод. Прискакал боец с приказом Гамида: коннице продолжать путь по шоссе, двигаясь вместе с пехотными цепями, не опережать их пока пехота не подступит к самому перевалу, к линии, где засел противник. Командиры конницы нервничали, торопились вперед, но вынуждены были выполнять приказ.

Пехота продвигалась довольно быстро, а мы – по дороге вслед за ней. Стрельба впереди усилилась. Наши цепи выходили на открытые места. С левого фланга по показавшейся цепи противника застрочил пулемет астраханцев, первыми подступивших к перевалу. Пехота по открытому склону пошла еще быстрее, вражеский огонь усилился, но и наш левый фланг боковым огнем по линии фронта крепко нажал на противника. Замелькали отдельные фигуры воинов ислама, отбегавших за новые укрытия. На значительном расстоянии впереди мы увидели переднюю группу. Гамид замахал над головой саблей. То был знак кавалерии итти в атаку.

Прямо по дороге, беспорядочной лавой, опережая друг друга, спутав свои команды, кто впереди, кто позади,

в зависимости от быстроты коня, понеслись мы к перевалу. Впереди всех скакали Гамид вместе с бугленцем. В первое время пули непрерывно свистели вокруг нас, но с приближением к позициям врага огонь ослабевал. Мы на скаку стреляли по перебегающему противнику, кто из винтовки, кто из револьвера.

Так проскочили мы линию обороны противника и поскакали дальше по дороге.

Разделенная на две части нашим прорывом и напуганная пулеметным и ружейным огнем вплотную подступившей пехоты, армия Гоцинского в панике начала отступать от перевала. Она отходила на усеянные каменными валунами возвышения по сторонам от дороги. При этом они очень быстро и ловко меняли свои позиции, перескакивая от бугра к бугру, от камня к камню и непрерывно отстреливаясь. Наша пехота преследовала их, также перебегая с места на место и стреляя по кочкам и каменным валунам, за которыми на несколько секунд укрывались отступающие противники.

Оставив пехоту преследовать противника по обоим направлениям. Гамид поскакал во главе конницы по дороге на Аркас. Пока мы не доскакали до подступов к аулу с обеих сторон по нас вел беспорядочный ружейный огонь невидимый для нас противник. При нашем приближении к аулу оттуда выскочила группа верховых человек 30-40 и поскакали по направлению к Араканскому ущелью. Их догонять никто не мог, потому что лошади наши устали и не знали какие силы имеются в ауле. Однако в селении войск имама не оказалось.

Задача была выполнена – на самом опасном и близком к Шуре Аркаском фронте была пробита брешь, противник был расстроен, связь сплошной линии наступления врага Кизильяр – Аркас – Ишкарты прервана на самом важном участке. Это давало некоторую передышку, которую наши использовали для усиления темпов сколачивания отрядов Красной Гвардии. В этом сражении было взято до сотни человек пленных и офицер-дагестанец.

ДЖЕНГУТАЙ

Вскоре Махмудова и меня вызвали в Шуру к Дахадаеву. Он рассказал, что в ответ на наш Аркасский удар противник ведет очень энергичное наступление на Дженгутаевском фронте, куда спешно направляется прибывший из Петровска свежий отряд Красной Гвардии. Нам он предложил выехать в качестве политработников и представителей командования на Дженгутайский фронт.

В тот же день вместе с пехотным красногвардейским батальоном мы на линейке выехали на фронт. В Нижний Дженгутай, где находилось командование этого фронта, прибыли ночью. С раннего утра следующего дня начала бить наша артиллерия. Красногвардейский батальон двинулся, чтобы занять позиции у Верхнего Дженгутая, слева от дороги по направлению к Дургели. Ибрагим ушел с батальоном на новые позиции, а я на батарею.

Батарея Астраханского отряда стояла в самом ауле на возвышенности, на площадке рядом с джума-мечетью. Орудий было не то четыре, не то пять. Рослый, худощавый командир артиллерии не ограничивался командой, а сам бегал от орудия к орудию, проверял поставленный наводчиком прицел и лишь после проверки давал команду «Огонь!» – наши били по тылам,седающего по всей линии фронта врага.

Мы зашли в штаб, помещавшийся рядом, и в этот момент появился Махач. Он приехал, чтобы лично руководить обороной на этом направлении. Махач направился к батарее. Командир отрапортовал ему и продолжил свое дело. Теперь орудия вели беглый огонь, командир батареи нервничал. Причиной тому было большое движение на небольшом участке фронта влево от дороги между Верхним Дженгутаем и Дургели – на том самом месте, где позднее неоднократно происходили сражения наших партизанских отрядов с деникинской армией в 1919-20 годах.

Оживление на участке, который беспокоил артиллерию, безусловно не было случайным, но никаких доне-

сений оттуда не поступало. А утром туда пошли прибывшие из Шуры с нами две роты пехоты. Впоследствии оказалось, что прибывшие роты перемещали с места на место местные красногвардейские отряды, а сами занимали передовую линию. Но сейчас в бинокль мы не могли разобрать этого. И командир батареи стал спрашивать у Дахадаева как быть, кем могут оказаться эти массы людей.

Не успел Махач ему ответить, как снизу к батарее подскочил всадник и буквально свалился, а не спрыгнул со взмыленного коня на землю и сказал на кумыкском языке, что противник уже вошел в Кадар, что кадарцы не оказали сопротивления. Это сообщение удивило всех. Мы знали, что кадарцы все время очень крепко оборонялись, что этот аул, к которому имамы питали большую злобу, активно выступал против них, и вдруг такое известие. Всадник был прислан с Дургелинского участка фронта. Командир батареи посмотрел в бинокль и молча передал его Махачу. Тот долго всматривался в том же направлении и тоже молча передал кому-то бинокль. Махач побледнел и немигающими глазами уставился на Кадарские возвышенности. Командир батареи давно прекратил всякий огонь и ожидал распоряжений. После долгого молчания Махач как бы про себя сказал:

– Это большая неожиданность. Кадар врагом занят. Его надо оттуда выбить. – И, волнуясь, отдал приказ.

– Навести орудия на селение! – Пушки медленно повернулись под небольшим углом влево, взяли прицел и уставились прямо на село. Махач, еще больше побледневший, застыл на месте, как изваяние. Все взоры были обращены на него. Хотя ни у кого не было сомнения в том, что в Кадаре враг, что взятие этого аула – большой успех для противника, каждый спрашивал себя; «а надо ли и можно ли бить из орудий по селу?»

И в тот самый момент, когда орудия были готовы и командир батареи скомандовал – «Огонь!» – почти одно-

временно с этим приказом раздался голос Махача, крикнувшего: «Стой!» – Командир батареи, как будто ожидал такое распоряжение, без запинки, вслед за первым, немедленно прокричал – Отставить! – Какая-нибудь секунда или две предотвратили катастрофу. Глаза Махача, человека крепкой воли, увлажнились. В эти несколько минут он пережил внутреннюю трагедию. Проведя рукой по усам, он вплотную подошел к орудиям, постоял около солдат и сказал:

– Нет, не можем мы разрушать свои аулы! Не верю я, что кадарцы перешли в лагерь врага!

Через четверть часа с группой конных я скакал по направлению к Дургели.

– Будем ждать твоего сообщения, что там произошло, – говорил мне Махач.

Но эти сведения он получил раньше, чем я достиг линии фронта.

В двух-трех километрах от Дженгутая я встретил всадника с очередным донесением в штаб. На мой вопрос он ответил, что едет из Кадара.

– Я сейчас оттуда, – говорил он. – Правда, мешочки имама близко подошли к Кадару, но разве мы сдали бы аул? Противник сейчас на кадарских сенокосах, пытается обойти селение, прорваться между Кадаром и Кака-Шура.

НЕРАВНАЯ БОРЬБА

На фронте становилось все тревожнее. К бандам, действовавшим со стороны Салатавии, на так называемом, Ишкартинском направлении, подошли пришедшие с Севера, со стороны Чиркея, новые значительные подкрепления. Цепи их, миновав Эрпели, широким фронтом двинулись по открытой местности, подступая к Шуру.

Город защищали незначительные части новосозданной Красной Гвардии и роты астраханцев.

Батарея наша из шести орудий стояла на возвышении «Кавалер Батарея» и беглым огнем била по видимым, перебегающим цепям противника. Был такой момент, когда передовые части врага, несмотря на сильный огонь артиллерии, пробились к речке Шура-Озень. в том месте, где ее пересекает дорога, ведущая в Ишкарты.

Это дело было так: со стороны плато, где обычно располагался летний лагерь Дагестанского полка, по направлению к речке Шура-Озень неслась лава широко рассыпавшейся кавалерии. С горы, у подошвы которой расположен лагерь, между конницей и ишкартинской дорогой, по голому склону спускались цепи войск имама, а по самой ишкартинской дороге двигалась неорганизованная толпа. Все они устремились к одному месту – речной переправе, у которого начинается подъем в город. По узкому руслу реки к месту скрещивания её с дорогой, выйдя из леса, бежала плотная масса неприятельского войска. Они на ходу вели обстрел наших позиций. Артиллерия наша усилила огонь. Снаряды рвались по всей линии фронта наступающего противника. Наши местные части Красной Гвардии и русские части смешались и вместе оттаивали город. Одни стали спускаться к реке под «Кавалер Батареей», чтобы перейдя ее, ударить по левому флангу противника. Смешанный конный отряд во главе с Ляховым и Гамидом Далгатом пошел прямо по дороге навстречу врагу. Наш левый фланг занимал Беловежскую гору. К нему по лесу подходила линия обороны Центрального участка, расположенного сзади казарм, над обрывом, спускающимся к речной переправе. Наш центр фронта господствовал над этой переправой, куда всеми силами устремился противник. Нач. штаба астраханцев Заяц и я со взводом охраны штаба были на центральном участке и с открытых каменоломен вели огонь по врагу. Мы видели, как несколько снарядов попали в толпу, движущуюся прямо по дороге и как она рассыпалась. Конница противника, увидев спускающихся к речке навстречу

им наших кавалеристов, остановилась у противоположного края речной долины, не решаясь продолжить путь.

Подходивший к переправе вражеский отряд пехоты, преследуемый нашим пулеметным огнем, в панике отступил и побежал вверх по течению реки, скрываясь в кустах. Мы бегом спустились по крутому откосу к переправе, перешли реку и поднялись до конца подъема другого берега. Дальше наши части не преследовали противника, который перешел в лес и под натиском нашего левого фланга со стороны Беловежской горы, спешно отступал.

Отряд Ляхова пробился до Чирката, Ахатля, Зубуля, но попал под сильный обстрел и был вынужден вернуться в Шуру и готовился вновь выступить туда же.

Предстоящая операция обсуждалась на Ревкоме. Опасались большого и ненужного кровопролития.

По инициативе прибывшего в Шуру Уллубия Гамиду было предложено выехать с этим отрядом в качестве представителя Ревкома.

С Гамидом было всего десяток конных красногвардейцев-дагестанцев. Отрядом своим командовал Ляхов. Поехали через Ишкарты. Когда отряд спускался к Сулаку враг заметил их. По ту сторону Сулака, в тех же местах завязались бои с бандами Гоцинского. Побили немало бандитов и разогнали их.

Часть третья

ПАРТИЗАНЫ

БИЧЕРАХОВ

В эти дни пришло известие о том, что из Баку на Петровск двигается английский наймит полковник Бичерахов. Схватка сил революции и контрреволюции принимала еще более острый и широкий размах. Силы контрреволюции превосходили в несколько раз. Петровск готовился к обороне. Большевики Петровска пополняли рабочие батальоны, вооружали новые, выдали много патронов частям Красной гвардии, строили оборонительные сооружения. Была построена у южной окраины города железнодорожная ветка, опоясывающая город от района переезда к фабрике III Интернационала. Но оборона города не могла быть надежной на самых подступах к нему.

Войска Бичерахова состояли из казачьих частей и большого отряда дашнаков.

Основное ядро войска Бичерахова – казачий полк по пути из Ирана, начиная с самой границы и особенно в районе Баку, пополнялся бывшими солдатами, по возвращении с турецкого фронта в семнадцатом и начале восемнадцатого года по разным причинам застрявшими в этих краях.

Первое столкновение с Бичераховым произошло под Дербентом. Руководимые большевиками, части Красной Гвардии дрались с наступающим врагом. Лезгины и табасаранцы принимали активное участие в защите горо-

да от армии полковника Бичерахова. Вместе с частями Красной Гвардии в районе Дербента дрались также мюрегинцы, утемышцы, урахинцы, мекегинцы, буйнакцы и другие. Многие из них участвовали затем в боях под Мамедкалой, в стычках с авангардными частями Бичерахова под Каякентом, Инчхе, Избергом и Манасом.

До тех пор пока смертельная опасность не нависла над Петровском, пока казачьи отряды не подступили к Манасу, Дагестанский Революционный Комитет не мог направить из Шуры сколько-нибудь значительной части, чтобы встретить Бичерахова на подступах к Дагестану потому, что сама Шура была окружена бандами Гоцинского и Тарковского и находилась в такой же опасности. И лишь в момент подхода бичераховцев к Манасу часть отряда Ляхова, пополненного местными красногвардейцами, была направлена на помощь Петровску. Уехал в Петровск и Махач. Туда же был отозван Гамид. Он возглавил рабочий батальон Петровска и объединенный «отряд урахинцев, во главе с Умаром Алиевым и Алтавл Багандом, буйнакцев во главе с Каранаевым и Кара-Магомедом, губденцев во главе с Хизри и Газиханом, таркинцев и других. Этот отряд был послан в обход бичераховцев: Через Губден и Буйнак отряд вышел к железной дороге между Избергом и Манасом.

В это время отряды Красной гвардии, оказывая отчаянное сопротивление, отходили к Петровску. Враг обрушил на них всю свою технику и все свои резервы. Над революционными силами нависла угроза полного разгрома.

В такой критический момент отряд Гамида появился в тылу Бичерахова и отчаянным усилием прорвавшись к Манасскому мосту с южной стороны стал угрожать станции и штабу Бичерахова. Бичерахов спешно снял части с фронта и бросил их против отряда. Нам пришлось отступить. Но задача, поставленная перед нами, была выполнена. Силы полковника были разделены на две части: ос-

новная группировка Красной гвардии получила возможность без больших потерь отойти к Петровску. А Гамид, отбиваясь от наседавшего противника, начал отступать по линии железной дороги на юг. Оторваться от врага удалось на расстоянии двух километров южнее станции Манас, в том месте, где еще вначале наступления были разобраны рельсы, чтобы преградить путь поездам. Между прочим, после этого опыта с рельсами боец партизанского отряда Гамида урахионец Алтавла Баганд стал известным специалистом-подрывником. В 1919-1920 годах он не раз пускал эшелоны Деникина под откос.

В боях против Бичерахова отличились многие урахинцы – Данакала Исак из Аялизи-махи, Юсуп Алищихов и Халик Айсаев из Аймау-махи, Кадиали Омадзиев и братья Баганд и Али Гаджиевы из самого аула и другие. Все они служили, в Петровском Интернациональном полку и ушли в горы после взятия города войсками дагестанской контрреволюции. После восстановления Советской власти в Петровске они вновь вернулись туда и теперь под начальством своего командира отчаянно дрались с Бичераховым. Под Петровском дрались бойцы отряда – Омар Багомадов, Качаг-Муртузали, Амирханов Абдулла, Азиз Темирханов и другие.

В этих боях мы потеряли многих боевых друзей: под Избергом погиб отважный партизан из Мекеги Магомед, Богатырев, под Манасом потеряли еще двоих, а под Петровском был убит Яхья из Ая-махи и многие другие.

Через горы отряд двинулся на Шуру. Здесь мы узнали о падении Петровска.

Под угрозой наседающего врага находилась и Шура. На подмогу Гоцинскому через Кавказский перевал, через Кази-Кумух, под начальством полковника Исмаил-Хаккибея, прибыла часть турецкой армии. По дороге к Темирхан-Шуре турки расправлялись с лакскими и даргинскими революционными активистами. После того, как пришло известие о взятии войсками Бичерахова Петровска пол-

чища противника начали заполнять леса прилегающие к городу. Остановить их мы уже не могли. Наши силы находились между двух огней. Общее руководство фронтом и всеми боевыми операциями было утеряно. Отдельные соединения Красной гвардии из местных жителей под натиском многочисленного врага отступали и расходились. Члены Областного Ревкома покинули город, к которому, миновав Дженгутай и Казанище, подходили дозоры врага. Часть Астраханского отряда еще раньше ушла защищать Петровск от банд Бичерахова, а оставшиеся в Шуру подразделения их теперь отступали поездом до Кумторкала, а оттуда пешком к морю.

Дахадаев выехал из города. Мы об этом не знали. Вдруг пришло известие о его убийстве около Дженгутая. Последние мелкие отряды покинули город. Разбрелась и сотня из даргинцев, аварцев и кумыков, которую как резерв постоянно держал под рукой Махач и почему-то не взял с собой, когда покидал город. Весь народ, все горожане переживали смерть Махача.

В тот же день Гамид, прибывший в Шуру, предупредил меня, Махмудова Ибрагима и Алхасова Албури, чтобы мы пробирались в горы, в район Урахи, а сам с несколькими всадниками поехал через Кафыркумух по направлению к Губдену.

Так под натиском многочисленных сил контрреволюции молодая Советская власть в Дагестане временно пала. Многие 'большевики, возглавлявшие борьбу за власть Советов, погибли, часть попала в руки врага, иные скрылись. Мы, оставшиеся, ушли в горы вновь поднимать массы.

БОЛЬШЕВИКИ В ГОРАХ

На второй день по получении известия о гибели Дахадаева, который попал в руки врага, выполняя предложение Гамида, мы вышли из города разными дорогами и

сошлись на условленном месте – в кустарниках на гребне горы за Кафыркумухом. Здесь мы заночевали решив день-два выждать дальнейших событий в Шуре. Была и другая причина того, что мы выбрали именно это место – на местной жительнице был женат наш земляк, урахинец Абдулманап Тувакаров.

В ту же ночь, оставив на горе Ибрагима, мы с Албури пошли в аул. Без всякого вопроса, дверь открыла жена Абдулманапа.

Гостеприимная женщина рассказала все, что слышала о шуринских новостях. Передавали, что ищут большевиков, что есть приказ «хукму» Нажмутдина, основанный на шариате и разрешающий любому гражданину ловить и на месте вешать «вероотступников».

На следующий день погода испортилась, стало сыро, туманно. Сентябрьский холод донимал нас, сравнительно легко одетых людей. Мы беспокоились о Гамиде. Его характер был известен – при определенных обстоятельствах он ни с чем не считался и шел на любой рискованный шаг. При расставании с нами, после известия о смерти Дахадаева, он был так сильно расстроен, что не разговаривал ни с кем, не слушал нас. Ибрагим говорил, что Гамид может ворваться в дом к Нухбеку. Однако сейчас найти Гамида, если даже он был в районе города, мы не могли, надо было попытаться связаться с ним через революционных активистов аулов, с которыми у него были широкие связи. Мы решили идти в Кумторкала. На рассвете двинулись по бездорожью через горы, пересекли широкую долину, по которой идет дорога на Петровск, и поздно ночью обессиленные, голодные пришли в аул. Остановились у Забита Коркмасова кунака Гамида. Хозяин рассказал, что Гамид ночевал у него и сегодня выехал в горы с шестью верховыми. По его словам Гамид должен быть в Гелли или Губдене.

Рано утром через горы и леса пешком мы двинулись на Губден. На лошадь садились по очереди, но больше

вели ее на поводу. Это путешествие продолжалось двое суток. Ибрагима трясла лихорадка. Албури побледнел. В Губдене мы узнали, что Гамид провел совещание революционного актива аула и ушел на Мекеги. Здесь же мы услышали хабар о том, что Баку действительно занят турками, что в Карабудахкент приезжали люди Тарковского, что в направлении Дешлагера поехал князь Уцмиев Абдулмеджид с группой всадников.

Нам надо было спешить в Урахи – на место встречи с Гамидом.

Выехали на конях, представленных губденовскими товарищами и, оставив левее Дешлагар, через Ванашимахи среди бела дня открыто прибыли в Урахи. Это объяснялось тем, что несмотря на поражение, в ауле преобладало наше влияние. Еще в конце 1917 года здесь был сколочен крепкий костяк революционных активистов, красногвардейцев из рабочих отходников, бедняков, который и сейчас является нашей надежной опорой. Гамид приехал через несколько дней.

В Урахи были вызваны отдельные революционные активисты из разных сел. Им давалось задание вести агитацию против банд Бичерахова, Тарковского, производить тайную запись в отряды Красной Гвардии. В Урахи приезжали мекегинцы во главе с Алибеком Богатыревым и Али Султановым, губденцы во главе с «слепым Хизри», мургухинцы во главе с Далгатом Мургухским, гамринцы во главе с обоими Али, мюрегинцы – Эрпели, Шапи-Кадии, утемышцы – Муса, Амирхан, баршлинцы – Абдулла, Абдулхалик и другие. Создавались группы, с которыми Гамид совершил нападения на отряды Бичерахова у Каякента и Карабудахкента.

Боевой костяк Урахи состоял из бывших красногвардейцев Петровского Интернационального полка Умара Алиева, Абдулла Амирханова, Алтавла Баганда, Качаг Муртузали, Мажа-Омара, Загида Магомедова, Сулейманова С., Кадиева А., Даниева Н. и др.

К этому времени в аул вернулась и часть урахинской интеллигенции, не желавшая примкнуть к националистической контрреволюции. Из Шуры приехал наш старший брат Абдусалам. В начале революции Абдусалам сочувствовал социалистической группе был послан комиссаром Кайтаго-Табасаранского округа, а при Советской власти работал в Шуре в казначействе–банке и после падения Советов бежал в горы. Абдусалам сочувствовал буржуазно-демократическим идеям, но не принимал большевистских.

Прибыли в Урахи и офицеры, вернувшиеся с фронтов империалистической войны и не желавшие служить у контрреволюции, – Манап Далгат – брат большевика Магомеда Далгата и наш двоюродный брат Рамазанов Муид из Верхнего аула. Гамид собирался использовать их, как военных специалистов.

Таким образом, в начале осени 1918 года положение в дагестанском ауле было тревожное. Под ударами контрреволюционных сил Советская власть временно пала. Ключевые позиции заняли войска Бичерахова, оккупировавшие города, побережье моря и железную дорогу. В центре области – Темир-Хан-Шуре установилась диктатура Тарковского и национальной буржуазно-помещечьей верхушки. На местах фактически было безвластие. Пользуясь этим активную деятельность развернули туркофильские элементы.

В аулах свирепствовали эпидемии тифа и холеры. Ежедневно хоронили десятки и сотни людей. Дело дошло до того, что на подступах к аулам были установлены карантинные, заградительные посты. Но и это не помогало.

Пользуясь такой обстановкой, всякого рода преступные авантюристические элементы совершали набеги, угоняли скот, грабили, убивали. В этот период было разграблено бывшее имение наместника царя на Кавказе Воронцова-Дашкова, Геджух. Главный винодел – француз и управляющий имением – немец бежали. Имение оста-

лось без присмотра. Люди ходили по подвалам и стреляли в бочки. Вино текло непрерывно. Наполнив большие сосуды, на арбах и лошадях вино увозили домой. Две недели продолжалось это. Некоторые приезжали по два три раза. Вино заполнило подвалы. Пьяные люди плавали в нем, захлебывались и тонули. Располагавшиеся тут-же на траве хмельные компании устраивали скандалы. Участились случаи убийств и ранений. Такая же картина была и в аулах. С одной стороны людей косили тиф и холера, с другой – геджухское вино. В ауле одновременно и хоронили и пьянствовали. Наконец общества спохватились, было запрещено ездить в Геджух за вином. Такой запрет под угрозой штрафа в размере двух быков установил и Урахинский джамаат. На дороге, ведущей в Дербент, был установлен пост сельских стражников. До отказа груженные посудой с геджухским вином арбы разгружались и янтарное вино тут же выливалось на землю.

Вскоре по аулам поползли слухи о том, что турки заняли Баку и двигаются на Дагестан. Этот хабар окрылял, поднимал активность реакционных верхов сел. На сходах, базарах, мечетях они стали выступать с призывом к упрочению старых порядков – «лизам-адлу». Во многих крупных аулах был восстановлен старый режим. Под видом самоохраны контрреволюционеры организовывали вооруженные отряды. Они стали использоваться против революционных активистов. В Дешлагаре, Каякенте, Маджалесе, Левашах появились первые части конной милиции и Дагестанского полка, высланные правительством Дагестана Тарковским.

Аульские верхи стали поднимать голову и в Урахи.

– Благодаря кучке людей, возглавляемых Гамидом, наш аул стал большевистским. Нам надо избавиться от этой плохой славы, иначе будет плохо. Турецкая армия придет в Дагестан. Что мы им скажем?! – говорили на гумаях более активные из них.

Нас могли предать. Поэтому было решено перейти на полулегальное положение. Ночью мы покинули аул и обосновались в лесу у пастухов урахинских овечьих отар на горе Умхана. Однако мы и тут не прекратили своей деятельности. Через связных продолжали поддерживать сношения с аулами. Нашими связными были пастух Загид Магомедов и Магомед Ибрагимов. Через них мы узнали, что в Левашах собирается Экспедиция для ликвидации большевистского гнезда в Урахи. Мюрегинец Эрпели, товарищ Гамида, также прислал человека предупредить, что в Дешлагаре ожидают прибытие какого-то отряда для ареста большевиков.

ТУРКИ

По дагестанским аулам широко распространился хабар о том, что большая турецкая армия идет изгонять из Дагестана Бичерахова. Это способствовало тому, что даже многие наши активисты поехали в Дербент встречать турок, идущих из Баку. Мы получили сведения и о том, что встречать турецкую армию, со своими приближенными в Дербент выехал и шейх Али-Гаджи Акушинский.

Времена были такие. Дагестанское крестьянство еще далеко не освободилось от влияния мусульманской религии. Рабочий класс был в стадии формирования, а тут еще слух об освобождении от Бичерахова! Поэтому турок встречали не только верхи дагестанских аулов. Многие из тех, кто вместе с русскими частями Красной Гвардии месяц тому назад сражались с отрядами Бичерахова, теперь под Дербентом, Мамедкалой, Каякентом, Манасом и Петровском вновь сражались против того же Бичерахова, но уже не в составе Красной Гвардии, а турецкой армии.

Оправдано-ли было такое поведение некоторых революционно-настроенных активистов? Конечно, нет. Мы расценивали это, не иначе, как предательство интересов

трудящихся. Драться надо было и с теми и с другими. К этому звали большевики.

Легко взяв Дербент, турецкая армия пошла дальше на Север. Основные силы ее двигались довольно быстро по линии железной дороги. Другие группы войск со станции Мамедкала и Каякент пошли через Дешлагар на областной центр Темир-Хан-Шуру. Турецкий паша, командующий армией, остановился в Джимикенте у бывшего старшины Теркемейских аулов Шихмирзы, а штаб армии находился на станции Берикей. В территориальных центрах, где проходили турки, создавались штабы и оставлялось небольшое войсковое подразделение. Такие штабы существовали в Ахтах, Касумкенте, Маджалисе, Дешлагаре, Аксае. В Ахтах они создали и военное училище для подготовки младшего командного и преподавательского состава из местных людей. Такие же школы были созданы в Касумкенте, в Каякенте. Эти школы были укомплектованы, главным образом, из детей контрреволюционных кулацко-мульских пантюристских элементов. Вскоре после вступления в Дагестан турки объявили о наборе добровольцев. Но желающих оказалось мало.

Турецкие части быстро двигались к Петровску. Бичерахов так же стягивал силы и готовился к упорной обороне города. Он укрепил город, опоясал его несколькими рядами окопов до самого Тарки-Тау, а на Тарки-Тау развернул фортификационные работы. Защиту укрепленной горы Бичерахов поручил отрядам дашнаков, как наиболее верным частям в борьбе с турками.

Из дагестанцев, примкнувших в этом наступлении к турецкой армии, командование создало мелкие кавалерийские и пехотные группы. Пешие участвовали в штурме Тарки-Тау, а конные группы были направлены в обход, через Агач-аул на Атлыбуюнский перевал с заданием ударить с тыла, с северной стороны города и горы Тарки-Тау. Однако эти кавалерийские насти не выполнили задания – они еще находились у Атлы-Буюна, когда турки взяли Тарки-Тау.

После взятия Тарки-Тау участь города была predetermined. В тот же день турки вступили в Петровск. На следующий день утром в городском саду у моря на ветвях деревьев и на специально сооруженных столбах висели трупы. «За мародерство» – гласили надписи на повешенных. Однако это была маскировка. Турки больше вешали, чтобы навести страх на население.

Колонна турецкой армии, которая через Дешлагар двигалась на Темир-Хан-Шуру, организовала военно-административный штаб, состоящий из турецких офицеров и представителей местной верхушки.

Горно-стрелковой дивизией, которая шла через Дешлагар, командовал Хасан-Тахсим-бек. Начальником Дешлагарского штаба был турецкий офицер, как рассказывали, по происхождению дагестанец из Манас-аула, некий Фатали-бей. Дагестанскую военно-административную верхушку в штабе представляли: высланный из Шуры навстречу туркам, полковник Магомедов Абдусалам из Хаджал-махи, военный чиновник Алхасов из Губденя и Али-Кльгч.

Куда-бы не пришли турки их командование в первую очередь интересовалось большевиками. Турецкий штаб в Дешлагаре сумел установить, что одним из центров, где обосновались большевики, был и аул Урахи. Туркам удалось узнать и наши имена – Гамида, Магомед, Албури, Ибрагима, мое и других. Турки решили одним ударом ликвидировать этот центр и обезопасить свой тыл, уничтожив людей, пользовавшихся широким влиянием на массы. С наступлением темноты конный отряд в сто с лишним сабель двинулся по направлению Урахи. Турецкий штаб насильно мобилизовал и оказавшихся в Дешлагаре некоторых даргинцев, в том числе и нескольких ураханцев, и приказал им показать дорогу и сопровождать турецкий отряд до самого аула.

Бывший боец Красной Гвардии Алтавля Баганд дня за два до того был послан разведать обстановку, устано-

вить численность турецких войск. В районе Ванаши-махи вместе с попутчиком «Усатым Сулейманом» он наскочил в темноте на турецкий отряд. Офицер приказал им следовать впереди. По дороге они узнали куда и зачем идет отряд. Алтавла размышлял, как отвести удар.

Когда подъехали к базарной долине, что у самого аула, отряд остановился и офицер предложил проводникам вести их в наш дом. Алтавла Баганд не растерялся.

– Гамида нет в ауле. Я сам видал, как он с братьями ушел в лес, – заявил он, подъехав к начальнику отряда.

– Ты врешь! – накинулся с плеткой в руках офицер. – Видно, ты в самом деле знаешь, где большевики находятся! Тебя я тоже повешу вместе с ними! Показывай дорогу!

подавив жгучее желание уложить на месте офицера, Алтавла спокойно сказал:

– Эфенди! Вы не горячитесь! Я хочу заслужить ваше доверие. Я действительно знаю точное место нахождения Гамида и приведу вас прямо к нему. Но это не в ауле, а в лесу на горе. Поверните отряд за мной!

Командир сотни растерялся, чиркнул спичкой, внимательно посмотрел в лицо Баганда, но отряд не повернул, а приказал, обращаясь к тем, кто сопровождал его из Дешлагара.

– Если нет Гамида в ауле, есть другие большевики. Это мне точно известно. Ведите нас к ним, иначе я вас всех расстреляю!

– А ты, – сказал он Алтавла Баганду, – не отходи ни на шаг от меня!

Проводники направились вверх по косогору к кварталу Каркод. Алтавла понял, что отряд ведут к находившемуся поблизости дому Алхасова Албури, но он был бессилен что-либо сделать. Видно, турки были хорошо информированы.

В тот момент, когда дом Магомеда Алхасова был окружен конным отрядом, наш товарищ Ибрагим Махму-

дов лежал с приступом малярии. Албури спал в задней комнате, откуда был ход в темный саманник.

Проснувшись на шум хозяин дома, сообразив в чем дело, поднял сына. Албури, накинув старую чуху, сопровождаемый отцом, прошел в саманник, оттуда через маленькую дверь на улицу и, незамеченный в суматохе, проскочил в соседний дом и скрылся. Ибрагим не спал, но бежать не мог. Ворвавшиеся в дом аскеры схватили его прямо в постели, одели и вывели на улицу.

Турки боялись, что на шум поднимется большое общество и дело может лопнуть, поэтому старались действовать быстро и бесшумно.

Накануне прихода турок в аул я спустился с гор в родной аул. Дома застал Абдусалама и отца. Старик жил в Левашах. Он знал о нашей деятельности и, когда по аулам пошел хабар, что турки занимают Дагестан, забеспокоился и прибыл в Урахи. Уже было поздно, но мы не спали. Вдруг по нашей плоской крыше побежал человек. Мы схватили свои винтовки и выскочили на переднюю крышу.

На краю верхней крыши стоял Абдуразак-Кади.

Увидав нашего отца он выкрикнул:

– Эй, Абдул-Меджид! Только что турецкий аскер напал на наши дома. Они увели Ибрагима Казанищенского. Албури удалось спасти. Предупреди своих детей. Так спешил к тебе, даже ногу повредил!

Все это Абдуразак выговорил, как обычно, громко, в полный голос, почти криком.

– Абдусалам! – обратился он к старшему брату, – ты тоже уходи с братьями вместе. И тебя эти турки не пожалеют. Я сказал все. Теперь ухожу! – и быстро скрылся.

Обычно выдержанный Абдусалам решительно заявил:

– Шагу мы не сделаем из дому. Пусть придут и попробуют взять нас!

Он вбежал в комнату и нацепил большой патрон-таш. Отец снял со стены свою старую берданку. Мать

спустилась во двор и чем-то заложила дубовые ворота. Мы приготовились к обороне.

Прошло минут пять. Но нам они показались вечностью. На главной улице аула появилась большая группа всадников. Они ехали к нам. Ночь была светлая, мы хорошо различали каждого верхового. Вдруг на другом конце аула раздался выстрел, вслед за ним еще один. Верховые – их было человек двадцать – притихли, прислушались. В разных концах аула раздались голоса проснувшихся людей. Группа всадников повернула обратно. Выстрелы и голоса сельчан напугали их. Они, видимо, боялись попасть в ловушку в большом незнакомом ауле.

До последнего момента мы были в таком напряженном состоянии, готовые открыть огонь, что ни о чем другом не размышляли. И теперь, когда турки уходили, как-то не верилось в свое спасение.

Как потом выяснилось, взвод кавалерии был послан для обыска нашего дома командиром отряда. Сделал он это на всякий случай, не доверяя Алтавла Баганду. Командир взвода получил приказание быстро отыскать наш дом, произвести обыск и, не задерживаясь в ауле, догнать сотню на краю села. Сотня ждала их у моста Нахарадж. Командир взвода доложил, что он выполнил приказ, но никого не обнаружил.

Все это рассказал нам на следующий день на горе Умхана Алтавла Баганд, которого начальник турецкого отряда ни на шаг не отпускал от себя. По его словам, с пленным Ибрагимом согня спешно покинула аул и подождала у моста Нахарадж подхода, посланного в наш дом взвода. Когда начальник отряда узнал, что у нас никого не нашли, взбесился, стал ругаться и предложил Алтавла Баганду вести их немедленно в горы, где скрывается Гамид. Алтавла покорно поехал вперед, повел турок по той же дороге, по которой они приехали, до перевала «Колцнауков», а оттуда свернул по кособору и привел их на

местность «Кулики» на границе с селением Мюрего. Здесь среди деревьев и кустарника потерялись всякие следы дороги. Всадники спешили, и пользуясь темнотой, верткий, как барс Баганд пустил коня вскачь прямо вниз под гору и исчез в ближайшей ложбине. Турки даже опомниться не успели.

Он обогнул гору Корала-бик и по ущелью Ая-кака въехал в Ванаши-махи, где неожиданно оказался Гамид, не подозревавший ничего.

Гамид, Алтавла, Загид и несколько ванаши-махинцев пешком вышли из аула и засели у самой дороги над скалой в Ая-какинском ущелье, где должен был проехать отряд. Гамид решил отбить Ибрагима. Однако это не удалось, турки успели раньше проехать место засады. Остановленный мекегинец-аробщик рассказал, что он встретился с турецкой сотней на подступах к Дешлагару. Аробщик передавал, что Ибрагима турки ввели пешком.

Мы решили разведать, где содержится Ибрагим и ночью – маленькой группой напасть на караул и выручить товарища. Однако турки оказались опытными в таких делах и перехитрили нас. Они понимали, что большевики могут попытаться вырвать своего товарища. Поэтому в тот же день Ибрагим был препровожден в Шуру. Правда, об этом мы узнали позднее.

Турки в Дагестане вели себя как в своей вотчине. Усиленно насаждали свои порядки, выставляли себя защитниками братьев-мусульман. Они утверждали, что пришли сюда только ради защиты мусульманских народов. Об этом же говорила и многочисленная агентура их в дагестанских аулах – представители имущих слоев, духовенства, религиозные фанатики.

– Зеленое знамя пророка находится в руках верных мусульман – турок, – говорили они, – и мы должны быть под этим флагом!

Усиленная туркофильская агитация действительно захлестывала массы. Она больше, чем сама турецкая

армия мешала и не давала возможности трудовым массам разобраться в обстановке найти свое место в происходящем, объединиться и выступить против интервентов. Это объяснялось так же и тем, что в Дагестане в этот период не было силы, массовой организации, которая сумела бы организовать и повести бедноту на борьбу с чужеземными захватчиками.

БОЛЬШЕВИКИ В ПОДПОЛЬЕ

Вечером того же дня, когда Ибрагим был привезен в турецкий штаб, Гамид был в Дешлагаре. Он решил под покровом ночи совершить налет на арестное помещение и освободить товарища. На эту операцию он взял чабана Загида, Умара Алиева и Алтавла Баганда. К полуночи смельчаки через сады вошли в поселок и, сопровождаемые бывшим красногвардейцем Исаком, пошли к турецкому штабу. Конные и пешие турецкие аскеры патрулировали улицы. Заключенные находились рядом со штабом, в угловом доме. Гамид и Алтавла Баганд полезли на стену и спрыгнули на караульного, который расхаживал внутри двора, рукоятками револьверов оглушили его и свалили. Все же караульный успел спустить курок винтовки. На выстрел из сарая, служившего арестным помещением, разломав дверь, выскочили несколько человек, арестованных турками. Среди них Ибрагима не было. Оказалось, что его увели еще днем. Открыв ворота, Гамид предложил всем арестованным бежать, а сам вместе с Багандом выскочил на улицу к товарищам.

В штабе не сразу спохватились, выстрел не поднял большой тревоги. Это обстоятельство и помогло нашим сравнительно легко уйти от преследования отряда турецкой конницы, которая несла охрану штаба и урочища.

Через несколько дней после этого случая я был послан в Шуру разведать обстановку. Без особых приключений ночью добрался до города и остановился у матери

Гасанова, моего школьного товарища. Весь период своего пребывания в Шуре, я находился у них, у другого реалиста, тоже моего школьного друга, Хазина и у кустарей. В город выходил я не часто, остерегался.

Первое, что я узнал сразу же по прибытии в Шуру – это о преследованиях турками большевиков и рабочих. Всякий арестованный объявлялся ими большевиком. Рассказывали, что турецкий командующий ругался с Тарковским, обвиняя его в «мягкотелости».

Жизнь в Темир-Хан-Шуре стала совершенно другой. По улицам дефилировали хорошо одетые люди, появилось много офицеров в черкесках и мундирах, замелькали форменные пуговицы штатских. Впечатление было такое, что дагестанский центр вновь облачился в свой старый, дореволюционный наряд. Даже знаменитая «брехаловка» на главной площади стала функционировать. Откуда-то появились и подходящие для этого клуба господа в папах, фуражках, шляпах. Напротив брехаловки, на площади перед домом купца Хизри Гаджиева каждый день играл большой духовой оркестр турецкой армии, услаждая слух своего главнокомандующего, который жил в доме купца. Рассказывали, что командующий обедает только под музыку, что такова традиция в турецкой армии.

Отношения между турецкими и дагестанскими офицерами были натянутые. Турки не считались ни с кем, что задевало офицеров-дагестанцев. На этой почве были недоразумения, скандалы. Командующий турецкой армией предложил Тарковскому устроить встречу турецких и дагестанских офицеров. Встреча состоялась в доме Хизри Гаджиева. С примирительными речами, с призывом к братству и прочее выступили и командующий, и Тарковский. После этого часто стали созываться общеофицерские собрания.

Два дагестанских конных полка были объединены в бригаду. Командиром бригады был Арацханов, командиром первого полка – Нахибашев, второго не помню.

Однажды был такой случай.

Один из революционных активистов кулецминец Джамалудин Даибов после занятия Шуры войсками Тарковского и Гоцинского оставался в городе. Никуда из дому он не выходил, жил в районе базара, в нижней части города, лишь изредка показываясь на улице. Земляк Даибова, кулецминец Сулейман-Шапи, старый ветеран Дагестанского полка, враждовал с ним. Зная, что Джамалудин в городе, он решил напасть на него. Со взводом кавалерии среди белого дня он окружил дом Даибова и потребовал, чтобы тот вышел к нему. Джамалудин отказался, и вооружившись гранатами и ручным пулеметом, засел во дворе в специально вырытой яме и открыл огонь. Поднялся большой шум. Всадники хотели ворваться во двор, но не могли. Узнав, что Сулейман-Шапи со взводом поехал арестовывать Даибова, Арацханов и Алтай Нахибашев прискакали на место скандала и еле уговорили Сулеймана-Шапи снять осаду и уйти. Он и их не хотел слушать, но вынужден был дать приказ отойти. Тогда в свою очередь заартачились всадники.

– Раз ты привел нас, – говорили они Сулейману-Шапи, – доведи дело до конца, давай заходи в дом, возьмем Даибова!

Командирам пришлось уговаривать и их. Таковы были порядки, дисциплина и нравы в армии буржуазно-помещичьей клики Дагестана в 18-19 годы.

В Шуре были и турецкие части. В грязно-каштанового цвета обмундировании, напряженные, невеселые, но быстрые в движениях, шагали они в строю. Горная артиллерия и пулеметы были навьючены на мулов и лошадей и разбросаны по колоннедвигающихся войск.

Но в Шуре турецкая армия была недолго. Когда она уходила, я еще был там. Ушли турки совершенно неожиданно, ночью. Никто не знал, куда и почему они уходят. Но вскоре все выяснилось: союзники предложили туркам покинуть Кавказ и сами заняли их место. В Петровске появились английские войска и флот. Мне пора было возвращаться.

Когда я прибыл в горы, там уже знали о том, что турки спешно покидают Дагестан. Положение в горах в этот момент было такое: кулацко-мульские элементы, кричавшие на всех перекрестках о могуществе турок, об их храбрости, притихли. Поверившие в их слова группы крестьян недоумевали, не зная как воспринять хабар об уходе «братьев по вере». Очень многие горцы, в первую очередь рабочие-отходники и бедняки, понимавшие, что турки не навсегда пришли в Дагестан, восприняли уход турецкой армии, как освобождение от чужеземного гнета.

Мы продолжали свою деятельность. Рассказывая обстановку группе активистов, Гамид говорил, что сейчас в момент ухода турок, когда, насаждаемый аульскими верхами их авторитет и слава померкли и дагестанская контрреволюция, засевшая в Шуре слаба, надо открыто выступить против турок.

– Один хороший удар – и их можно сокрушить, – говорил он. – Но для этого нужна организация, способная поднять массы. А у нас нет ее. Уллубий в России. Установить связь с другими товарищами пока не удастся.

К нам продолжали приходиться активисты из разных аулов, они имели в селах своих сторонников, но для вооруженного выступления не было ни оружия, ни нужного числа руководителей. Поэтому мы всеми силами пытались установить связи с нашими товарищами, ушедшими в подполье. В этих целях Гамид посылал людей в Петровск, Шуру, Дербент и др. места.

В день моего возвращения из Шуры прибыл посланный в Кумторкала и Казанище пастух Загид. Оттуда сообщали, что не знают, где скрываются наши товарищи, в частности Коркмасов, с которым мы хотели связаться. Сам Гамид выезжал в Кайтаг и Дербент. Но установить связь не удавалось.

Наступила зима, движение и связи между аулами уменьшились, аулы притихли, как-бы замерли. Но мы не прекращали попыток связаться с товарищами, ушедшими

в подполье. Наконец нам удалось узнать, что Коркмасов скрывается в Кадаре или Казанище. Гамид написал большое письмо и послал человека на его розыски.

Коркмасова нашли в Кадаре. Домохозяин, революционный активист Кадирага, к которому явился наш гонец, узнав кого спрашивает молодой парень в рваной одежде, не принял его, выругал и прогнал, заявив, что он никакого Коркмасова не знает. Но парень не отступал, он не уходил и заявил, что послан к Коркмасову по очень важному делу и не уйдет, пока не повидает этого человека. Кадырага, после переговоров с находящимся в его доме Джалалом, вторично хотел прогнать молодого горца. И тогда Магомед вынужден был сказать, что его прислал Гамид. Только после этого его пропустили к Джалалу. С нашим же гонцом Коркмасов прислал и ответ Гамиду.

Содержание письма Джалала сейчас трудно воспроизвести. Но помню, что писалось об условиях работы, что надо выждать дальнейший ход событий, не теряя связи и т.д.

Вскоре до нас стали доходить слухи о приезде из России Уллубия Буйнакского. Гамид направил человека к Коркмасову с этим известием, но он вернулся ни с чем – ему сказали, что Джалал уехал в Шуру. Тогда было решено для установления связи с Уллубием и Джалалом послать в Шуру меня, как наиболее знакомого с городскими условиями и лично знающего Буйнакского и Коркмасова.

В Шуре я застал уже иную обстановку, чем в прошлый раз, при турках. Бывшие члены социалистической группы, руководящие работники ревкома – Коркмасов, Хизроев, Тахо-Годи, Ковалев, а также некоторые революционные активисты – Даибов, Магомаев, Абдулмеджид, Магомаев Наби и другие, находились в городе на полулегальном положении. Более конспиративно жили члены партии большевиков – Магомед Далгат, Измайлов, Саид Абдулхалимов и другие.

Несмотря на присутствие в Петровске англичан и деникинцев, даже здесь, в областном центре, не говоря

уже об аулах, правившее Дагестаном Горское правительство не имело авторитета и силы, не имело политического влияния на население. Характерной чертой правителей этого периода являлась игра в демократию. Слова свобода, демократия, равенство, порядок, защита интересов горской трудовой крестьянской массы без конца повторялись ораторами. Складывалась благоприятная обстановка для развертывания революционной деятельности.

В Петровске, несмотря на присутствие отрядов интервентов, рабочие городских предприятий и транспорта, мастеровые люди, все более активизировались.

Такая же картина была в Дербенте.

В самом центре области – Темир-Хан-Шуре все более и более росла оппозиция к хилому центру контрреволюции – Горскому правительству. В аулах и округах росло недовольство. Большевики решили использовать эту обстановку, нанести удар контрреволюции и восстановить Советскую власть. По инициативе Уллубия Буйнакского в конце февраля в Кумторкала было созвано совещание. Из Шуры мы открыто поехали в Кумторкала, где находился Буйнакский.

На совещании были Буйнакский, Ковалев, Гамид Далгат, Джалал Коркмасов. Прибыли несколько товарищей из Петровска, из Дербента. Из Шуры приехали Гоголев, Магомед Далгат, Исмаилов, Магомаев Абдул-Меджид, Махмудов. В работе совещания приняли участие – Джамалутдин, Забит, таркинцы – Атаев, Шангирей, нижнедженгутаевец Агаев, нижеказанищенец Шихов, Имам-мурза, кафыркумухец Саид, губденец Хизри, урахинец Алиев Умар, буйнакец Каранаев Гаджи, мюрегинец Х. Мустафаев, кадарец – Джабраил Дахадаев, представитель Хасавюртовского округа и др. Руководил совещанием Буйнакский. Он доложил о политической обстановке в России и на Кавказе. Уллубий говорил о необходимости объединения всех большевистских сил в одну общедагестанскую боевую большевистскую организацию РКП(б).

Всем революционерам, ранее принадлежавшим к другим партиям, в том числе членам социалистической группы, Буйнакский предложил, если они честно хотят встать на большевистский путь борьбы за власть Советов, войти в большевистскую организацию и работать по мобилизации сил на борьбу с контрреволюцией.

Другим вопросом, который поставил Уллубий, как ближайшую серьезную и боевую задачу, был вопрос о восстановлении Советской власти в Дагестане, свержении Горского правительства. Это был главный вопрос повестки дня кумторкалинского совещания. В прениях о положении на местах выступили товарищи из городов и сел. Очень большое впечатление произвело на Уллубия выступление Гамида, который рассказал, что в ряде аулов уже существуют боевые группы, созданные из бедняцкого актива и бывших бойцов Красной Гвардии. Гамид назвал вооруженные группы мюрегинцев во главе с Мустафаевым, утемышцев во главе с Мусой, урахинцев во главе с Алиевым, губденцев во главе с Адаевым, мекегинцев во главе с Богатыревым, буйнакцев во главе с Каранаевым и др.

На этом совещании было так же объявлено о роспуске социалистической группы. Д. Коркмасов, один из лидеров этой группы, был принят в большевистскую партию. Помню заключительные слова его выступления:

– Товарищи! Мы с вами ведем одну работу. Я хочу быть и ваших рядах. Прошу принять меня в большевистскую партию!

Впервые в истории дагестанской партийной организации был избран единый руководящий партийный орган – Областной Комитет партии. Членами Областного Комитета были избраны, насколько я помню: Буйнакский, Гоголев, Гамид Далгат, Магомед Далгат, Исмаилов, Атаев Джалалутдин, Саид Абдулхалимов, товарищи из Петровска, в том числе, кажется, Коробов. Других не помню. Коркмасов на совещании не был избран в состав Обкома, он был кооптирован позднее.

Кумторкалинское совещание поставило перед дагестанскими коммунистами и всем революционным активом города и аула задачи:

1. Широко развернуть массово-разъяснительную работу среди трудящихся по разоблачению всех контрреволюционных сил и организаций и популяризации идей Советской власти.

2. Добиться замены сельской администрации, состоящей из верхушечных слоев аулов, представителями бедноты.

3. Всюду, где возможно, поощрять и расширять уже имеющиеся случаи захвата трудовыми крестьянами помещичьих и казенных земель.

4. В городах поднять политическую активность рабочих, путем проведения митингов, стачек, демонстраций против ставленников Горского правительства, белогвардейцев, английских интервентов и хозяев предприятий, бороться за сокращенный рабочий день.

5. Форсированно вести организацию на местах подпольных отрядов Красной Гвардии и вооружать их.

6. Все силы мобилизовать на свержение Горского правительства.

Развернулась большая деятельность по осуществлению решений Кумторкалинского совещания. В аулах революционные активисты и бывшие красногвардейцы вели работу по подрыву авторитета власти, во многих местах прогоняли старшин и кадиев и на их место ставили представителей трудового крестьянства. Такая смена была произведена, например, в таких крупных аулах, как Урахи, Губден, Мюрего, Акуша, Казанище, Баршлы. Классовая борьба под влиянием агитации большевиков и революционных активистов обострилась, беднота на общественных сходах открыто выступала против существующих порядков, требовала установления твердой и справедливой власти, во многих местах беднота выступала с требованием ликвидации вновь восстановленных старо-

режимных и контрреволюционных институтов – шариатских судов, ячеек Милликомитета и т.д. Специальные уполномоченные Областного комитета производили тайную запись в отряды Красной Армии.

По поручению Обкома партии мной было записано лишь в 11-12 аулах Каба-Дарго более пятисот человек, в том числе больше двадцати человек из одного Урахинского хутора Верхнее Махарги-махи.

А в Аймау-махи по моему поручению Сулейманом Сулеймановым были записаны в Красную Армию активные участники гражданской войны и преданные нам люди, такие как: Сулейманов Магомед-Расул, Магомедов Закарья, Багомед Даниев, Алибек Омалкула, Батираз Мирзабеков, Алибек Бигаев, Магомед Даудов, Шихали Магомедов. Первые двое из них впоследствии являлись командирами взводов в отряде Гамида, а трое последних погибли в боях с деникинской армией. Старались записывать имеющих винтовку, так как желающих было очень много, а у нас не было оружия для них. Вступивших в отряд периодически собирали для разъяснительной работы. В некоторых аулах, где были новые старшины, поставленные трудящимися, оказывалась помощь в вооружении записавшихся в отряд бедняков. Для этого использовались общественные средства, на которые покупались винтовки. Так было в аулах Утемыш, Мекеги, Урахи. Были и такие случаи, (например, в Урахи, Губдене, Муги), когда оружие, розданное в свое время Милликомитетом своим людям, и которое во многих местах находилось еще в руках так называемых сельских стражников, отбирали и передавали беднякам, записавшимся в отряды Красной Гвардии.

В плоскостных районах в период Советской власти в 1918 году крестьяне захватили многие помещичьи и казенные земли, обрабатывали их, выпасали скот. После падения Советской власти эти земли в большинстве случаев были вновь отобраны хозяевами–князьями Тарков-

скими, Уцмиевыми и др. Теперь под влиянием агитации большевиков во многих местах общества вновь стали захватывать эти земли, например, в сел. Маджалис, Чумлы, Джимикент, Утемыш, Буйнак и др.

После кумторкалинского совещания деятельность большевиков стала приобретать полулегальный характер. Буйнакский обосновался в Темир-Хан-Шуре. Вскоре туда перешли Коркмасов и Ковалев. Опираясь на большевиков и революционных активистов, Уллубий развернул большую организаторскую деятельность. Он руководил деятельностью всей партийной организации Дагестана.

Областной Комитет вел подготовку к свержению Горского правительства. Поэтому основное внимание уделялось вооруженным силам. Особо важная роль отводилась всадникам и солдатам, завербованным в воинских частях врага. Этой работой руководил лично сам Буйнакский с помощью наших товарищей-большевиков, ранее служивших в Дагестанском полку – Абдулхалимова, Магомаева, Агаева. Гамиду было поручено руководство организацией отрядов на местах и работа в воинских частях англичан и деникинцев в Петровске.

Горское правительство, под носом у которого проходила вся деятельность большевиков, не могло не знать об этом, но боялось тронуть нас. Однако необходимо было проявлять осторожность.

Следующее совещание актива с мест, на котором я также присутствовал, было созвано в Нижнем Казанище, в доме Имаммирзы. На этом совещании присутствовали представители всех народностей Дагестана. Вместе с Рабаданом Нуровым из Даргинского округа прибыл, специально приглашенный сын престарелого шейха Али-Гаджи Акушинского – Магомед.

На этом активе обсуждался также вопрос о вооруженном выступлении против Горского правительства. Коркмасов выступил с предложением уйти из города для конспирации и перейти в аулы, чтобы оттуда руководить

подготовкой восстания. Уллубий отверг это предложение. Он говорил, что решающей силой являются бойцы воинских подразделений, подготовленные большевиками к восстанию, и рабочие городов. Он заявил, что не имея непосредственной связи с городами нельзя рассчитывать на успех восстания. На этом совещании фактически было решено легализовать движение. Товарищи с мест были предупреждены быть готовыми к выступлению. Темир-Хан-Шура по-прежнему оставался центром подготовки восстания.

Хочу коротко рассказать о том, как мне пришлось выносить из Шуры в Казанище знамя Дагестанского Обкома партии.

Знамя было сделано шуринскими рабочими. Мне поручили вынести это знамя из города и спрятать в Казанище. Ночью мы с Гоголевым и еще с кем-то пришли к неизвестному мне дому. Хозяин, тоже русский рабочий, на наш стук открыл ворота и впустил в комнату. Через минуту-две я выходил уже из ворот. Знамя я обмотал вокруг себя под гимнастерку. Сверху была бурка. Пробираясь по тротуару и переходя с улицы на улицу, прошел к переулку, выходящему к Гунибскому шоссе. Неожиданно тишину прорезал свист полицейского. Нетрудно было догадаться, что меня заметил городской. Я ускорил шаги вскоре оказался у широкой базарной улицы, которую предстояло перейти. В этот момент послышался быстро нараставший цокот лошадиных копыт. Показались силуэты скакавших по переулку всадников.

– Стой! – крикнул один из них.

Я побежал вперед. В тот момент, когда пересекал базарную улицу, послышались выстрелы и над головой засвистели пули. Преследователи кричали во все горло и беспорядочно стреляли. В ночной темноте я легко ушел от погони. На всякий случай решил держаться в стороне от шоссе и пошел параллельно по полям к Муслимаульскому мосту. Погода была сырая и идти было трудно. По-

ка добрался до поймы реки очень устал. Вдруг наткнулся на мельницу. Минута размышлений, и стучу в низкую дверь. Открывает старик. Принимает хорошо, по-дагестански. Не успел присесть – опять шум. Старик тушит нефтяную коптилку, выходим наружу. Целый взвод кавалерии вскачь пронесется через мост в направлении аула.

– Можешь ты меня спрятать у себя за мешками или под мельничным колесом? – спрашиваю у старика.

– Время плохое, сын мой, – ответил старик, – я уже раз был в их руках. Все же не оставлю тебя. На мельнице опасно, они могут обыскать здесь все углы. Идем, покажу надежное место! – Он проводил меня под мост. Речка проходила, омывая правый каменный устой моста. Прямо в обуви мельник залез в воду и остановился в самом глубоком месте, прислонившись спиной к каменной стене. Я последовал его примеру.

– Сюда заглянуть они не догадаются. Подожди здесь немного и, если все будет тихо, беги на мельницу. А я разожгу камин! – сказал старик, вылезая из воды. Несколько минут, проведенных в холодной воде, показались мне бесконечными. Когда он ушел я осмотрелся. Если отойти от стены, избавишься от воды, но окажешься под центром моста на видном месте. Тем не менее я решил выбираться из этой ванны и уже выходил на берег речки, как услышал топот лошадиных копыт. Пришлось вновь залезать в воду. Группа всадников остановилась на самом мосту над моей головой. По голосам и тону разговора я угадывал в них офицеров дагестанского полка. Покрутившись на мосту, всадники поехали к городу. На мосту остались двое. Лошади их тоже были с ними. Господа офицеры не торопились уезжать, а я уже не мог оставаться в воде. Решил выйти, но куда идти – на мельницу или вверх по пойме реки? Идти на мельницу значит подвергать большой опасности старика? Еще крепче зажав в дрожащей от холодного озноба руке браунинг, осторожно

выбираюсь из воды на отмель, вновь пересекаю речку чуть выше по течению и, держась низкого берега, медленно продвигаюсь вверх. Думаю: заметят – буду до конца биться, не умирать же в ледяной ванне! Мост был достаточно высок, с длинным пролетом. К счастью ничего не подозревающие офицеры не обратили на меня внимания, и, бесшумно передвигаясь по пойме реки, мне удалось уйти. Не выходя на шоссе, ведущее в аул, еле добрался до аула и с большим трудом нашел дом Имам-Мирзы.

Трое суток отогревался я горячим чаем и ватными одеялами. Сушили знамя. Здесь я впервые прочитал надписи на этом большом шелковом полотне с шелковой бахромой: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Российская Коммунистическая партия большевиков. Вся власть Трудовому народу!» На обороте – «Да здравствует Российская Социалистическая Федеративная Республика!».

Впоследствии осенью 1919 года Областной Комитет партии передал это знамя партизанскому отряду Гамида Далгат. Под этим большевистским знаменем бойцы отряда насмерть дрались против деникинских банд. Снимок знамени можно и сейчас видеть в Дагестанском краеведческом музее. Снимок первой сотни отряда Гамида со знаменем сделан в дни освобождения Петровска от офицерских батальонов Деникина в марте 1920 года.

Из Казанища я вернулся в город на нашу конспиративную квартиру в доме Епанешникова по нынешней Советской улице. В двух комнатах, окна одной из которых выходили в заросший садик, жили Магомед Далгат, Махмудов, я и, привезенный Гамидом с гор, наш двоюродный брат, подросток Османов Сунгур. Гамид не имел в городе более или менее постоянного места жительства, часто выезжал в аулы. Ночевал Гамид то у нас, то у Уллубия.

Пошли теплые майские дни. Настроение у нас было приподнятое, бодрое, готовились к восстанию, ожидали

десант из Астрахани, обещанный С.М. Кировым. Наступили решающие дни. Но случилось непредвиденное.

В последнее время Уллубий созывал совещания у мясника, губденца Вагаба. Организация наша продолжала оставаться на полулегальном положении. Как я уже говорил, о деятельности большевиков, о том где они живут, где собираются дагестанские верхи не могли не знать, они, безусловно, были об этом осведомлены. За нами они, несомненно, следили, но пока деникинцы крепко не обосновались в Петровске, трогать нас не решались.

Однажды через окно, ведущее в сад, я вышел из дому. Магомед остался дома один, что-то писал. По Баятинской улице навстречу бежит Сунгур.

– Всех наших арестовали! – крикнул он, хлопая обеими руками по коленям. – Валлахи-азим, арестовали! Я собственными глазами видел! Скорей беги, брат! Гамида тоже я уже предупредил!

Прикрикнув, чтобы не шумел, я отвел его в сторону и подробно расспросил о случившемся. Оказывается Сунгур видел, как отряд оцепил дом и арестовал Уллубия и других товарищей, оказавшихся в тот момент у Вагаба. Послав его вперед, чтобы предупредил Магомеда и Ибрагима, сам тоже переулками спешу домой. По дороге встречаю Амирхана Гамринского. Он рассказал, что только сейчас видел Ибрагима и узнал от него о несчастье и побежал искать меня. Я попросил его найти других наших товарищей и предупредить, а сам пошел домой. Здесь Магомед, Ибрагим и Сунгур, запершись в комнате, собирали бумаги, рвали и уничтожали их. Магомед предложил Ибрагиму и мне пробираться пешком к Казанищу, а сам остался, чтобы предупредить остальных товарищей.

Мы с Ибрагимом пошли разными дорогами. А Магомед, как выяснилось потом, побежал к Хизроеву, у которого находился Коркмасов. В тот момент, когда Магомед рассказывал товарищам о случившемся, взвод кавалерии подступил к дому. Коркмасов и Хизроев, вскрыв забитую

дверь, скрылись в смежной квартире инженера Кваршалова, а Магомед через двор выскочил на улицу. Он пошел на площадь и стал у заднего угла дома Хизри Гаджиева, высматривая фаэтон. Тут его застал Сунгур, который и подозвал для него экипаж. В экипаже Магомед открыто проехал через весь город и в тот же день был в Казанищах. Это было очень похоже на Магомеда – обычно тихий, спокойный, в минуты опасности он шел в открытую, проявляя находчивость и решительность. На следующий день почти все наши, кроме Хизроева, который остался в Шуре, собрались в Казанище и, долго не задерживаясь, ушли в Дженгутай. Коркмасов обосновался у Ици Чупанова.

Здесь мы выяснили, что Горское правительство, увязшее в бесконечных дебатах и потерявшее всякое влияние, распалось, его деятели разъехались. При поддержке деникинцев власть в свои руки взял генерал Халилов. Его люди и арестовали группу наших товарищей во главе с Уллубием Буйнакским. Так оказалось обезглавленным готовящееся восстание, к которому мы так деятельно готовились.

Наш штаб в Дженгутае гудел как пчелиный улей. Люди из окружающих аулов приходили и уходили группами. Крестьяне были возмущены арестом большевиков. Имя Уллубия было у всех на устах. Революционные активисты сел ходили подобранные, решительные. Однако выступить с оружием в руках мы еще не могли – в Петровске сосредоточились большие силы деникинцев, их отряды появились и в Шуре. Халилов имел и свои войска. Поэтому решено было послать делегацию к новому «правителю» Дагестана. Большая группа крестьян из окружающих аулов пошла к Халилову. Генерал принял их, обещал разобраться в деле арестованных и не передавать их деникинскому командованию. Этим Халилов пытался усыпить нашу бдительность, так как боялся, что для освобождения арестованных большевики могут предпри-

нять широкие действия. Это понимали и мы. Вскоре наши опасения оправдались.

Мы узнали, что арестованных собираются перевезти в Петровск. Сейчас же была послана группа людей с заданием собрать кафыркумухцев, капчугайцев и, если удастся, перехватить поезд. Но на эту операцию не возлагалось больших надежд, так как знали, что поезд отправят под сильным конвоем. Так и случилось. В районе селения Капчугай наши обстреляли поезд, но безрезультатно.

Уллубий и товарищи, арестованные с ним, оказались в руках деникинцев. Необходимо было что-то предпринять.

В Казанище созвали второе совещание. На этот раз собралось меньше людей, пришли активисты соседних аулов. Руководил совещанием Коркмасов. Гамид выступил, предлагая начать стягивание созданных на местах отрядов в район Кумторкала.

Было решено продолжать формирование отрядов, а Уллубия попытаться спасти, используя наши связи с Шурой и Петровском. Совещание решило также центр деятельности большевиков перенести в Кадар, где обосновались Коркмасов и другие товарищи. Гамид уехал в район Дешлагара.

Организация революционных сил проходила в острой классовой борьбе. Узнав об аресте многих членов подпольного Обкома во главе с У. Буйнакским, реакционные элементы аула активизировали свои действия. Первое открытое столкновение произошло в Ванаши-Махах, на собрании общества, которое было созвано Гамидом. Это послужило сигналом к активизации реакционных элементов в других местах. Хабар о мощи армии Деникина, пущенный реакционными элементами, быстро распространился по аулам. Под воздействием враждебной агитации и таких слухов горцы не решались выступить, колебались. Воспользовавшись сложившейся обстанов-

кой, на открытое выступление решилась и урахинская верхушка. Она попыталась навязать джамаату угодные им решения, подорвать авторитет большевиков и физически уничтожить их.

В ауле было получено распоряжение шуринских властей – ликвидировать в Урахах большевистское гнездо. Джамаату предлагалось выдать всех большевиков. Для объявления этого приказа был созван большой сход всех населенных пунктов урахинского общества. Собрание проходило на базарной площади «Тамилла-ая», когда нас не было в ауле. Урахинские милликомитетчики выступили на сходе с требованием выселить из аула большевиков и их друзей. С таким призывом перед джамаатом в «Тамилла-ая» выступили и подставные лица, спровоцированные кулаками, в том числе и некоторые бедняки.

Был, например, такой безземельный, бедный крестьянин Магомед Курбанов, коренастый, подвижной блондин, один из сельских стражников отряда охраны, созданных в аулах милликомитетом и еще существовавших во многих аулах Дагестана. Магомед Курбанов перечислил всех большевиков, начиная с Гамида и предложил арестовать их и разрушить их дома.

– Вот этот молодой человек тоже товарищ и последователь большевиков, братьев Далгат! – закончил он, указывая на Сулеймана Сулейманова, – и он должен отвечать как большевик!

Однако контрреволюционным элементам не удалось спровоцировать общество. Бывшие красногвардейцы, активисты, бедняки, рабочие дали им должный отпор. Двоюродный брат Сулеймана Чатирла Исакала Гамид со своим длинным ружьем в руках первым выступил в защиту революционных активистов и большевиков. Его поддерживали другие.

В Урахи был организован отряд в 300-400 бойцов. Командирами подразделений были: Джигали Халимбек, Закарья Багомадов, Омарша Кадиалиев, Магомед Нулла-

ев, Сулейман Сулейманов, Халимбекгаджи, Али Сулейман Баганд и другие. Бывший урядник Дагестанского полка, впоследствии убитый в манасском сражении, урахинец из Аймау-махи Юсуп Джамалутдинов, на совещании всех командиров, созванном Гамидом в самом Дешлагаре, был назначен командиром пешего батальона, а Сулейманов – его помощником.

Гамид прислал в Кадар брата Абдуллу с письмом к Коркмасову, в котором настаивал начать восстание. Такой же позиции придерживались и революционные активисты кумыкских и даргинских аулов.

Для решения этого вопроса в Левашах на совещание собрались Коркмасов, Гамид, Магомед, Дж. Атаев и другие. Тут было решено начать выступление.

Но был и другой важный вопрос, который обсуждался на совещании – это вопрос о привлечении к движению – шейха Али-Гаджи Акушинского. Али-Гаджи был известен как ярый противник Гоцинского и Узун-Гаджи. Помню еще в 1917 году в Левашах сошлись Али-Гаджи и Узун-Гаджи со своими мюридами. В пятницу в соборной мечети после молебствия был объявлен диспут между обоими учеными. Диспут охватывал вопросы и богословия, и политики. Узун-Гаджи звал устада даргинцев на борьбу с большевиками. Победителем, говорят, вышел Али-Гаджи, доказывавший, что нельзя толкать народ на борьбу, если нет надежды на успех.

Али-Гаджи пользовался большим влиянием не только среди даргинцев, но и других народностей. За ним шло многочисленное духовенство, религиозные фанатики и просто верующие, а также состоятельные аульские верхи. Поэтому важно было заручиться его поддержкой. Вести переговоры поручили Коркмасову. В эти же дни в Левашах, помню, было еще одно совещание. Кроме участников первого совещания присутствовали, насколько мне помнится, Нуров, Шангирей Таркинский, Ици Чуланов, Кадырага Кадарский, Наби Магомаев, Магомед Шихов,

Магомед Андиев, Ата Салатау. Обсуждали вопрос о спасении Уллубия и других товарищей. Наши установили связи со своими людьми в Шуре и Петровске и принимали меры к освобождению заключенных. В это дело была вовлечена Тату Булач и другие оставшиеся в городах большевики, жены Гаджи-кадия и арестованного Вагаба в Шуре и одна русская женщина в Петровске, имени которой не помню. Через них передавались деньги для подкупа охраны тюрьмы. Вскоре им удалось договориться об устройстве побега с двумя братьями-ингушами Лияновыми, мобилизованными в деникинскую армию. После операции они собирались бежать к нам. В случае удачи операции, Уллубия должны были доставить в условленное место на квартиру русской женщины в Петровске, а оттуда – в Кяхулай. Здесь его должны были взять партизаны. Причем, договоренность с Лияновыми была такая: если удастся – освободить всех заключенных, а в случае невозможности – хотя бы одного Уллубия.

Было принято решение организовать из бывших красногвардейцев два отряда, которые должны с разных сторон подойти к Талгинскому ущелью и к долине Агач-аул.

Отряды создавались в Казанище и в районе Дешлагара, Казанищенский отряд возглавлял Имам-Мирза, а Дешлагарский – я.

Небольшой, хорошо вооруженный конный отряд надежных людей из селений Утамыш, Кичи-Буйнак и Губден привел я к Талгинскому ущелью. Остановились на маленькой поляне над тем местом, где ныне стоит санаторий. Над Тарки-Тау появились два самолета, кружили в разных направлениях над Талгами и Агач-аулом. По дороге, идущей по долине, проехал казачий разъезд.

Утамышский Юсуп-Гаджи, посланный в Кяхулай к связному, вернулся с плохими вестями. Кяхулаец передавал, что группа Имам-Мирзы напоролась на казачий заслон и провалилась, что устроить побег одновременно

всех арестованных не было возможности, а Уллубий, которому подкупленный дежурный офицер по тюрьме предложил бежать, отказался уходить один, оставив товарищей. Так не удалась эта важная операция.

ИЮНЬСКОЕ ВОССТАНИЕ

Тем временем с Али-Гаджи Акушинским шли переговоры о восстании против деникинцев. Переговоры велись через людей самого Али-Гаджи и отдельных активистов даргинских аулов» имеющих личные контакты с большевиками, но находящихся еще под большим влиянием устада. Вскоре для ведения переговоров в Леваши прибыл и сам Али-Гаджи. С ним была достигнута договоренность о совместном выступлении. После этого во все аулы был разослан его призыв подняться на борьбу против деникинцев.

Во всех даргинских аулах начались сборы отрядов, которые стали прибывать в Леваши. Состав их был самым разнообразным. Среди них были бойцы еще в 1918 году получившие вооружение у большевиков. Много было и таких, которые записались в отряды Красной Армии уже в 1919 году. В основном же масса повстанцев впервые принимала участие в вооруженном восстании. Многие из них, в том числе представители имущих слоев села и духовенства, выступили главным образом по призыву Али-Гаджи.

Самым разношерстным был и командный состав отрядов. Среди командиров были и большевики – последовательные борцы революции, и представители аульской и духовной верхушки, как, например, Дауд-Гаджи Акушинокий, Баганд Кака-махинский, Абакар-Гаджи Мугинский, Герей Куппинский, Качаг-Омар Хаджалмахинский и другие.

Существовало также окружение Али-Гаджи Акушинского – целая армада его поклонников, последователей, мюридов.

Все сношения большевиков с Али-Гаджи проходили через его доверенных лиц, постоянно находившихся при нем. Главными представителями устада в этих переговорах обычно являлись его сын Магомед и арабист Ахмад-Гаджи. Если случалось разговаривать с ним непосредственно, то это делал обычно Коркмасов.

Однако все это не значит, что повстанцами руководили люди не заинтересованные в революционных преобразованиях дагестанского аула, случайные элементы или представители верхов. Основная масса командиров состояла из революционных активистов, которые определенно шли за большевиками и другого влияния не признавали. Среди них были такие как Шапиев Хабибулла, Исаев Магомед из Леваша, Нурадин из Карлабко, Абдулазиз из Муги, Дауд Ахмедов и Богатырев из Мекеги, Закарья Багомадов, Алтавла, Баганд из Урахи, Гаджибек из Мюрего и целый ряд других.

Кроме того, на фронте функции командиров и политработников выполняли бежавшие с нами в горы революционные активисты плоскостных аулов: Ици Чупанов из Дженгутая, Магомед Шихов из Казанища, Шамсудин из Дургели, Кадирага из Кадара, Халимбек из Мюрего, Наби Магомаев, Шангирей Таркинский и другие.

Общее руководство восстанием осуществляли большевики, члены Коммунистической партии: Коркмасов Д., Гамид Далгат, Атаев Джамалутдин, Шеболдаев Б., Магомед Далгат, Гавриленко, Коваленко и другие.

На местах, во многих аулах с массами работали люди так же стоящие на твердых революционных большевистских позициях, как например: Андиев Магомед из Акуша, Умар Алиев из Урахи, Хизри Адаев из Губдена, Гаджи Каранаев из Кичи-Буйнака, Нуров Рабадан из Сана-махи, Мута Рамазанов из Цудахара и другие.

В Казикумухском округе подготовку к выступлению и самое выступление горцев возглавила группа революционеров во главе с Саидом Габиевым и Гаруном Саидовым. Большую роль в восстании сыграли из лакских товарищей Гадис Гаджиев, Жилиев, Касаев, Аминтаев, Рашкуев, Курбаналиев, Махмудов, Дандамаев, Штанчаев и другие. Этот последовательно революционный актив и возглавил восстание. Восстание развертывалось под лозунгом борьбы против контрреволюции, против армии Деникина и их союзников – местных буржуазно-помещичьих главарей, засевших в Областном центре.

Надо сказать, что в этот период большевики не призывали массы к установлению Советской власти. Мы знали, что разгром контрреволюционных сил неминуемо приведет к этому. Но открыто звать массы идти на борьбу под этим лозунгом было преждевременным. Движение могло расколоться, ибо духовенство и все верхушечные слои аулов не поддержали бы такого лозунга. Это могло обречь восстание на неудачу. А под лозунгом борьбы с представителями старого режима, восстанавливающими дореволюционные порядки, можно было поднять и духовенство, еще имевшее большое влияние на массы, и все слои джамаатов. Это была правильная тактика, которую и проводили наши товарищи.

Отряды, прибывшие от разных аулов, размещались в зданиях Округного Управления и частично в самом ауле, а отсюда направлялись на еще не существовавший фронт. Некоторые из них задерживались в Левашах, перестраивались.

На Гаида было возложено инспектирование Северного Кизильярского фронта и Дешлагарского направления, а позже, когда развернулись ожесточенные бои – командование дургелинским направлением.

Подавляющую массу повстанцев составляли пешие. Конных было немного. Большинство верховых в одиночку или мелкими группами двигались в составе пехоты. Они

использовались в разведочных операциях. Самостоятельного сколько-нибудь значительного и постоянного конного отряда на фронте не было. Единственный такой отряд прибыл во главе с Гаруном Саидовым из Казикумуха. Хорошо одетые, хорошо вооруженные, они выделялись среди массы даргинских повстанцев. Большевики тепло встретили в Левашах и проводили на Кизильярское направление эту сотню лакцев, в составе которого были революционные активисты Казикумухского округа, о которых сказано выше.

Настроенные против революционных преобразований кулацко-торгашеские элементы в аулах каждый раз, когда массы приходили в движение, обращались к Али-Гаджи. Выступая от имени джамаатов, они спрашивали совета у устада. То же самое происходило и в нашем родном ауле Урахи. Когда на общественном сходе стали обсуждать призыв к восстанию, разгорелся горячий спор, между наиболее реакционно настроенными элементами и представителями трудовых масс. Но послать делегацию к Али-Гаджи урахинские верхи не успели потому, что крестьянская беднота и рабочие отходники, идущие за большевиками, соорганизовались в отряд и выступили в Левашах. С заданием немедленно поднять урахинцев Гамид прислал в аул Умара Алиева. В составе урахинского отряда были рабочие-отходники и малоземельные крестьяне, которые показаны мной в «Старом ауле», была здесь и революционная молодежь Урахи, были бывшие –бойцы Красной Гвардии и Интернационального полка, но были и представители мелкого духовенства, и более состоятельные крестьяне. Строевым командиром урахинцы избрали Мусу Гасанова, молодого человека, до этого обучавшего школьников маршированию. Урахинский отряд из Левашах был направлен на дешлагарское направление. Туда же пошла и часть других нижнее-даргинцев: мекегинцы, мулебкинцы, мюрегинцы, губденцы. Конные урахинцы и мекегинцы в основном были на Северном фронте под Дургели.

В Дешлагаре находился штаб повстанческих сил этого направления. Здесь фактического фронта не было, не было занятых и постоянно удерживаемых добровольцами позиций или аулов, но военный штаб повстанцев существовал. На этом участке фронта было только одно более или менее крупное сражение под Мюрего.

Добровольцы повели наступление на Мюрего, обстреляли село из орудий. Нижне-даргинские отряды пехоты и верхне-даргинские группы конных совместно с мюрегинцами и утемышцами вступили в бой. Когда ударили орудия добровольцев, несколько мюрегинских кулаков подняли белые флаги. Влиятельные, контрреволюционные верхи аула открыто с оружием выступили против своих же односельчан. Это внесло смятение. Был критический момент, но благодаря стойкости революционного актива и бедноты изменников удалось подавить. Добровольцы были побиты. Большую роль в этом сыграл Х. Мустафаев – он первым пошел на врага. Его примеру последовали и другие. Больше сколько-нибудь серьезных боев на Дешлагарском направлении не было, кроме отдельных перестрелок и стычек.

Более устойчивый фронт образовался на Шуринском направлении. Основные силы даргинских повстанцев находились здесь. Тут же был лакский конный отряд. В этих боях против белых принимали участие группы пеших лакских повстанцев, а также аварцы из аулов – Урма, Чоглы, Чоха и других сел Гунибского округа. Наши закрепились на линии Верхний Дженгутай – Дургели. Я был на левом фланге, который упирался в шоссе над аулом Верхний Дженгутай. По шоссе прибывали все новые и новые повстанцы, которые сразу же занимали позиции по гребню горы, от дороги по направлению к Дургели.

В эти дни меня вызвали в Леваши. При мне в Леваши прибыл Нанейшвили Виктор, он пробирался в Баку. Из Леваши Гамид послал его с верными людьми в Урахи. Переночевав в нашем доме, Виктор был доставлен

дальше в Кичи-Гамри с письмом Гамида к Али Гамринскому, в котором предлагалось отправить его дальше с надежной охраной. Али поручил своим людям сопровождать Нанейшвили к Дербенту.

В это время в Леваши прибыл также Шеболдаев Борис, вслед за ним – Гавриленко и Коваленко. Шеболдаев и Гавриленко имели хороший опыт политработы в Красной Армии, представителями которой они являлись. Своим организаторским талантом, способностями, политической подготовкой, умением вести военные операции особенно выделялся Шеболдаев. Решительный, неутомимый, очень простой с людьми, он быстро завоевал авторитет и уважение среди повстанцев. Особенно крепко подружился он с Гамидом. Борис не сидел в штабе, не любил заседать, много говорить. Чувство славы, самодовольства, присущие некоторым нашим товарищам, были чужды ему. Основное время он проводил на фронте, причем, на передовой линии. Вместе с Гамидом под Дургели ходил в рукопашную. В одной из таких схваток под Дженгутаем он был ранен в руку, но ни на минуту не прекращал своей кипучей деятельности.

В Леваши из Темир-Хан-Шуры приехал и Хизроев. С ним был Магомедхан Эльдаров и, кажется, Качалов Байсунгур. Остановились они в доме, где помещался наш штаб, но долго не задерживаясь, в тот же день уехали дальше в горы, в Хунзах, как говорили, для организации повстанческих сил.

Помню, как в эти дни вражеская авиация совершила налет на Леваши. Два самолета кружили над селением и сбрасывали бомбы. Видимо, они старались попасть в большевистский штаб, но не сумели. Бомбы падали в разные места. Был поврежден только один дом на краю аула. Другая бомба упала на дом бывшего адъютанта начальника округа, который был набит повстанцами. Бомба попала прямо в печную трубу, прошла в землю, но не разорвалась. Сотни людей по счастливой случайности спаслись от смерти.

В момент бомбежки люди прятались под навесы. Только Магомед Далгат, расхаживал по шоссе между больницей и аулом. Коркмасов и другие товарищи с балкона кричали ему, но Магомед продолжал прогуливаться, как ни в чем не бывало. Когда тревога улеглась и он пришел в штаб, Джалал спросил его, почему пренебрегая опасностью он расхаживал по шоссе, ведь его легко могли убить из пулемета.

– Мы же не вечно будем сидеть здесь, придется, очевидно, и сражаться с врагом. Не плохо немножко себя проверить! – отвечал он товарищам.

В эти же дни самолеты сбросили бомбы и на селения Баршлы и Мюрего. Однако особого вреда они не причинили. Да и демонстрация с самолетами больше была задумана для устрашения.

В повстанческий штаб в Леваши пришла весть об освобождении Маджалиса кайтагцами от казачьих частей. Туда был послан отряд даргинцев для соединения с кайтаго-табасаранцами и лезгинами, поднявшими восстание против добровольцев. Перед отрядом ставилась задача войти в контакт с южно-дагестанцами и открыть совместные военные действия на подступах к Дербенту. Во главе отряда был поставлен сын Али-Гаджи Магомед. Это было сделано, чтобы использовать имя старого шейха. Но отряд не выполнил задания и ограничился тем, что прошел через Мюрего на Маджалис, арестовал бывшего начальника штаба красногвардейского отряда селения Утемыш Гамринского Амирхана, забрал все, что было оставлено казаками из боеприпасов, и ушел обратно, оставив править в Маджалисе представителей религиозно-кулацких элементов.

Между тем под Дургели развернулись ожесточенные бои. Враг стянул на этот участок фронта большие силы и начал интенсивный обстрел наших позиций у аула. Наши стали отходить. В Леваши были посланы конные, чтобы немедленно поставить в известность шейха Али-Гаджи о

создавшемся на фронте тяжелом положении и просить выступить с призывом ко всем джамаатам идти на выручку.

Гамид послал в Кадар, где помещался штаб фронта, гонца с требованием перебросить людей с левого фланга к аулу Дургели и, если можно собрать конных и послать их на Дженгутай – ударить в тыл врага. Но сделать это не удалось – повстанцы по всему фронту покидали позиции и группами отходили назад.

Дургели, подожженный снарядами, горел. Под сильным огнем противника отступили к Кадару и его защитники. Население, не желая оставаться в руках врага, покидало родной аул. Вереницы ароб и пеших со скотом, домашним скарбом, стариками, детьми, оставляя позади, окутанное дымом селение, уходили в горы. Они запрудили дорогу, увеличивая панику. А враг все больше усиливал огонь. Артиллерия его была уже и по Кадару.

Кадырага Кадарский призывал односельчан биться до последнего человека. Кадарцы вместе с другими партизанами мужественно дрались на подступах к родному аулу, но силы наступавшего врага во много раз превосходили нас и жители Кадара, спасая стариков, детей, имущество и скот, тоже стали уходить в горы. В это время с группой конных я находился на Кизильярских высотах, пытаюсь задержать отступающих. С перевала мы наблюдали и всю картину нашего отступления из Кадара. По крутой дороге, прямо к перевалу, на расстоянии полкилометра от Кадара поднималась группа пеших, а за ними в одиночку и кучками шло много людей. Подъехав ближе, узнаю наших. Впереди, опираясь на плечо урахинца-партизана Магомеда Ибрагимова, и держа в руке шапку, тяжело ступая, шел Коркмасов. Рядом с ним шагал Магомед Далгат с плащом в левой руке. За ним следовал пастух Загид. Алибека Тахо-Годи и Ковалева, которые тоже находились в Кадаре, в этой группе отступающих не было. Позже, после обеда я видел их у Урмы. Среди них не

было также Гамида, Шеболдаева и Гавриленко. Они покинули линию огня с последними отступающими. Увидев Загида, постоянно сопровождавшего Гамида, я кинулся к нему с вопросом, где брат, почему он здесь? Загид растерянно отвечал, что Гамид отослал его от себя, приказав вывести из аула Коркмасова, Магомеда и других товарищей и сопровождать их до перевала.

Джалал предложил мне идти с ними, но я и слушать не хотел. С несколькими конными я поскакал вниз. Всю дорогу встречали отступающих. В одном месте сгрудились люди. Вижу, двое турецких офицеров спорят с рослым стариком-кадарцем. У кадарца арба. Один из офицеров лезет в арбу, а хозяин отталкивает, не пускает. Офицер ругается, но аробщик не сдается. Собравшиеся пешеходы возмущены, но не решаются призвать нахального «командира» к порядку. Я приказал обоим офицерам немедленно возвращаться назад. Они не смогли отказаться – кругом вооруженные горцы.

От обстрела в Кадаре занялся пожар. Из аула уходили последние защитники, доносились крики, что снизу в аул вошли казаки. У восточной окраины села я увидел группу людей, по косогору отходящих от аула. Пока я успел навести бинокль, группа скрылась в лощине. Мы поскакали по косогору, но пришлось ехать в обход и поэтому не сумели догнать группу. Я предполагал, что там должны быть Гамид, Борис и Владимир. Как выяснилось потом, так оно и было. Усталые, истощенные, поддерживая друг друга, продвигались они к перевалу. Группа конных партизан еле нашла их.

Мы повернули обратно и поехали прямо вверх в гору, на перевал. На шоссейной дороге, не доезжая Урмы километра четыре-пять, мы догнали своих. Магомед и Джалал предложили мне ехать быстрее в Леваши, куда направлялись и они и от имени штаба предложить всем революционным активистам и командирам отступающих частей собраться в Леваши.

Не успели отъехать и километра, навстречу Али-Гаджи Акушинский. Он ехал в направлении Кизильяра на фаэтоне, окруженный отрядом конных. Али-Гаджи спешил на фронт по вызову нашего штаба, своим присутствием спасти положение, но уже было поздно. По прибытии в Лаваша наши руководители пытались договориться с ним о продолжении восстания, но шейх заявил, что дело проиграно и сопротивляться нет смысла, поэтому как духовный главарь он отказался от призыва продолжать борьбу.

В создавшейся обстановке, когда повстанческие группы расходились по домам, когда не было достаточно вооружения и боеприпасов, чтобы оказать настоящее сопротивление хорошо оснащенной армии Деникина, когда перед лицом опасности духовенство во главе с Али-Гаджи, принимавшее участие в восстании, быстро начало отходить, бить отбой, а кулацко-торгашеские элементы, используя создавшееся положение, подняли голову и приветствовали победу деникинцев, большевики вынуждены были временно уйти в подполье с тем, чтобы подготовить новое, более широкое и организованное выступление против Деникина. В тот же вечер по прибытии в Лаваша на экстренном совещании было решено уходить в Азербайджан.

После совещания Гамид послал меня и Умара Алиева в Урахи готовить подполье. Он сказал, что все товарищи придут к нам. К утру мы были в Урахи. К обеду прибыли А. Тахо-Годи и Ковалев. Вечером следующего дня с провожатыми от Гамида прибыли Шеболдаев, Гавриленко, Коваленко. Алибек и Ковалев проехали через Мекеги. Шеболдаев и Гавриленко ехали по ущелью Аякака, через Ванаша-махи, сделали остановку у нашего кунака, старика Гаджила Баганда и ночью прибыли в Урахи. Перед их отъездом в Левашах произошло следующее событие:

Левашинские верхи во главе с царским старшиной Сагид Баганда Али пытались задержать и выдать деникинской армии большевиков-руководителей.

– Если мы не предадим большевиков в руки казаков, – говорили они на базарной площади, – наши аулы будут разрушены!

Коркмасова и нескольких товарищей, оказавшихся с ним в одном помещении, объявили находящимися под домашним арестом и предложили никуда не выходить. Левашинские верхи были в своем намерении не одиноки, их поддерживали и толкали на это кулацко-мульские элементы других аулов. Но большевиков взять было не так-то легко – они имели широкие связи в массах трудящихся. Многие руководители движения, командиры отрядов были окружены преданными и верными партизанами, сельскими революционными активистами из бедноты. Такая группа людей была у Гамида. В полном порядке отошел с фронта и Казикумухский отряд.

Гамид и командиры лакского отряда предупредили главарей кулацкого мятежа, что в ответ на их выступление будет нанесен сокрушительный удар. Одновременно они обратились к Али-Гаджи с требованием принять меры для предотвращения напрасного кровопролития. Али-Гаджи колебался. Он боялся и за себя, как бы добровольцы не призвали к ответу его самого, его сыновей и приближенных. Не хотел восстанавливать против себя представителей реакционной верхушки аулов, выступающих против большевиков. Однако шейх, очень осторожный, избегающий столкновений, дальновидный политик, не решался и не хотел затевать открытой вражды и с большевиками, этими представителями трудового народа, имеющими широкие связи в массах и потому не мог санкционировать их арест. Несмотря на то, что их идеология была совершенно чужда и враждебна ему, увлеченный общим потоком выступивших крестьян, он пошел с большевиками и теперь разрыв и вражда с ними не принесла бы ему оправдания ни перед добровольцами и генералом Халиловым, ни перед местными контрреволюционными верхами, а трудовая масса горцев стала бы от него отходить.

Али-Гаджи хорошо понимал все это и поэтому, когда вооруженные большевики потребовали, чтобы он вмешался и предотвратил напрасное кровопролитие, посоветовал не чинить препятствий уходящим большевикам.

Последнюю группу товарищей в составе Коркмасова, Атаева и других Гамид отправил из Леваши через Нижнее Мулебки, Мугри на юг, а сам с несколькими партизанами приехал в Урахи. Он предупредил, что в районе Мугри-Герга мы должны в условленном месте встретиться с группой Коркмасова. Сам Гамид решил остаться здесь и попытаться организовать сопротивление вражеским отрядам. Товарищи не сумели его убедить отказаться от этого. Алибек Тахо-Годи, помню, убеждал его, что эта схватка не решает дела, что это безрассудство. Он заявил, что без Гамида не уедет никуда. Брат не спорил, но я знал, что он поступит по своему.

Поздно ночью, когда все легли спать, Гамид послал Умара Алиева и Алтавла Баганда в Мюрего и Дешлагар, разведать обстановку. Утром они вернулись с известием о том, что казачьи отряды двигаются со станции Каякент, Манас и Берикей на Урахи, Мюрего и Губден. На другой день с восходом солнца прискакал посыльный из Кичи-Гамри и сообщил, что казачий отряд с артиллерией выходит из этого аула и скоро должен быть в Урахах. Гамид приказал седлать коней. У меня была хорошая лошадь – золотистый, небольшой карабах-иноходец. На лошадей сажались в нашем дворе. Для Магомеда Далгата подвели белого невзрачного коня с седлом без подушки. Он приехал ночью, и седло не успели приготовить. Я посадил его на свою лошадь, а сам сел на его.

Поднявшись к Мулебкинским хуторам, мы проехали ниже Герга и в районе Мугри встретились с товарищами из Леваши. Тут Гамид оставил нескольких провожатых, одного проводника, который должен был по неведомым тропам довести всю группу до реки Самур, а сам с пастухом Загидом уехал в Урахи.

Нашим проводником был урахинец Вулкадар, тот самый главарь конокрадов, о котором я пишу в первой части. Людям, не знавшим тогдашнюю обстановку, может показаться странным связь с таким человеком как Вулкадар, но удивляться нечему. Поведение таких людей, как Вулкадар в те времена определяло их классовое чутье, а не профессия. А Вулкадар был настоящий бедняк. И таких людей переделывала революция. Примкнув к нам, он бросил свое «занятие» и как бывалый, опытный вояка, в свое время ряд лет прослуживший в Дагестанском конном полку, был назначен командиром одного взвода в коннопартизанском тряде Гамида. Давая Вулкадару очень ответственное задание – провести большевиков по территории занимаемой вражескими отрядами, брат знал, что этот человек точно выполнит приказ. А кто знает все нехожие тропинки по лесам и горам между Сулаком и Самуром, как Вулкадар?

Помню, как мы объезжали населенные пункты, пересекали шоссе ниже Касумкента и прибыли в Куллар и Хинжал-кала. Дальше нас повел проводник-лезгин. Морщинистый, подвижной, бывалый и опытный кюринец, верхом на своем иноходце, повел нас вверх по течению Самура и бродью переправил на другой берег. Переправа не обошлась без приключений.

Ехали через реку цепью. Крупные голыши били по ногам лошадей, которые то и дело спотыкались. От быстрого течения воды у Алибека с непривычки закружилась голова и он стал падать с лошади. Мы подхватили его, взяли под уздцы перепуганную лошадь и довели до берега.

Джалал шутил:

– Ты, Алибек, видимо, хотел на дне Самура поймать золотую рыбку?!

Алибек улыбался:

– Да, ты оказался хитрее – все смотрел в небо, видимо, кашу манную ждал!

В районе Яламы, недалеко от железной дороги, мы остановились у одного лезгина. А через день уже были в Баку.

Тем временем, расставшись с нами, Гамид прискакал в Урахи и направил коня прямо в Верхний аул к главному гумаю. Здесь собралось все взрослое население Верхнего аула. Верхнеаульцы всегда более активно участвовали в жизни урахинского общества. Гамида встретили приветливо, но с некоторым недоумением – не могли понять как он может оставаться здесь, когда казаки вот-вот ворвутся в аул. После приветствия, сойдя с коня, Гамид обратился к окружившим его односельчанам:

– Братья! Ваша жизнь была тяжелой, вы задыхались в бедности. Ради куска хлеба вы батрачили на кумыкской равнине, целыми отрядами уходили на сезонные работы на железную дорогу, нефтепромысла. Вы научились отличать кто вам друг, кто враг. Когда русский рабочий класс сверг царя, вы активно выступали за новые революционные порядки. После Октябрьской Революции, по призыву большевиков дагестанских городов, по призыву рабочих и большевиков Порт-Петровска многие из вас пошли драться за власть трудящихся, за Советскую власть, вступили в Красную Гвардию. Вы не послушались тогда наших врагов, некоторых представителей сельской верхушки, которая до революции всегда диктовала вам свою волю. Вы не послушались их и теперь, когда выступили против деникинских отрядов и генерала Халилова. Сейчас многочисленный враг одолел нас. Оказать врагу сопротивление у нас нет возможности, нет оружия, патрон. Наш трудовой народ, сейчас вынужден прекратить борьбу. Мы, большевики, уходим, но скоро обязательно вернемся с вооружением и боеприпасами. Тогда мы с вами победим врага.

Я большевик. Вы это знаете. Никогда я не отступлю, от своих идей. Я и мои товарищи большевики боремся за интересы рабочего человека, бедняка. И это известно не

только вам, но и нашим врагам. Поэтому они нас ненавидят. Поэтому они распускают о большевиках самые гнусные, лживые хабары. Некоторые из вас рядом со мной сражались под Манасом с бандами Бичерахова, под Шурой с бандами Тарковского, вы знаете меня. Кто может сказать, что я такой человек, каким описывают наши враги большевиков? Мы решили на время уйти за помощью к рабочим Баку. Я не могу не выполнить этого решения. Враг идет в горы. Его отряды обязательно будут и в нашем ауле. Вместе с нами, большевиками, вынуждены будут скрываться от белоказачков и многие революционные активисты нашего аула, бывшие красногвардейцы и партизаны. Семьи их и наши остаются в ауле. Я хочу, чтобы вы не давали их в обиду. Все это я говорю на тот случай, когда добровольческий отряд придет в наш аул. Наши враги будут говорить вам, что большевики подбивали вас на борьбу с представителями старых порядков, вели вас в бой, а теперь, мол, оставили вас и убегают. Большевики никогда не убегают. Они отходят в тех случаях, когда враг много раз превосходит по силе, отходят, чтобы не приносить напрасных жертв. Но от борьбы мы никогда не отказываемся. Так и сейчас, несмотря ни на что, мы готовы сражаться с врагом. Давайте и сейчас подыдем всех хуторян, соседей и пойдем на встречу отряду добровольцев. Я буду впереди вас!

Гамида слушали внимательно. Одни были готовы тут же выступить против вражеского отряда, другие были настроены против, многие колебались. Все заговорили разом, каждый говорил свое. Вперед выступил старый Таймаз. Воцарилось молчание. Обращаясь к Гамиду, он сказал:

– Сын мой. Большевики не враги нам. Народ наш шел за вами до сих пор, но сейчас он не может рисковать жизнью своих детей. Сильная армия идет на нас. Остановить ее мы не можем, потому что все аулы прекратили борьбу. Я знаю, что вы хотите для народа только хоро-

шее. Мы гордимся вами, гордимся тем, что ты наш односельчанин. Знаю, за тобой куда угодно пойдут многие люди, но всякая попытка схватки с идущими к нам отрядами означает смертельную опасность для нашего аула. Поэтому мы, старики, и люди джамаата просим тебя не звать народ к вооруженному выступлению и уйти, убереечь себя!

Это выступление Таймаза решило все. Подавляющее большинство собравшихся молча опустило головы. Было ясно, что нет никаких шансов на успех в столкновении с вооруженным до зубов противником. И Гамид, долго не задерживаясь, распрощался и ушел.

Последний раз собрал он оказавшихся в ауле активистов, дал им наказ как себя вести, что делать и, в сопровождении группы всадников, выехал из аула. С ним поехали те, кому угрожала наибольшая опасность за связь и работу с большевиками – Умар Алиев, пастух Загид и другие.

В Ялама Гамид прибыл с целым отрядом активных партизан из разных аулов. Их он оставил в азербайджанских селах, а сам выехал в Баку. В районе Яламы расквартировались также партизаны, прибывшие отдельными, самостоятельными группами. В их числе были Халимбек Мустафаев с группой мюрегинцев, Алибек Богатырев с группой мекегинцев и др. Лакские товарищи ушли через Кавказский хребет в Грузию.

ДЕНИКИНЦЫ В ГОРАХ

После боев под Дургели и Кадаром армия Деникина повела сплошное наступление в горы. Отряды добровольцев вместе с мелкими соединениями частей генерала Халилова почти одновременно двинулись с линии железной дороги вглубь области.

В район селений, расположенных на стыке Даргинского, Кайтаго-Табасаранского и Темир-Хан-Шурина

округов, в наиболее революционно настроенные аулы Мюрего, Урахи, Утемыш и др. направились отряды с трех сторон – со станции Манас, Каякент, Берикей.

Манасский отряд двигался через Карабудахкент, Губден на Дешлагар. Каякентский – на Утемыш и Мюрего. Берикейский – через Баршлы, Кичи-Гамри на Урахи.

Еще один отряд шел со станции Мамедкала на Маджалис и дальше – на Уркарах.

Добровольческие войска направились из Шуры и в Даргинский округ, на Леваши, а оттуда – на Казикумух, Гуниб, Хунзах, а с Белиджи – на Ахты и Касумкент.

Карательный отряд, двигавшийся в спешном порядке на Урахи, был осведомлен, что большевики собираются здесь. Шли они с предосторожностями, боясь оставить у себя в тылу революционно-настроенные аулы кумыкской плоскости, и потому задержались в районе селения Кичи-Гамри, являющегося как-бы воротами в горы, и в Урахи прибыли лишь на второй день после нашего ухода. К аулу отряд подходил с большими предосторожностями, но тут им навстречу вышли старики. Этот жест был расценен командованием отряда как изъявление покорности общества. Будучи осведомлены об уходе большевиков еще на подступах к селу, и, видя мирные намерения урахинцев, командир повел часть своего отряда прямо в аул. На расстоянии километра от села, на плато «Цавлакайла-дирка» осталась меньшая часть отряда с артиллерией и пулеметами. В верхнем квартале, на окраине, у старинного кладбища «Кошин-ховри» казаки разбили лагерь.

В составе добровольческого отряда была какая-то часть Дагестанского полка под командованием Хана Аварского и молодых офицеров-дагестанцев Тарковского и Мехтулинского. Проводниками отряда являлись князь Осман из Уллу-Буйнака и бывший урядник Дагестанского полка кичигамринец Бахмуд.

Бахмуд – полный георгиевский кавалер, получивший на фронте чин прапорщика, с отрядом казаков ограбил

некоторых своих земляков и арестовал активистов-бедняков Джамагара, Кукайла Багомада, Османа Багомадова и других.

На следующий день добровольцы созвали общественный сход Урахи. Начальник отряда, казачий офицер, выступил с большой речью, призывая поддержать старые традиции и порядки, за которые, мол, борется добровольческая армия. Он требовал не слушать большевиков, не идти за ними.

– Большевики вас ограбят, обманут, не слушайте этих разбойников, – говорил он.

Однако не прошли и сутки, как добровольцы сами, начиная с командного состава, на деле доказали, кто грабители. После собрания в ту же ночь командование наметило размер контрибуции с аула за участие в восстании и укрывательство большевиков.

Утром следующего дня на большом гумаче в Верхнем ауле созвали стариков всех кварталов и объявили о контрибуции. Требовали бурки, кавказские сукна, седла. Сбор контрибуции был возложен на аульскую администрацию.

В это время в Урахи была новая администрация. Дореволюционные власти – старшины, судьи, кадии давно были убраны. В период июньского восстания в ауле власть осуществляли, избранные на общественном сходе, представители бедноты и трудового крестьянства. Это был сельский Совет, но руководителей его – председателя, заместителя – по старинке все еще называли юзваши, помощник юзваши и т.д. Урахинским юзваши при оккупации аула деникинцами оказался Джапарла Баганд. Он не был трудовым крестьянином и жил, главным образом, за счет мелкой коммерции, но являлся малоземельным горцем и был активно настроен против имущих слоев аула. Поэтому он и попал в юзваши. Помощником его был, тоже избранный обществом, брат пастуха Загида – Абдусалам. Вот им обоим и было приказано немедленно обсудить с

уполномоченными общества с кого что взять и обеспечить сбор контрибуции. Размеры контрибуции были огромны. Но что было делать?

Представители общества, старики, видя неотвратимость беды, решили задобрить командование. Они собрали для них подарки и от имени общества преподнесли их. Это подействовало. Подкупленные офицеры несколько смягчили тон.

В ауле жил Мухтар Гаджиев, мой школьный товарищ. Он состоял в молодежной группе, которую собирал вокруг себя Гамид. К нему зашли молодые офицеры Тарковский и Мехтулинский, тоже бывшие реалисты, те самые дети князей, с которыми еще в стенах училища мы дрались и враждовали с самого дня свержения царя в феврале 1917 года. Они показали Мухтару список большевиков. Там в конце карандашом было добавлено имя Исала Омарла Сулеймана и против его фамилии записано, что он голосовал за список Махачей, т.е. за список социалистической группы во время выборов в Учредительное собрание. Офицеры пытались узнать у Гаджиева куда скрылись большевики, говорили, что командиру отряда известна и его связь с ними. Мухтар резко осадил их и они ушли ни с чем.

На другой день казаки вновь созвали общество, а перед самым сходом вновь допрашивали Мухтара в Верхнем ауле. На этот раз допрос учинил сам командир отряда, но не сумел получить никаких сведений.

Требования к обществу были все те же: не слушать большевиков, выдать их отряду, собрать бурки, седла, побольше продовольствия и фуража, выставить бойцов в добровольческую армию. Люди разошлись по домам обозленные. Утром следующего дня добровольцы группами в несколько человек расползлись по аулу и начался открытый грабеж. Конные взводы были посланы по окружающим аулам вплоть до селения Цураи. В этих селах добровольцы пытались делать то же самое, но встречали решительное сопротивление.

В нижнюю часть аула спустился начальник отряда в сопровождении группы казаков, подошел к крышам наших домов и вызвал нашего отца и отца Магомеда Далгата – братьев – Алибека и Абдулмеджида. Офицер потребовал от братьев рассказать куда ушли их дети.

– В вашем доме находился большевистский центр, – кричал он. – Вчера только их штаб ушел из аула. Здесь собрались все большевистские руководители, в том числе и ваши сыновья. Русские большевики тоже были с ними. Вы должны знать все их дела. Мы знаем, что у большевиков были запасы оружия и боеприпасов. Скажите нам, где все это спрятано?!

Алибек спокойно начал объяснять офицеру, что они в дела детей не вмешиваются, не знают, чем они занимаются, что никакого оружия они не видели, что не разбираются в вопросах политики. Расчет его был таков – выиграть время пока начнут сходиться односельчане. Действительно, на шум разговора в одиночку и группами стали приходить крестьяне всего квартала. Неизвестно чем кончился бы визит карателя если бы он не понял, что собравшиеся горцы вовсе не будут безучастными зрителями в скандале. Командир перестал кричать, но заявил, что дает на размышления сутки и, если завтра братья не покажут место нахождения сыновей и их товарищей, он разнесет их дома, не оставив камня на камне. Но его угрозе не было суждено осуществиться, потому, что события в ауле пошли не так, как думало командование отряда.

Разгуливающие по аулу казаки стали заходить в дома и брать, что им понравится. В тот же день у нашего соседа Магомеда Гасанова забрали седло, у другого соседа – Магомеда Рамазанова – сапоги. По доносам кулацко-торгашеских элементов были арестованы несколько человек крестьян, в том числе Магомед Ибрагимов, который к вечеру бежал из арестного помещения, Халимбек из самого аула, гамринец Али Багомадов.

К концу дня вернулись конные группы, посланные в окружающие аулы и урахинские хутора и привезли тревожные вести о беспокойном положении, о враждебном отношении населения к добровольцам. Реакционные элементы аула также информировали командование отряда о том, что урахинцы, главным образом молодежь, готовятся внезапно напасть на отряд и перебить его.

Узнав об этом казаки еще больше распоясались. Схватили и забили лучших коров из урахинского стада. На поле, на границе земель аулов Урахи и Мулебки, казачий патруль из двух человек увидел работающего в поле человека. Это был мулебкинец. На нем оказались брюки военного образца. Один из казаков скомандовал!

– Снимай брюки и калоши!

Мулебкинец присел, делая вид, будто раздевается, улучил момент и, выхватив кинжал, одним ударом уложил казака. Его товарищ выстрелом, свалил мулебкинца, но и сам не смог уйти целым – горец ранил кинжалом и его.

Это было утром, а в обед произошло следующее: братья Ахмед-паша и Ибрагим-Халил из урахинского отселка Ая-махи вместе с другими активистами скрывались в хуторах и отселках. Первый из них состоял в группе грамотной молодежи, которую мы привлекали в нашу деятельность. В Ая-махи почти все крестьяне были охвачены кровной враждой. На этой почве произошли убийства и в этом году. В этой вражде и убийстве участие принял и один из этих братьев, почему они вынуждены были покинуть родной очаг. А теперь, с прибытием добровольческого отряда, Ахмед-паше и его брату пришлось вовсе перебраться в леса.

В ущелье «Хуларгила-када», в лесу у родника их застал казачий разъезд и схватил спящими. Обезоруженные, перевязанные братья были доставлены до нагорья «Хала-илала», недалеко от аула и там расстреляны. При этом казаки издевались над ними, называли их большевиками. Этот хабар молнией облетел аул.

Чаша терпения горцев переполнилась. Крестьяне стали открыто проявлять возмущение, собираться и сговариваться о выступлении. Выступить против насильников теперь уже готовы были не только скрывавшиеся активисты-партизаны и красногвардейцы, но и все общество. В такой обстановке от общества не могли отойти даже те, кто сочувствовал добровольцам и ненавидел большевиков.

В ауле пошла подозрительная возня, суровые, молчаливые горцы стихийно стали со всех сторон собираться в Верхнем ауле, в район расположения отряда.

Урахинцы готовились нанести отряду сокрушительный удар. Было решено ночью, без выстрела напасть и кинжалами перебить добровольцев. Командование, видимо, предупрежденное об этом, решило немедленно покинуть аул. Как только наступили сумерки, добровольцы свернули лагерь и, стараясь как можно меньше шуметь, тронулись и по окраине аула спустились вниз. В полутора километрах от села, там, где стояла их батарея, отряд остановился, выставил усиленные дозоры и направил дула орудий на аул. Ночью отряд снялся с места и двинулся по той же дороге, по которой пришел, якобы направляясь обратно на плоскость к железной дороге, но у селения Бурдеки повернули назад и по долине Махарги-када, через отсенок Аялизи-махи, спустился к Ванаша-махи и оттуда пошел вверх по ущелью Ая-кака, держа путь в Верхнее Дарго. Весь этот маневр был проделан, чтобы отвлечь внимание урахинцев.

По прибытии в Урахи, деникинцы потребовали у общества выделить людей для патрулирования аула совместно с людьми отряда. Несколько человек вызвалось нести такую службу ради своего джамаата. Добровольцы никуда не отпускали их от себя и использовали в качестве проводников по аулу и хуторам. Когда уходили из аула, они силой увезли с собой и этих людей. одному из них, Магомеду Мутаеву, удалось бежать и скрыться в кустарниках, а двое других были увезены казаками.

Обоих урахинцев – Гамзата Гавгила Шамаила из самого аула и Абдуллу Халимбек-Гаджиева из хутора Ги-гау-махи, вместе с теркемейцем Магомедом Алхан-Гаджиевым и другими дагестанцами, находившимися у них на службе, во время своего бегства из Петровска в марте 1920 года у восточных берегов Каспия выбросили в море.

На всей, контролируемой белой армией территории Дагестана устанавливались старые порядки. По старому дореволюционному образцу создавалась, вернее, восстанавливались царская администрация, восстанавливались старые, сметенные еще в 1918 году при Советской власти, институты, учреждения – окружные правления, начальники участков – наибы, старшины, адато-шариатские суды.

Эти мероприятия добровольцев и диктатора Дагестана генерала Халилова натолкнулись на упорное сопротивление горцев. Многие большие аулы, как, например, Мюрего, Урахи, Утемыш, Мекеги, Губдень, Цудахар, Унчукатль и т.д. открыто сопротивлялись и не давали восстановить у себя власть прежних старшин, кадиев, судей.

В центр июньского вооруженного восстания – Даргинский округ – начальником округа был назначен полковник Магомедов Абдусалам из селения Хаджал-Махи. Начальником Мекегинского участка, в состав которого входили аулы, где особенно сильно было большевистское влияние, тоже был назначен один из старых наибов.

Отряды белой армии, занимавшие горы, сопровождали бывшие военно-полицейские чиновники, помещики, князья и всякого рода авантюристы. Они являлись представителями дагестанской контрреволюции при командовании добровольческой армии и проводниками их карательных отрядов.

Наиболее прославились из них князья Уцмиев Абдулмеджид, Осман из Уллу-Буйнака, помещики и военные

чиновники Абдулкасум Мюрегинский, Абдулмеджид Кубачинский, Шапи Маджалисский, Гаджи-Мурад Уркарахский, Бахмуд Гамринский.

Представители дагестанской контрреволюции активизировались всюду. Они направляли свои удары главным образом против центров большевистского движения. Так, бывший командир драгунского полка, полковник из Мюрего Магомедов, затребовал из Темир-Хан-Шуры в спешном порядке карательный отряд в район Дешлагара «для подавления большевиков» селений Мюрего, Утемыш, Урахи и других.

Деникинцы жестоко расправлялись с недовольными. Особенно жестокая расправа была учинена над аулами Чумли и Маджалис Кайтаго-Табасаранского округа. Большой казачий отряд неожиданно нагрянул в Чумли в пятничный день, как раз в тот момент, когда все общество, за исключением женщин, находилось в мечети на молитве. Здание мечети вмиг было окружено, двери были закрыты, у окон и дверей поставлены пулеметы. Никто не мог выйти наружу. Остальной отряд разошелся по аулу. Грабили все, что нравилось, остальное уничтожали, рвали, жгли, насиловали не успевших убежать в лес женщин, подожгли дома и ускакали с награбленным имуществом крестьян. Другой отряд учинил такую же расправу над аулом Маджалис.

НАРОД НАЧИНАЕТ БОРЬБУ

Положение в горах становилось все напряженнее. Поборы, грабежи и издевательства белых над трудящимися горцами усиливались. Брожение в народе нарастало. В этой обстановке генерал Халилов издал приказ о мобилизации горцев в деникинскую армию. Этот приказ подействовал на крестьян как разорвавшаяся бомба.

– Лучше умереть, чем быть мобилизованными, – говорили они.

Первыми выступили хаджал-махинцы. Начальник округа полковник Магомедов предъявил даргинским селам ультиматум выставить в добровольческую армию определенное количество солдат с каждого населенного пункта и лично явился в родной аул Хаджал-Махи с требованием немедленно дать двадцать вооруженных солдат за счет общества. Хаджал-махинцы отказались выполнить приказ начальника округа, а его самого изгнали из аула.

Еще накануне представители отдельных аулов тайно сговаривались оказать вооруженное сопротивление властям и отрядам добровольцев. Это движение возглавили хаджалмахинец Осман Османов и санамахинец Рабадан Нуров.

Урахинцы, собранные на сход представителем окружного Управления, категорически отказались выставить солдат. Тогда в аул прибыл сам наиб, уговаривать общество, но и его миссия окончилась неудачей.

Острая борьба шла в тот момент и в таких больших аулах верхнедаргинцев, как Цудахар, Куппа, Мекеги и др., где верхушечные слои общества, торгово-предпринимательская прослойка и духовенство оказывали упорное сопротивление выступлению крестьянской массы против белой армии. Тем не менее, им не удалось предотвратить выступление трудящихся горцев против своих угнетателей.

Отказавшись выставить солдат для деникинской армии и изгнав окружного начальника, хаджалмахинцы стали готовиться к встрече карателей из Леваши. О. Османов, Р. Нуров, Мута, Микаил, Казимагомед и другие созвали совещание окружающих аулов в селе Буртанимахи, где было решено, не ожидая, самим напасть на Леваши и захватить его. Такие же совещания прошли и во многих других аулах. Повстанцы в основном хаджалмахинцы заняли Леваши без особого труда. Начальник округа Магомедов убежал со своим отрядом добровольцев в Шуру.

Убедившись в том, что Али-Гаджи держит нейтралитет и не только не помогает ему в проведении мобилизации в добровольческую армию, а наоборот, принимает у себя представителей обществ и, видимо, хочет оставаться на стороне народа, полковник Магомедов накануне своего бегства подверг Али-Гаджи домашнему аресту, привез его в Леваши, но не успел увезти устада с собой. Занявшие Леваши повстанцы выручили Али-Гаджи и отослали в Акуша.

Отряды даргинских повстанцев со всех аулов собирались в Леваши и пошли по разным направлениям: на Кизильяр, чтобы загородить доступ в горы со стороны Шуры, на Дешлагар, чтобы захватить район железнодорожной магистрали, на Акуша, Кумух и Гуниб, чтобы уничтожить, находившиеся там гарнизоны и отряды белой армии.

Вслед за даргинцами выступили лезгины. Они уничтожили гарнизон Деникина в Касумкенте и пошли на Дербент.

Экспедиционный отряд деникинцев, который был в Урахах после июньского восстания и ушел в горы, оказался в Акуша. Отряд бежал из Акуша через Мекеги, пробираясь к линии железной дороги. В этот момент, пользуясь отсутствием в ауле революционных активистов, эмигрировавших в Закавказье, мекегинские реакционные верхи во главе с Омар-Кади захватили в ауле господствующее положение. Они благожелательно встретили отряд добровольцев и беспрепятственно пропустили его. Даргинские повстанцы обвинили в этом остававшегося еще на своем месте в Мекеги наиба Нурбаганда и выслали туда отряды для ареста последнего. Мекегинцы встали ца защиту наиба и отказались выдать его повстанцам. Из Леваши были посланы дополнительные отряды. На подступах к аулу произошли схватки, перестрелка между наступающими на село повстанцами и мекегинцами. Были раненые. К счастью дело стычкой и ограничилось. Внутри

мекегинцев произошел раскол. Участники июньского восстания и беднота отстранили контрреволюционные верхи аула от власти, взяла инициативу в свои руки и ликвидировала инцидент, выдав повстанцам наиба.

Восстание быстро распространилось по всему Дагестану. Вооруженные чем попало горцы, почти повсеместно нападали на гарнизоны и отряды деникинцев.

Получив известие о восстании, деникинское командование в срочном порядке оттянуло с юга России значительные силы, собрало их в Петровске и направило в горы на помощь своим. Один их отряд пошел со станции Мамедкала на Маджалис и оттуда на Уркарах, где еще оставались белые.

Главные силы, которые должны были нанести основной удар по центру восстания – Даргинскому округу, – в составе экспедиционного отряда генерала Попова, двинулись к Левашам через ущелье Ая-кака. Белые хотели взять даргинцев в тиски, наступая со стороны Ая-кака, Маджалиса и Кизильяра, но сами потерпели жестокое поражение. Отряд генерала Попова полностью был разгромлен в ущелье Ая-кака.

Когда передовые части белых подступили к селению Дегва жители его оказали отчаянное сопротивление. На помощь подоспели мекегинцы, вслед за ними из Леваша прибыли другие отряды даргинцев, подошли урахинцы. В происшедшем сражении, которое закончилось кинжальной атакой и рукопашной схваткой, белые были разбиты наголову. Остатки их бежали вниз по ущелью, но путь к отступлению уже был загражден и у выхода из ущелья завершился разгром последних остатков деникинских банд.

Люди были опьянены одержанной большой победой над сильным врагом. Кузнец из Аймау-махи Азиз Чатирла-Алила в пылу сражения сел верхом на захваченную у неприятеля пушку и объявил ее своей добычей, другой, мекегинец, положил папаху на пушку, а сам пошел рубиться дальше.

Отряд Попова был полностью уничтожен.

В этом сражении особенно отличились дегвинцы и мекегинцы.

Накануне Ая-какинской битвы такой же случай, как и в Мекеги, произошел и в Урахи.

Когда было получено известие о движении карательного отряда Попова в сторону Леваши и урахинская молодежь стала собираться, чтобы вместе с другими преградить деникинцам проход через Ая-кака, урахинские верхи срочно созвали сход всего общества. Они решили категорически запретить своим односельчанам выступить против добровольцев. На сходе был явный перевес сил на стороне реакции. Тем не менее, и несогласных оказалось много – беднота не хотела слушать своих противников. Разгорелись опоры. Все те, кто не был согласен с предложением аульских верхов, покинули собрание и разошлись. Урахинская беднота, особенно представители революционной молодежи, в тот же день направились в Ая-кака, приняли активное участие в сражении, замкнув кольцо окружения и у выхода из ущелья ликвидировали отступающие части деникинцев. Но реакционеры не унимались. Они еще долго митинговали, угрожали и в конце концов решили послать за ушедшими двух авторитетных среди молодежи урахинцев – Сунгургаджи и Сулейманаканатоходца. Они прибыли к группе урахинцев в составе Сулеймана Сулейманова, Магомед-Расула, Магомеда Аямахинского, Халимбека и Закарья Багомадова, возглавивших урахинских партизан и накануне самого сражения заявили, что являются посланцами джамаата с требованием к партизанам вернуться домой, но тут же сами призвали молодежь драться с карателями и остались с этой группой урахинцев и приняли участие в развернувшемся сражении. В Ая-какинском бою в числе убитых партизан были два пастуха общественных стад – Чупалав Уцила Багандла из Аймау-махи и другой из Ванаши-махи, оба урахинцы.

Тем временем было получено сообщение о движении на Леваши отряда деникинцев со стороны Гуниба. Белые торопились на выручку своих. Военный штаб повстанцев выслал навстречу им группы даргинских повстанцев, которые встретили противника у Куппинского перевала и разгромили его. В этой схватке принимали также участие салтинцы и другие аварцы Гунибского округа.

После разгрома деникинских войск повстанцы предприняли наступление на Шуру. Но наступление окончилось неудачей. Горцы отступили к Кизильяру.

Военными операциями руководил штаб, обосновавшийся в Леваши. Его состав был самым разнообразным. Самым разнообразным был и классовый состав руководителей восстания. Среди них были и состоятельные люди, и представители религии, и бывшие старшины, и всякого рода авантюристы, ищущие славу, и люди, связанные с уголовным миром, и малоземельные крестьяне-бедняки, и рабочие-отходники. Большой популярностью пользовался в августовском восстании Осман Османов. Осман считался в горах одним из лучших и знающих молодых ученых-арабистов. Его учителями были известные ученые Аварии. Человек способный, широких взглядов, Осман хорошо изучил и знал античных философов – Аристотеля, Платона, и совсем не походил на других арабистов. Он был далек от религиозного фанатизма и уже в тот период склонялся к атеизму. Не случайно, что именно он оказался видной личностью в массовом выступлении горцев. Такая фигура руководителя была в тех условиях начала движения наиболее подходящей.

После Ая-какинского побоища и разгрома у Куппинского перевала, деникинцы ожесточились. Находившийся в Уркарахе их карательный отряд напал на селение Киша, поджог его, уничтожив весь хлеб на токах. Оттуда белые направились к аулу Харбук, обстреляли и осадили его, но жители села оказали отчаянное сопротивление и отбили

нападение. Эти бандитские действия добровольцев были как бы последним жестом собравшегося бежать трусливого разбойника. После неудачи под Харбуком белые без оглядки бежали в Маджалис к своим, спасаясь от муаринцев. Но и там им не пришлось долго задерживаться. Кайтагцы атаковали их и выгнали из Маджалиса. Уходя из Маджалиса, деникинцы напали и разграбили аул Янги-Кент.

На помощь кайтагцам спешили муэринцы и урахинцы. Известие о наступлении казаков на Киша и Харбук урахинцы получили в первый же день после Ая-какинской битвы и к вечеру их отряды были готовы к выступлению. Конница и пехота двинулись по направлению Уркарах-Киша. Командный состав был избран из тех людей, кто раньше был связан с большевиками, кто уже бывал в организованных в 1918 году Гамидом Далгатом, отрядах Красной Гвардии. Общим командиром стал Азиз Багомадов, бывший ученик Дешлагарского училища. Командиром конницы был назначен Халимбек, бывший урядник Дагестанского полка, начальником пехоты – Баганд-Али из верхнего аула, унтер-офицер Дагестанского полка, его помощником – Сулейман Сулейманов, бывший красногвардеец.

Когда урахинцы подошли к Уркараку, белых там уже не было – они бежали в Маджалис. Отряд продолжал марш на Маджалис вместе с другими более мелкими отрядами из других аулов. Из верхнедаргинцев в составе участников похода на Маджалис были мугинцы во главе с Азизом, Абакар-Гаджи и Багомма-Гаджи. Но Маджалис был освобожден еще до их прихода. Здесь отряд застал официального представителя Али-Гаджи Акушинского цудахарца Миркука. Выбитые из Маджалиса белые бежали в Дербент. Основная масса даргинцев двинулась вслед за отступившими казаками к Дербенту.

Главным администратором в Маджалисе был оставлен Багомма-Гаджи Мугинский с его отрядом конных

партизан. Этот решительный, своеобразный, не думающий о последствиях своих поступков представитель духовенства был очень активно настроен и пользовался влиянием среди своих земляков. Недолго думая, он прогнал представителя Али-Гаджи, взял все в свои руки и организовал снабжение повстанческих отрядов продовольствием.

Урахинский отряд пошел прямо к линии железной дороги в район станции Берикей, намереваясь прервать железнодорожное движение между Петровском и Дербентом. Через селение Уллутеркеме он проследовал до имения князя Уцмиева Абдулмеджида, недалеко от железной дороги, и обосновался там. Отсюда отряд устраивал нападения на линию железной дороги, портил полотно и прерывал на время движение воинских эшелонов, останавливал поезда.

Однажды красногвардеец Алтавла Баганд с двумя товарищами засел в районе имения генерала Лазарева «Мамай-кутан» на повороте дороги, у кустарников, держа в руках канат, привязанный к освобожденной от болтов рельсе. На рассвете, когда подошел воинский эшелон, Баганд разъединил рельсу и свалил поезд, а засевший за кустами отряд повстанцев открыл огонь по эшелону. Это были первые боевые действия.

Конфисковав хлеб и лошадей в имении Уцмиева, урахинцы пошли к Дербенту. Тем временем муэринские, верхнедаргинские и кайтагские повстанцы прошли через Зидиян, обосновали свой штаб в Джалгане и повели совместно с лезгинами наступление на город. Повстанцы заняли окраины города. Штаб даргинцев перешел в крепость, господствующую над городом. Часть руководства осталась в Джалгане для организации снабжения повстанцев продовольствием и фуражом. Начальником штаба в крепости считался Кази-Магомед из Цудахарского участка. Штаб не осуществлял фактического военного руководства. Отряды повстанцев с их командирами фактически были предоставлены сами себе.

В это время, выполняя решение Кавказского Крайкома, из Баку в Леваши прибыла первая группа членов Обкома и руководителей июньского восстания. Большевики должны были лучше организовать и возглавить всеобщую борьбу горцев Дагестана с белой армией.

Необходимо подчеркнуть, что это массовое выступление горцев в августовском восстании, начатое даргинцами, лезгинами и другими народностями Дагестана против армии Деникина и местной белогвардейщины безусловно не было случайным. Оно имело глубокие корни и было подготовлено всей предыдущей деятельностью большевиков и явилось продолжением июньского восстания того же 1919 года.

Большевики Дагестана, находясь во временной эмиграции в Закавказье, через специально посылаемых в Дагестан людей продолжали поддерживать связи с трудовыми массами и сельскими активистами. Например, из Баку Гамид посылал в аулы Кайтаго-Табасаранского и Даргинского округов Алиева Умара, Камбулата Мекегинского и других. Сам Гамид выехал из Баку 17-го сентября, собрал разбросанные в районе Ялама-худат партизанские группы и во главе их прибыл в Дагестан. Он приехал в Леваши, ставший центром повстанческого движения, а оттуда на Дербентский фронт, где развернулись серьезные бои. В других местах положение тогда было более спокойное, только на Дженгутаевском направлении происходили стычки.

Он был утвержден начальником левого участка фронта. Средним участком командовал Абдулла Камахский, а правым – Аллаверды Акимов. Организатором и руководителем лезгин Самурского округа, сражавшихся под Дербентом был ахтынец Абас-Ага Эфендиев. Гамид, по поручению Бакинской партийной организации, проехал в Дагестан через Ахты и организовал там окружной Революционный комитет. Основной фигурой в этом комитете был Абас-Ага. В борьбе с деникинцами в Южном Дагестане в этот период он играл большую роль.

В дербентских боях с начала и до конца не было общего для всех, единого командования. Отряды лезгин, табасаранцев и даргинцев действовали обособленно. Штаб в Нарын-Кала если и представлял кого, то только даргинцев. А Аллаверды и Абдулла не бывали там, они имели свои штабы. Ни они оба, ни Гамид фактически не были связаны со штабом, так как последний не был способен осуществить какое-либо военное руководство, но вопросами продовольствия для повстанцев он занимался.

В ЭМИГРАЦИИ

В Баку наши товарищи разместились в разных местах. Коркмасов, насколько помнится мне, жил у ахтынца инженера Эфендиева Абдулкадыра. Некоторые поместились в четырехэтажной кирпичной гостинице на Телефонной улице, принадлежавшей одному грузину. В одной комнате на нижнем этаже помещались я, Ибрагим Махмудов и Загид. В верхних этажах была семья Ковалева Петра. Гамид, Шеболдаев, Гавриленко часто заходили к нам.

По прибытии в Баку мы установили связь с рабочим клубом, бывали там. Здесь мы впервые познакомились с деятелями Рабочего клуба, в частности с Полиным. Он активно помогал нам. Через него Крайком партии передавал нам деньги. Деньги предназначались на организационные расходы для продолжения в Дагестане борьбы с белыми, на содержание партизан и революционных активистов, оставленных на Яламе и в Худате. Средства на содержание этих товарищей передавались Гамиду. К нему приезжали и представители партизан за деньгами.

О нашем пребывании в Баку стало известно муссаватистскому правительству. За нами была установлена слежка. Около гостиницы появились шпики. Товарищи из Рабочего клуба говорили, что после нашего приезда уси-

лилась слежка полиции и за клубом. Эти же товарищи сообщили нам, что в правительстве муссаватистов идут разговоры о нашем аресте. По этому поводу состоялось совещание. На совещании были Шеболдаев Б., Гамид, Коркмасов Д., Атаев Джалал, Гавриленко, Магомед Далгат, Полин, Махмудов, я и еще кое-кто. Полин и Шеболдаев информировали нас об отношении к нам муссаватистов, о подготавливаемом ими аресте, прибывших из Дагестана, большевиков. Шеболдаев рассказал о том, что достигнута договоренность с Дагестанским представительством, находившемся в Баку, о заготовке для нас фиктивных документов.

На совещании было решено немедленно разъехаться по разным городам и районам Азербайджана и Грузии. В Баку оставались Б. Шеболдаев, Гамид, Гавриленко. Гамид на следующий день должен был выехать в Крайком партии, а Коркмасов тоже в Тифлис для переговоров с горским Меджлисом, который по слухам, работал над подготовкой восстания против Деникина на Северном Кавказе.

Получив фиктивные документы, мы разъехались по заранее указанным местам. Я получил удостоверение на имя Керимова и поездом выехал до станции Евлах, а оттуда – конным фургоном на Нуху, место, где я должен был ждать вызова из Баку.

После скучной езды по пыльной степи прибыли в Нуху. На главной улице по узкому тротуару, навстречу нашему фургону идут двое в военной форме без знаков отличия. Наши глаза встретились. Я узнал их. Не сбавляя шаг, улыбаясь и взяв под козырек они приветствовали меня, я ответил тем же. Один из них был тот самый офицер, который, при отступлении из под Кадара, пытался завладеть арбой крестьянина, другой – его товарищ. После июньского восстания они, видимо, также ушли через горы в Азербайджан.

Фургон въехал в большой двор двухэтажного караван-сарая. Я схватил свой саквояж и соскочил одним из

первых с повозки, но не успел осмотреться, как оказался в окружении полицейских в серо-синих мундирах. Их было человек десять. Полицейский офицер подошел ко мне и потребовал документы. Рука машинально опустилась в карман, где лежал браунинг. Офицер подался назад, полицейские немного расступились. Я вспомнил о своем удостоверении. Подумал, что может быть это недоразумение, а главное – ясно представил себе, что сопротивление бесполезно – уйти мне все равно некуда. Из нагрудного кармана вытащил удостоверение и протянул офицеру. Тот оглядел его, пристально посмотрел на меня и предложил идти в управление начальника уезда. Мне ничего не оставалось, как следовать за ним. Конвоируемый группой полицейских-стражников, я пошел по городу. Переходя перекресток, я увидел, спускающегося по боковой улице, Амирхана Гамринского. Он узнал меня и, сделав рукой еле заметный знак, быстро скрылся в переулке.

Меня привели к начальнику уезда. При подъеме на второй этаж на деревянной лестнице мы встретились с офицером в черкеске и папахе, похожем на дагестанца. Потом я узнал, что действительно это был наш земляк из села Кутиша Даргинского округа Абакарилов Магомед. Не знаю, где он работал, больше там его я не видел, но узнал, что он живет в Нухе с семьей.

Начальник уезда русский офицер с бородкой, принял меня не сурово. Спокойно спросил откуда и зачем приехал, кем являлся в Дагестане в период июньского восстания. Тут я понял, что меня выдали те двое, что встретились на улице.

Я потребовал объяснить причину ареста.

– Вы большевик. И этого достаточно для вашего ареста, – ответил начальник уезда.

На мой вопрос, откуда у него такие данные, офицер ответил:

– Вы не Керимов, а Далгат, один из тех, кто прибыл к нам из Дагестана мутить воду! – и приказал дежурным обыскать, обезоружить и отвести в крепость.

Меня препроводили в крепость и заперли в цементный подвал. Ночью мучила жажда, хотелось пить, но на мои призывы никто не отвечал. Утром открыли камеру и дали полусгнивший арбуз и кусок лепешки.

После обеда опять повели к начальнику уезда. Там сидели двое: один – в гражданской форме и в шляпе, другой – в военной, оба азербайджанцы. Военный, как увидел меня, стал ругать большевиков. Штатский не дал ему договорить и, с важной напыщенностью, откинувшись на спинку стула, заговорил поучительным тоном. Он говорил, что они, азербайджанцы, сочувствуют своим единоверцам-дагестанцам, которые борются против Деникина, но дагестанцы неправильно поступают, работая совместно с русскими большевиками и сами становясь большевиками.

– Вы тоже большевик, это мы знаем точно. Вы приехали к нам в Азербайджан, чтобы и тут сеять свои идеи и вербовать наших людей в свои отряды. Мы не разрешим этого. Дагестан должен быть с нами, а вас, большевиков, мы уберем всех. Если хотите вернуться на Родину, не скрывая, расскажите, сколько наших людей вы завербовали в большевистскую организацию, покажите описок всех этих людей!

Было ясно, что муссаватисты знают меня. Отпираться было бесполезно. Я сказал, что действительно приехал из Дагестана, скрываясь от деникинских банд, и сейчас собирался обратно через горы, что никаких людей я не вербовал в Азербайджане и не мог этого делать. Штатский вскочил с места, кивнул офицерам головой и быстро направился к дверям. Через пять минут меня вели обратно в крепость. Удивляло такое неожиданное прекращение допроса.

Вечером в темную камеру-одиночку опять принесли арбуз с лепешкой. После ужина меня охватила дрожь. Началась тропическая лихорадка. Часа два трясла она меня. После приступа, лихорадки я полулежал в темноте

на цементном полу, весь потный. Вдруг открылась дверь камеры и меня вызвали. Лунная ночь. Меня вывели на большой двор. В глубине его была группа людей. Меня повели к ним. Четыре человека заключенных, в одном нижнем белье, стояли кучей, окруженные солдатами.

Офицер скомандовал что-то и все тронулись с места. Меня заставили идти с группой арестованных. Обросшие, худые, рослые они шли молча за руки привязанные друг к другу. Остановились у верхней крепостной стены. Здесь нас поставили в ряд спиной к стене. Я понял, что будут расстреливать. Не хотелось верить, что так быстро и без определенного обвинения могут расстрелять, но факт был налицо. Солдаты, их было около взвода, выстроившись в ряд, ожидали команду. Двое офицеров ходили около, подбадривая их.

Раздалась команда и солдаты вскинули винтовки. Залп. Все четверо упали рядом со мной. Я был цел. Стало очевидно, что меня хотят запугать.

– Дагистанли кабага чик! – скомандовал офицер.

Я еще раз оглянулся на упавших, и вышел вперед.

– Мы вас оставим господин большевик на завтра! – сказал он и пошел прочь. Двое солдат отвели меня в тюрьму и сдали надзирателю.

После обеда следующего дня меня опять повели в полицейское управление к уездному начальнику, который был один у себя в кабинете. Он вновь допрашивал меня, вновь предлагал дать списки азербайджанцев, завербованных мной в большевистский отряд. Когда я рассказал, что произошло в крепости, начальник ответил:

– Действительно они могут прикончить Вас, как большевика, но будем надеяться, что этого не случится. Мы запросили о Вас, когда и зачем вы приехали в Азербайджан.

Офицер отослал меня в крепость, не составив протокола допроса.

В ту же ночь, под самое утро меня опять вывели на учебный плац крепости, на этот раз одного, без товари-

щей. Более часа ходили вокруг меня несколько человек солдат и те же офицеры, которые проводили расстрел, ждали еще какого-то человека, видимо, арестанта, приговоренного к смерти, и не дождавшись, повернули назад, разразившись площадной бранью.

Вскоре, после возвращения в подвал, рассвело. Мне опять принесли поларбуза и кусок чурека, но я не мог и смотреть на них – был приступ лихорадки.

Весь день и вечер меня не тревожили, но состояние было отчаянное – ненависть, злоба, обида нарастали по мере того, как мной овладевала физическая слабость от приступов лихорадки. Отвратительная картина расстрела не выходила из памяти.

Прошел еще день. Приступа лихорадки не было. Пища моя состояла из арбуза и черствого куска чурека. Горячее не давали, не давали и воды. Видно, турецкие офицеры представили меня муссаватистам как большого «преступника».

Я терялся в догадках – неужели и других товарищей наших может постигнуть такая участь? Неужели правительство муссаватистов пойдет на арест, большевиков Дагестана, временно скрывшихся на их территории? Единственной надеждой была встреча с Амирханом Гамринским. Я был уверен, что наши знают о моем аресте и предпримут все возможное.

На пятый день, одетый в черкеску с погонями человек, как он мне сказал, из комендатуры, явился ко мне в камеру и, отослав надзирателя, передал записку. Инженер Зульпукаров писал, что скоро я буду освобожден. Записку офицер забрал обратно, не ответил ни на один мой вопрос и удалился. Прошло еще два дня в томительном ожидании. Меня не вызывали никуда. Приступы малярии повторялись через день. На седьмой или восьмой день часов в десять утра тот же офицер в черкеске повел меня в город. На одной из улиц, недалеко от канцелярии уездного начальника, я увидел Зульпукарова Абдулмеджида,

беседующего с каким-то рослым азербайджанцем в черкеске и высокой папахе. Оказалось, что они ожидали нас. Зульпукаров по-даргински коротко объяснил, что это влиятельный человек и будет способствовать моему освобождению. Оказалось, что обо всем ему рассказал Амирхан в день моего ареста.

Мы пришли к начальнику уезда. Офицер, сопровождавший меня, вышел, оставив нас в кабинете у начальника. Тот был очень любезен, все улыбался высокому азербайджанцу и моему земляку, но когда они заговорили о моем освобождении, не решился исполнить их просьбы, хотя наш спутник настаивал. Выяснилось также, что и материалов на меня нет особых.

Понял я, что был прав в своих предположениях о двух «турецких» офицерах и сказал об этом начальнику уезда. Он подтвердил мои сомнения. Но теперь я был совершенно спокоен – по дороге сюда Абдулмеджид сказал мне, что все наши живы и никто не арестован.

Начальник уезда обещал скоро выяснить и закончить мое дело. Зульпукаров и его знакомый ушли.

– Мы не будем ждать их решения! – бросил мне Абдулмеджид, выходя из кабинета.

Меня отвели в крепость сразу же после их ухода.

В тот же вечер после полуночи открыли мою камеру. После приступа лихорадки я лежал прямо на полу: так ничего и не дали, чтобы постелить под себя. Когда открылась дверь, я не знал что предположить – еще один расстрел без смерти, или настоящая смерть.

К моему удивлению за мной пришел тот офицер, который приносил письмо Зульпукарова. Я молча вышел из камеры. Осторожно поднялись по лестнице во двор, пересекли всю площадь и остановились у высокой крепостной стены. К стене был прислонен короткий шест. Офицер был тот же, но я в ночной мгле заметил, что на нем уже не было погон. На чистом русском языке он предложил мне лезть по шесту на стену и спрыгнуть по ту сторону.

– Там все время держитесь левее, Вас будет ожидать подвода. На ней поедете к инженеру! – закончил он, даже не переходя на шёпот.

На мой вопрос кому я обязан этим побегом, он махнул рукой. Несмотря на полную физическую разбитость, стену я преодолел легко и спрыгнул недалеко от мелкого кустарника. Минуту постояв, пригибаясь к земле, пошел в указанном направлении. Примерно через час я вышел к шоссейной дороге, ведущей от Нухи к Закаталам. У подпорной стенки на повороте заметил облокотившегося человека, прилег к земле и стал наблюдать за ним. Тот не двигался. Я тихо свистнул. Человек отошел от стенки, зашагал по шоссе. Кругом была тишина. Мелькнула мысль, не провокация ли вся эта история с побегом. Но отогнав эту мысль, осторожно прислушиваясь, я пошел наперерез неизвестному и подошел к обочине дороги прямо перед ним.

– Кто ты? – спросил незнакомец по-азербайджански, остановившись.

– Ты один, или с подводой? – в свою очередь, задал вопрос я.

– Ты из лесу или крепости?

– Из крепости, – ответил я.

Тогда незнакомец переменялся, спросил, знаю ли я инженера Зульпукарова. Убедившись, что не ошибся, он заявил, что ему поручено показать мне дом инженера. Я последовал за ним. Вскоре мы пришли к дому, где жил Абдулмеджид.

Зульпукарова я знал с 1917 года. Он являлся одним из видных членов социалистической группы, в 1917-18 годах был комиссаром Даргинского округа. После падения Советской власти в 1918 году он уехал из Дагестана. Когда после восстания мы эмигрировали в Закавказье, он работал там, в городе Нуха по своей специальности – ведал оросительной сетью и водопроводами тех районов. И будучи в Азербайджане он не терял связи с дагестанца-

ми, жил нашими общими интересами. Этот выдержанный, солидный, образованный горец внушал к себе уважение, пользовался авторитетом у своих земляков. Я застал его вместе с Амирханом. Дома кроме нас никого не было. Большой стол в середине комнаты был накрыт. Оба земляка радостно встретили меня.

Здесь я узнал как был освобожден. Оказывается Амирхан, увидев меня на улице арестованным, побежал к Абдулмеджиду и сообщил об этом; через едущего в Баку кустаря-лакца, сообщили и в Баку. Шеболдаев с тем же лакцем прислал записку: «будут немедленно приняты меры». Офицер, работавший в комендантской крепости, был аварцем из Закатало-Белоканских районов. Рослый азербайджанец, ходатайствовавший за меня – из местных нухинских помещиков. Звали его Лутфалибек Амирджанов. К нему, как влиятельному человеку, обратился Абдулмеджид с просьбой о помощи, но и это не помогло. Тогда Зульпукаров, не дожидаясь решения муссаватистской администрации и не ожидая, пока из Баку сумеют мне помочь, решил устроить побег с помощью того же знакомого офицера аварца, с которым прислал мне записку. Абдулмеджид рассказывал, что если бы он не торопился, полиция муссаватистов могла бы воспользоваться случаем и расстрелять меня вместе с приговоренными. Он говорил:

– Сейчас здесь обстановка такая, кто что хочет и как хочет творит безобразия. Если попадешь им в руки – не отпустят, если удастся уйти – тобой и заниматься не будут. Я не особенно надеялся, но дело оказалось проще – достаточно было уговорить одного человека, а он из наших – аварец, и никто не мог помешать побегу. Завтра же о тебе забудут, если не останешься здесь!

В беседе прошло время. Начало светать. Человек, который привел меня сюда, оказался фаэтонщиком, нанятым Зульпукаровым. Он должен был доставить меня и на новое место жительства. Я выбрал Закаталы – там жил и работал наш родственник, лакец Кажлаев Магомедхан,

военный врач. Амирхан должен был сообщить в Баку нашим мой новый адрес.

Поблагодарив земляков и попрощавшись, я выехал, торопясь уйти подальше от города пока на дорогах было безлюдно. В Закаталы прибыл к вечеру. У доктора я жил около месяца, и все это время чувствовал себя как дома.

Как-то Магомедхан узнал от земляков-кустарей, что из Дагестана прибыли лакские революционные активисты, наши товарищи Гадис Гаджиев, Адам Жилиев и другие. Они верхом пересекли главный кавказский хребет. Я попросил, чтобы их пригласили к доктору, но оказалось, что они выехали из города, боясь преследования местных властей, настроенных против лиц, прибывающих из Дагестана, считая их опасными большевиками.

Время проходило в бездействии, приступы лихорадки меня уже не беспокоили, но сидеть без дела было тяжело. Амирхан сообщил из Нухи, что наши уже знают о моем бегстве и ждут меня в Баку. Затем получил телеграммы от Гамида и Шеболдаева. Борис писал, чтобы я выехал в Тифлис. На второй день я уже был в пути. Ехал на линейке через Лагодехи, пересек Алазань, добрался, кажется, до станции Цнорис-Цхали и, по Кахетинской железной дороге приехал в Тифлис. На «Шайтан-базаре» от лакцев-кустарей разузнал кто здесь из дагестанцев, нашел Дж. Коркмасова и А. Тахо-Годи, У. Куркиева, у которого скрывались некоторые наши товарищи, прибывающие из Баку, узнал, что и Габиев здесь, что Гамид тоже приезжал в Тифлис. Здесь же узнал о новом мощном всенародном восстании в Дагестане.

Как только дошла весть о восстании мы стали набирать добровольцев – военных специалистов для отправки в Дагестан. Этим же занялся и меджлис. По рекомендации меджлиса с группой военнослужащих в Дагестан был направлен турецкий офицер Кязимбей. Соглашаясь на посылку против Деникина турецких офицеров, наши учитывали, что в восстании участвуют самые различные

слои населения и для многих из них турки еще продолжали оставаться притягательной силой. Меджлис снаряжал Кязима в поход на свои средства. Из бесед с деятелями меджлиса Коркмасов и Тахо-Годи установили, что Кязимбей властолюбивый, авантюристического склада человек, но знающий военный.

В одно из посещений меджлиса был разговор и о людях Али-Гаджи Акушинского. Выяснилось, что меджлис хочет тесно связаться с устатом, что у них был сын Али-Гаджи-Магомед и приближенный устада Ахмед. Через два дня в Баку наши рассказывали, что Магомед и Ахмед вели переговоры в Баку с большевиками, бывали в рабочем клубе, встречались с представителями Азербайджана, ездили в Тифлис и сейчас собираются возвращаться домой.

Вскоре Коркмасов и я выехали в Баку. На вокзале нас провожал А. Тахо-Годи. Если не ошибаюсь, там был и Саид Габиев.

В Баку прибыли поздно ночью. С нашими встретились на следующий день в гостинице. Здесь были Шеболдаев, Гавриленко, Коркмасов, Магомед Далгат, Казбеков и, кажется, Атаев Джалалутдин. Обсуждались вопросы, связанные с событиями в Дагестане, о вооружении, о средствах для борьбы с Деникиным и отрядах добровольцев – военных специалистов.

В это время Гамида не было в Баку. Он выехал в Дагестан со своим отрядом активистов – революционеров, ожидавших в районе Яламы-Худат. Краевой Комитет партии и вновь восстановленный Дагестанский Областной Комитет торопили его, чтобы на фронте установить наше, большевистское влияние. Преследовалась и другая цель – опередить Кязимбея, собирающегося направиться со своими людьми к Дербенту.

Областной комитет еще не был готов к выезду, тянули со сборами. На этом совещании Шеболдаев критиковал товарищей за медлительность. Казбеков и Гаври-

ленко докладывали о завербованных Крайкомом и Областным Комитетом для отправки в Дагестан военных специалистах. Бойцы, разбитой на Северном Кавказе одиннадцатой Красной Армии рассыпались по всему Закавказью. Среди них были набраны специалисты-подрывники, связисты, артиллеристы, пулеметчики. Группа русских красноармейцев была и в составе отряда Кязимбея. Кязимбею мусаватистский парламент дал разрешение следовать по железной дороге до самой границы Азербайджана – реки Самур, представил в его распоряжение вагоны. Нужно было решить вопрос об отправке и наших бойцов. Предпринятые накануне попытки Казбекова и Шеболдаева получить разрешение на отправку их по железной дороге не увенчались успехом, мусаватисты отказались пропустить большевистский отряд через свою территорию. Дело довели до председателя парламента, но и это не помогло. Перевезти людей в Дагестан надо было любыми средствами. На совещании было решено попытаться отправить отряд нелегальным путем, подкупив администрацию дороги, а если и это не удастся – вести бойцов маршем до самого Самура. Начальником отряда был назначен я. Казбеков и Гавриленко в тот же вечер должны были пойти на станцию и установить связь с железнодорожниками. На следующий день вечером я и Гавриленко пошли на вокзал к военному коменданту станции, с которым Казбекову и ему уже удалось договориться. В заднем крыле станции помещался военный комендант офицер-азербайджанец. Мы несли с собой полные карманы азербайджанских денег, предназначенных коменданту как вознаграждение за его «услуги», т.е. взятку. Прежде чем начать разговор мы вытащили из карманов четыре нетронутые связки денег азербайджанскими кредитками и положили их на стол. Не говоря ни слова, комендант быстро бросил их в ящик стола, как будто это была его торговая выручка. И больше ни одного слова о деньгах не было произнесено между нами.

Офицер был довольно приветлив и словоохотлив. Объясняя причины, почему наш отряд приходится переправлять тайно, он пустился в пространные рассуждения о том, что они, азербайджанцы, очень сочувствуют своим братьям-дагестанцам, самоотверженно борющимся с деникинцами, но не могут открыто поддержать нас, потому что боятся, что Деникин нарушит демаркационную линию и двинет свои войска на Баку. С ним нельзя было не согласиться. Национальная буржуазия Азербайджана, муссаватисты смертельно боялись потерять власть. Поэтому в парламенте целый день дебатировали они вокруг вопроса пропускать в Дагестан Кязимбея с его отрядом или нет.

Комендант изложил нам уже подготовленный им план отправки нашего отряда: люди будут посажены ночью в запломбированные вагоны, на эти вагоны будут выписаны документы с местом назначения Ялама. А там будь, что будет! Как мы дальше уведем людей – это коменданта не касалось. Он прямо заявил, что не сможет ничем помочь в случае какого-либо недоразумения в пути. Комендант неоднократно повторял, что рискует потому, что хочет помочь дагестанцам, подчеркивал, что Азербайджан и Дагестан должны быть вместе. Офицер, безусловно муссаватист, выдавал чаяния азербайджанских националистов, мечтавших присоединить к себе по крайней мере Южный Дагестан, о чем бакинская буржуазия говорила открыто.

Мы условились, что в следующий вечер в час ночи приведем своих людей к самым отделенным путям позади станции, там, где их должны были ожидать два вагона. Трудно было доверять коменданту, но легких дел у нас тогда не было. Рабочие депо говорили, что офицер испугается продать нас и сдержит свое обещание. Так оно и случилось.

Бойцы наши были собраны у верхней окраины города в старом помещении без окон и дверей. Ночью мы по-

вели их на станцию. Точно в указанном месте на отшибе нашли два товарных вагона, предназначенных нам. Я остался с людьми, Гавриленко пошел за комендантом. Вскоре они появились вместе.

С большими предосторожностями бойцов посадили в вагоны. Все понимали серьезность положения и вели себя тихо. На двери наложили пломбы, а мне вручили документ, в котором было сказано, что в вагонах находится шерсть, отправляемая до Яламы. Комендант обещал прицепить наши вагоны к первому отходящему пассажирскому поезду, а кондуктор объяснил, что путевые документы на вагоны будут находиться у начальника поезда и что вагоны будут отцеплены на Яламе. Гавриленко ушел в город, а я – на вокзал брать билет на первый же отходящий в сторону Дербента поезд.

Часа через два подали наши вагоны и прицепили к пассажирскому поезду. Я сел в пассажирский вагон. До Яламы доехали без всяких приключений. Здесь наши вагоны отцепили и поставили перед вокзалом, чуть в стороне, на вторых путях. Я уже был на станции и наблюдал издали за одиноко стоявшими вагонами. Прошло не более четверти часа, из здания вокзала вышли два офицера азербайджанца. Они, громко разговаривая, пошли через пути, мимо стоявших там вагонов. Вдруг оба офицера остановились, прислушались, осмотрели низ вагона и остолбенели. Через секунду один из них побежал к казармам, расположенным в 300-400 метрах напротив станции, а другой, с наганом в руке, остался караулить.

Оказывается, это были офицеры, стоявшего на Яламе пограничного полка муссавистов, навеселе возвращающиеся в казармы. Проходя мимо товарных вагонов, они слышали людской шёпот и увидели, как протекал вагон. Станционное начальство, заметив поведение офицеров, высыпало на перрон. Я стоял там же в напряженном ожидании, беспомощный что-либо предпринять.

Тем временем из казармы выходили аскеры в папахах и мундирах и стали выстраиваться повзводно. Когда набралось около сотни, предводительствуемые офицерами, они гуськом побежали к вокзалу и окружили оба вагона. На вагоны наставили пулеметы. Так прождали, пока не подошел худощавый рослый командир, оказавшийся командиром полка. Он и начальник станции довольно долго рассматривали какие-то бумаги, очевидно железнодорожные накладные, а другие офицеры сняли пломбы и раскрыли двери переднего вагона. Русские солдаты, тесно заполнившие вагон, как ни в чем не бывало, с любопытством, улыбаясь, смотрели на столпившийся народ и наведенные на них ружья и пулеметы. Темноволосый, загорелый с подстриженными усами, немолодой красногвардеец, старшой вагона, сразу увидел меня на перроне, поднял руку и закричал.

– Товарищ Дал...! – и осекся.

Я видел, как сзади другой толкнул его в спину. Красногвардейцев вывели из вагона и, усадив прямо на путях, открыли второй вагон. На лицах военных и железнодорожников видна была полная растерянность, когда и во втором вагоне оказались русские солдаты и рабочие, по-разному одетые. Под дулами пулеметов и ружей всех повели и усадили как арестантов прямо на земле между вокзалом и товарным складом. Пограничники двойным кольцом окружили ребят. Командир полка и начальник станции скрылись в здании вокзала.

Все время, пока происходили эти события, я обдумывал, как вырвать товарищей из муссаватистского плена. Надо было действовать, и я избрал, как мне тогда казалось, единственно возможный в этих условиях путь.

Узнав, что начальство находится в кабинете дежурного по станции и по телеграфу ведут переговоры с Баку, я вошел в кабинет и заявил начальнику станции, что эти люди направляются в Дагестан и поэтому их нельзя задерживать. Оба офицера вскочили с места, уставились на

меня как ошалелые, готовые повидимому схватить неизвестно откуда взявшегося защитника.

– Вы не удивляйтесь, – сказал я, – это отряд добровольцев, следующий в Дагестан. Я начальник отряда и должен немедленно двигаться с людьми через Самур!

Начальник станции перебил меня:

– Позвольте, а почему Вы провозите людей тайно, ведь у нас документы на оба вагона?!

Вот тут я и схитрил, оказал, что мой отряд – часть отряда Кязимбея, который на днях проследовал в Дагестан, а везли людей в закрытых вагонагах, чтобы не платить за проезд. Командир полка заявил:

– Нет, молодой человек, вас не пропущу. Вы большевики! Но раз вы заявляете, что это часть отряда Кязимбея, запросим Баку.

Тогда я попросил начальника станции связаться по телефону с кабинетом председателя парламента муссаватистского правительства и передать мне трубку. Я сказал, что сейчас же вопрос будет разрешен.

Это еще больше удивило их, а я продолжал действовать в одном направлении. Немного помявшись, начальник начал вести телефонные переговоры по линии, но ничего не добился. Тогда я попросил передать председателю парламента мою срочную телеграмму и, получив согласие, написал:

– Баку, Председателю парламента, Отряд мой задержан на Яламе, прошу немедленных распоряжений пропуске Дагестан

Кязимбей.

подавая телеграмму начальнику станции, я заявил, что я уполномочен Кязимбеем в случае надобности, действовать от его имени. Мне было известно, что отряд Кязимбея проследовал через Яламу всего три дня тому назад и пограничники даже встречали и провожали его. В ответ на вопросительный взгляд начальника станции командир заявил:

– Что ж передайте телеграмму, подождем что скажут в парламенте. Если ответа не будет, отправим под конвоем всех обратно в Баку!

Он вышел, приказав своему офицеру следить за мной. В ожидании ответа я ходил перед станцией, издали знаками подбадривал ребят, которые, сидя на корточках под дулами пулеметов ждали дальнейших событий. Прошло часа два, ответ на телеграмму не поступал. Если поддельная подпись не поможет, нас заберут в Баку. Но другого выхода не было.

Со стороны Дербента подошла дрезина, с которой слез и стал прогуливаться по перрону вокзала офицер в чине подполковника, плотный, усатый кавказец, в мундире и папахе. Все начальство окружило его. У дежурного по станции я узнал, что это начальник охраны Закавказской железной дороги, совершающий инспекционный объезд, ингуш по национальности. Когда он остался с одним собеседником, я подошел к нему и представился как дагестанец.

– Дагестанцы наши братья. Они здорово дерутся. Поздравляю Вас, земляк! – сказал он мне.

Я рассказал ему о нашем положении, хотя он уже был в курсе дела по докладу железнодорожников. Ингуш заявил, что он с удовольствием поможет нам и пошел вместе со мной в комнату дежурного. Туда же пришел вызванный им командир пограничного полка, здесь был и начальник станции. Офицер-ингуш заявил, что они должны не препятствовать, а оказывать помощь дагестанцам и предложил снять охрану и немедленно отпустить наших бойцов. Я объяснил, что мы сейчас же двинемся в путь и через час перейдем Самур. Командир полка не соглашался, но ингуш уговорил снять хотя бы охрану. Все вместе мы вышли на перрон, командир подозвал офицера и приказал снять охрану, а меня предупредил, чтобы не смел уводить людей до получения ответа из Баку.

Было часа три дня. Ингуш уехал, обещав со следующей станции переговорить с Баку. Я поблагодарил его за сочувствие нашей борьбе и пошел к своим. Бойцы встретили меня криками радости. Мы стали обсуждать, как быть. Решили по одному, по два, возможно менее заметно двигаться вверх от станции. Человек десять уже ушли и скрылись за деревьями, а другая группа готовилась тронуться вслед за ними, когда дежурный по станции, махая над головой листом бумаги, позвал меня. Телеграмма на имя начальника станции из Баку гласила «Переправить отряд Кязимбея за реку Самур».

Риск оправдал себя. Бойцы хотели качать дежурного, но он убежал. Мы немедленно тронулись в путь. К заходу солнца подошли к Самуру на несколько километров выше Яламы. Взялись за руки и, образовав бесконечную цепь, падая и спотыкаясь, мокрые, усталые, перешли на тот берег. Через день измученные, но бодрые подошли к дербентским садам. Здесь мы наткнулись на людей Кязимбея. Они продвигались медленно и теперь отдыхали и готовились вступить в город. В отряде Кязимбея было человек сорок турецких чаушей, офицеров и слуг и столько же русских красноармейцев. Эти бойцы Красной Армии и люди моего отряда встретились радостно, они знали друг друга по Одинадцатой.

Тут же на поляне стояла палатка, у которой возились турецкие чауши, рядом две лошади и несколько качирей. Гнедой и вороной арабской породы жеребцы принадлежали Кязимбею. Ими любовались все. Около палатки, положив ногу на пень, окруженный толпой дагестанцев, с гордой осанкой, стоял человек в белоснежной, лохматой, высокой кавказской папахе. Мне сказали, что это и есть Кязимбей. Видно было, что он чувствует себя большим хозяином. Рядом с ним стояли цудахарцы Гази-магомед, Идрис, Асадулла, Гаджи, мекегинец Абдулла, мугинец Абакаргаджи и другие видные даргинцы. Меня удивило такое окружение турецкого офицера. Почему

именно даргинцы, да еще так далеко от своих краев встречают его? – думал я, так как не был в курсе событий.

После приветствий и обычных расспросов – «яхши-хош» – земляки представили меня Кязиму. И тут произошло неожиданное. Сделав грозное лицо и повысив голос, Кязимбей спросил меня по-турецки:

– А как тебя с бойцами пропустили через Яламу?

Я ответил, что так же, как и его отряд.

– А кто тебе разрешил от моего имени посылать телеграмму парламенту?! – крикнул он, выругался по-турецки и поднял нагайку, намереваясь наотмашь ударить меня. Я выхватил из кармана браунинг и, пока рука офицера была навесу, наставил его дулом ему в грудь. Не знаю, что бы произошло, сумел бы он опустить на мою голову нагайку или я бы опередил его, выпустив заряд, если бы нас на миг оставили без постороннего вмешательства.

Казимагомед схватил руку Кязимбея, а Абдулла Мекегинский – мою.

После этого случая и до самого бегства его из Дагестана, при каждой встрече со мной, Кязим бывал приветлив.

БОИ ЗА ДЕРБЕНТ

Мы прибыли в Дербент в самый разгар боев.

Двигались общей колонной ночью и в темноте подступили к городской стене. Держим направление на Верхние ворота. Вражеские прожектора обнаружили нас. Вся местность вокруг города была освещена. Военные корабли белых с моря открыли ураганный огонь. С вокзала, с берега, с бронепоездов тоже били из орудий. Подхватив раненых и убитых, колонна прошла в ворота. Обстрел верхней части города, крепости и подступов к воротам продолжался еще часа два и внезапно прекратился.

В ту же ночь в крепости было созвано совещание военачальников и членов штабов.

Я имел указание: когда доберемся до Дагестана соединить бойцов моего отряда с теми красноармейцами, которые были в составе отряда Кязима. Гамид, присутствовавший на совещании, не согласился с этим. После совещания вместе со мной он пошел к отряду, вывел бойцов из крепости и расставил группами в верхней части города, на разных участках фронта. Часть бойцов попала к лезгинам, часть – к табасаранцам и часть – на левый участок, к даргинцам.

Красногвардейцы в последовавших боях дрались замечательно, заражая энтузиазмом и верой в победу неопытных в такой войне крестьян. Красноармейцы – коммунисты, которых в отряде было человек десять, служили примером в бою, всегда находились впереди.

Верхние кварталы города были в руках повстанцев. Бои шли за каждую улицу, за каждый переулок. Казаков приходилось выбивать из каждого дома. Для этого проламывали стены, ручными гранатами сносили крыши, подолгу выжидали в засаде за углом, били противника наповал, вдоль улиц, по ночам шли в атаку, забрасывая дома гранатами. Особо отличались снайперы. С колокольни церкви, откуда противник вел непрерывный ураганный огонь, наши снайперы сбили нескольких пулеметчиков. Известный охотник-муэринец из села Викри Виц-Али сбил с водокачки пулемет. Этот пулемет нервировал всех, он бил и днем, и ночью и где бы ты ни находился – в центре города, за городской стеной, в крепости – всюду его резкий, особый звук резал ухо одинаково, как будто стреляли рядом. Одни говорили, что это японский пулемет, другие – Гочкинс. Долго охотились наши за ним и наконец, приглашенный Гамидом викринец с очень большого расстояния сбил этот пулемет.

На вылазку русские красноармейцы и дагестанцы ходили вместе, вместе дрались. Красноармейцы были

много опытнее, но и наши не хотели отставать. В этих совместных боях складывалась дружба и братство русского красноармейца – рабочего, или крестьянина и дагестанского горца. Еще одно замечательное явление поднимало дух повстанцев – взаимное уважение. В те суровые дни гражданской войны народ Дагестана представлял одно целое, не существовали никакие национальные рамки, никто не выделял даргинцев, лезгин, аварцев, кумыков и так далее, все уважали друг друга как братья и дрались вместе бок о бок. Зато внутри каждой народности все шире развертывалась классовая борьба, которую иногда не так легко было даже заметить, потому что реакционные и имущие контрреволюционные верхи аулов не могли не выступить вместе со всем народом и многие из них принимали даже активное участие в борьбе с белой армией, неизменно стремясь использовать это в интересах завоевания личного авторитета.

В дербентских боях у повстанцев была одна единственная пушка. Эту пушку и пулемет «Максим» передали с самого начала Урахинскому отряду и они были использованы в наступлении на город. «Начальником батареи» был цудахарец до тех пор совершенно не знавший пушку. Снаряды его, то перелетали, то недолетали.

Бои внутри города были очень тяжелые. Жители постепенно начали привыкать к непрерывной стрельбе и не покидали своих домов, если линия фронта была за полквартила от них. Проломив стены дома, освобожденного от противника, мы часто оказывались в комнате, только что покинутой хозяевами. Об этом свидетельствовали дымящийся плов, разложенные фрукты, не тронутая обстановка и вещи.

На второй же день по прибытии в Дербент, Кязимбей решил блеснуть своим полководческим талантом и погнал всех, начиная от штабных, в бой, но снизу ответили таким артиллерийским огнем, что продвигаться вперед оказалось невозможным и атака захлебнулась. На следующий день Кязимбей покинул Нарын-калу, основал

свой штаб в Кемахе и уехал в Даргинский округ в центр восстания к Али-Гаджи Акушинскому.

В дербентских боях почти все время решающей силой у противника была артиллерия. Особенно свирепствовали, недостижимые для нас, стоящие на рейде военные корабли «Карс», «Ардаган» и другие. Они, то подходили близко, к берегу, то отходили далеко в море и беспрерывно вели артиллерийский обстрел.

Было много убитых. Из урахинцев помню, были убиты Ибрагим из Ванаши-махи, Гасан из Мургуха и много других.

Однажды отряд Гамида вел наступление. Взяли полквартила и вышли к боковой улице, контролируемой противником. Через улицу в двухэтажном доме засели белые. Рядом с Гамидом находился наш двоюродный брат Усман. Усман продырявил стену и, высунув в тонкое отверстие дуло винтовки, прицелился. Но засевший в глубине комнаты противоположного дома казак опередил – пуля пробила Усману лоб и он сразу умер.

Многие совершали настоящие героические поступки. Помню, как группа урахинцев и гамринцев во главе с Гамидом во время атаки вырвалась вперед и попала в кольцо врагов. В разгар боя белые, засевшие в соседнем двухэтажном доме, стали забрасывать наших гранатами. Схватка могла кончиться катастрофой. Гамид схватил упавшую рядом бомбу и бросил ее обратно во врагов. Другие последовали его примеру. Возбужденные, в азарте боя уже ни о чем не думающие люди, с невероятной быстротой хватали брошенные в них ручные гранаты противника и забрасывали ими все ближе подступавшие цепи врага.

Горстка храбрецов не только разорвала цепи вражеского окружения, но и выбила белых из двух домов. В это время мы спешили на помощь вырвавшейся вперед группе Гамида. Наша помощь подоспела в тот момент, когда он повел своих бойцов в атаку. Мы вместе с ним бро-

сились на врага, но на открытом месте попали под сильный пулеметный огонь и, отстреливаясь, стали отходить назад – мы слишком оторвались от линии фронта. На поддержку к нам бросились лезгины. Но сплошным артиллерийским огнем им загородили дорогу. Тем не менее, группа Аллаверды прошла через заградительный огонь и с правой стороны поддержала нас. В этих боях из урахинцев особенно отличились Магомед Нуллаев, Умар Алиев, Аптавла Баганд, Сулейман Сулейманов, Халимбек Джигали, Умалат-гаджи, Гадайла Арсламбек, Куртла Мирза, Загид Магомедов и многие другие. Опережая друг друга в схватках и перестрелках с врагами, будто соревнуясь в мужестве, первыми бросались они на занятые белыми дома, отражали атаки многочисленного противника.

В дербентских боях хорошо дрались не только отдельные аулы или народности, а все. Очень активно сражались табасаранцы, лезгины. Их было больше других. На передовой линии были также кайтагцы и кумыки Кайтаго-Табасаранского округа – утемышцы, алхаджакентцы, баршлинцы, янгикентцы, селикцы, татлярцы, джемикентцы и другие. Сюргинцы вместе с верхнедаргинцами находились на Северном фронте. Район действия лезгин был Южный фронт – Дербент – Самур, табасаранцев – Дербент – Берикей.

Боевая группа вооруженных красногвардейцев еще в 1918 году организованная в Кичи-Гамри, в которую входили Али Гамринский (руководитель группы), Али Багомадов, Осман Алиев, Джумагар, Багомад Кукапла, Бухамма-Али и другие, сражалась под Дербентом вместе с урахинскими партизанами.

Вообще весь бывший Кайтаго-Табасаранский округ в развертывании классовой борьбы, в проведении революционных преобразований, в борьбе за передел земли, в вооруженной борьбе горцев Дагестана с внутренней и внешней контрреволюцией, во всеобщем выступлении против Деникина играл очень активную роль.

Бои в Дербенте затянулись, повстанцы несли потери, но пополнений не было, люди устали, снабжение было из рук вон плохое. Между тем деникинцы подвозили все новые силы, а наше вооружение и боеприпасы истощились. Фронт начал разваливаться. Этому способствовала работа агентуры деникинцев и их сторонников среди отсталой части повстанцев. Была еще одна причина этому. У руководства повстанческим движением оказалось немало ненадежных людей. Первыми дезорганизовали и покинули фронт турецкие чоуши, оставленные Кязимбеем.

Началось общее отступление. В этот момент, возвращавшийся с гор Кязим, оказался у самого Дербента. Группа урахинцев – Умалат-Гаджи, Сулейманов Сулейман, Халимбек, Арслан Нурбагандов и другие, – в числе последних покинувшая позиции, встретила Кязимбея, ехавшего на арабском жеребце в окружении целой свиты видных даргинцев. Турок остановил коня и, по своему обыкновению, грубо спросил:

– Откуда вы идете?!

– Из Дербента! – ответил Умалат-Гаджи, поддавшись вперед.

– Почему бросили фронт?! Возвращайтесь обратно! – еще резче окрикнул Кязим.

– А почему ты сам оставил всех нас?! Сам убежал как заяц? – повысил тон и Умалат.

Кязимбей выругался.

– Вы не знаете кто я? Я проучу вас!

Горячий, никогда не размышляющий о том, что будет дальше, Умалат-Гаджи подошел и схватив за узду лошадь офицера, ответил:

– Я знаю, кто ты, мать твою...! Попробуй нас проучить!

Урахинцы встали на одно колено, с шумом зарядили ружья и направили их на Кязима и его свиту. Даргинцы, сопровождавшие турка, соскочили с коней и встали между ним и урахинцами, прося земляков остановиться. Казима-

гомед объяснял, что Кязим назначен Али-Гаджи Акушинским командующим Дербентским фронтом и потому его нельзя трогать. Другие упрашивали Умалат-Гаджи отпустить лошадь Кязима. Кто-то из свиты держал бумагу и, показывая урахинцам, говорил, что это и есть приказ Али-Гаджи о назначении Кязима командующим.

Умалат-Гаджи, продав единственный клочок земли, в свое время ездил и в Мекку и сейчас он был человеком верующим, и имя устада Али-Гаджи не могло не оказать на него воздействия. Да и земляков-даргинцев надо было уважить. Он отпустил уздечку коня турецкого офицера и отошел в сторону. Кязим поехал бледный от злости, покачивая головой.

И всегда так – там, где получал отпор, этот авантюрист всегда отступал. Со дня прибытия в Дагестан он вел себя нагло, самоуверенно, пробовал действовать криком и ногойкой, одновременно демагогически играя на религиозных и национальных чувствах повстанцев. А окружившие его националистические, реакционные, религиозные верхи создавали ему имя, почет, ореол борца за свободу и интересы дагестанского горца, славу большого полководца. В аулах верхи кулачества и духовенства устраивали ему приемы, о его приезде распускали хабары.

БОЛЬШЕВИКИ ДЕЙСТВУЮТ

В Левашах был создан Совет Оборона. Этот Совет по замыслу организаторов должен был представлять весь Северный Кавказ. Его деятельность должна была охватить движение горцев Чечни, Осетии и т.д. В Совет были включены и представители Северного Кавказа, рекомендованные Меджлисом. Однако с самого начала и до конца этот Совет Оборона был чисто Дагестанским и занимался вопросами вооруженной борьбы только народов

Дагестана. Ни как политический орган, ни как административный, ни как военный Совет Обороны не представлял большой силы в борьбе горцев против Деникина. Состав его сам по себе говорил об этом. Там сидели и представители верхушки духовенства, и кулацкие элементы, и националисты, разделявшие взгляды временно отошедших на задний план милликомитетчиков и других реакционных элементов. Там было много таких, которые хотели быть в органах управления, быть на виду, не принимая непосредственного участия в самой вооруженной борьбе, больше суетясь вокруг нее.

Однако в Совете было и революционное ядро, большевиков и революционных активистов, таких как Магомед Шейхов из Казанища, Кумаритов, Мута Рамазанов, Дударов, Ибрагимов, Аминатаев, Ибрагимов Дауд, а позже – Багаутдин Гаджиев, Ахундов.

В аулах в основном осуществляли власть старшины и кадии, довольно значительная часть которых, являлась нетрудовыми элементами. Лишь в больших аулах резко чувствовалось влияние революционных сил, особенно там, где были созданы свои штабы Обороны, или Военные штабы. Аулы сами выставляли людей на фронт, обеспечивали своих бойцов продовольствием, производили очередную замену одних бойцов другими. Большой заслуги Совета Обороны во всем этом не было.

До развернутой деятельности большевиков фактическая сила и значение Али-Гаджи было много выше Совета Обороны. А в Даргинском округе все внутренние вопросы также, как общие, в большей степени чем Совет решал комиссар округа Осман Османов.

Наконец во второй половине сентября Областной Комитет прибыл в Дагестан. С первого же дня своего пребывания в Леваше Обком взял линию на слияние, сближение деятельности Совета Обороны, духовенства во главе с Али-Гаджи, комиссара округа, стал координиро-

вать действия отдельных участков фронта и отдельных повстанческих групп и отрядов.

Особо был рассмотрен вопрос о создании своих, большевистских боевых сил. Специальным решением Обкома партии такая сила была создана в лице подвижного конного, большевистского отряда, который временно назывался Дагестанским Красным полком под командованием члена Обкома партии Гамида Далгата.

Было также решено проверить командный состав повстанцев на фронтах и произвести необходимые замены. Неоднократно обсуждался так же вопрос о необходимости организации сельских Советов на местах и комячек, но к этому делу приступили позже, а пока ограничивались агитационной работой. Пока главное внимание было сосредоточено на том, чтобы охватить большевистским влиянием бойцов на фронте. После дербентских событий я находился в Левашах, участвовал в работе Обкома и был его политработником.

Результаты деятельности Областного комитета партии большевиков оказались быстро, хотя большевики в начале по тактическим соображениям не выступали от имени своей организации. Главным результатом было еще большее расширение массового выступления горцев против Деникина. Вместе с тем началось классовое расслоение повстанческих сил.

Вообще нельзя идеализировать борьбу горцев с армией Деникина. Она не являлась схваткой одних только революционных сил трудового народа Дагестана со своими угнетателями, за революционные преобразования. Не всех участников восстания поднимало на вооруженное выступление классовое самосознание. Вместе с рабочими-отходниками, безземельными и малоземельными крестьянами, хотя и в подавляющем меньшинстве, в движении участвовали имущие силы – кулачество, духовенство, которые преследовали свои узко классовые, националистические, панисламистские и пантюркистские цели. Не-

редко они оказывались у руководства движением. Фактическое положение было такое, что в каждом ауле, хуторе трудовые массы вынуждали идти на фронт и муллу, и кулака, и торговца. В случае недовольства и сопротивления во многих местах их облагали дополнительным налогом на нужды фронта, заставляли приобретать оружие для неимущих, штрафовали и так далее. Бедняк, еще с семнадцатого года в той или иной степени зараженный революционными идеями, понимал, что установление власти Деникина и генерала Халилова, возглавлявшего дагестанскую контрреволюцию, означает возврат к дореволюционным, ненавистным для него порядкам. Больше того, на данном, начальном этапе восстания многие повстанцы не представляли себе, что же будет после изгнания контрреволюции. Батрацко-бедняцкие слои чутьем труженика понимали, что на смену деникинскому насилию должны придти революционные, советские порядки 1918 года, с которыми они уже были знакомы. Это еще недостаточно ясное, смутное понимание постепенно, в процессе борьбы под влиянием большевистской деятельности превращалось в их сознании в знамя борьбы, в цель этой борьбы. Необходимо еще раз подчеркнуть, что этот процесс особенно усилился после того, как, вернувшиеся из эмиграции коммунисты во главе с Областным Комитетом партии развернули свою деятельность по организации и руководству восстанием.

И в период борьбы, и после нее существовало разное понимание и объяснение движения горцев Дагестана против Деникина. С одной стороны были попытки представить это движение чуть-ли не чисто большевистским, а его участников – большевиками.

Другие же отвергали всякое большевистское влияние, не признавали ни классовый характер движения, ни классовую борьбу внутри самого движения. Они считали выступление горцев с начала и до конца стихийным, относили все заслуги успехов борьбы религиозным деяте-

лям во главе с Али-Гаджи Акушинским и представителям буржуазной интеллигенции.

Националистические элементы представляли борьбу горских народов Северного Кавказа и Дагестана, как некое национально-освободительное движение за «свободное» существование, за самостоятельную государственность. Для них и для их идеологии такая трактовка движения вполне подходила. На все это не отвечало действительности.

Если основная масса повстанцев в начале движения еще не представляла себе ясно результаты своей вооруженной борьбы, не подлежит никакому сомнению, что в последующий период борьбы, в результате деятельности большевиков, подавляющее большинство их хорошо знало, что на смену деникинцам придет, знакомый и близкий им еще с прошлого 1918 года, советский строй. Трудовые массы хотели эту власть, дрались за нее.

Отступление горцев из-под Дербента Кязимбей решил использовать для укрепления своего авторитета, как предлог для расправы с негодными ему, «ненадежными» революционно настроенными элементами. Отчасти это ему и удалось сделать. В первую очередь, с помощью реакционных элементов он расстрелял командующего Дербентским фронтом Рамазанова Казима, уроженца Уллу-Ятага. Затем, приехав из-под Дербента в Маджаллис, изгнал оттуда поставленного повстанцами в качестве главного администратора в Маджаллисе, Багомма-Гаджи и восстановил военно-шариатский суд, и с помощью этого суда расстрелял бывшего бакинского рабочего, большевика Магомед-Расула из Маммаула и еще четырех партизан из сел. Маллакент, арестовал товарищей из Кичи-Гамри – Али Гамринского, Османа Алиева и др.

Эта авантюра прошла для Кязима безнаказанно, так как Обком партии только вернулся из эмиграции и только начинал развертывать деятельность. Кязим действовал опираясь на свое окружение из видных дагестанцев, ко-

торые внушали повстанческой массе мысль о том, что турецкий офицер стоит вне закона, что ему все дозволено и любую обиду, исходящую от него, надо переносить безропотно, включая и побои.

После решения Обкома, Гамид приступил к организации конного большевистского отряда. Ядром отряда были урахинцы, где было много красногвардейцев, рабочих-отходников и младших командиров бывших двух Дагестанских конных полков. На специально созванном сходке джамаата Гамид выступил с предложением создать единый центр для восточно-даргинских сил, который координировал бы действия всех повстанцев этого района, ведал бы вопросами вывода на фронт очередного пополнения, взамен уходящих на отдых, вопросами снабжения повстанческих отрядов продовольствием и боеприпасами. Предложение Гамида было принято. В Урахи был создан штаб Оборона.

С первого дня своего существования этот штаб развернул большую деятельность. Штаб взял на учет все общественные земли и земельные участки, самовольно захваченные у общества отдельными крестьянами в разное время. Доход с этих земель поступал в фонд штаба Оборона. В фонд штаба Оборона поступала также часть доходов с вакуфных земель и вакуфного имущества. На полученные средства покупалось оружие, оказывалась помощь семьям партизан. Штаб штрафовал всех провинившихся – опоздавшего на сбор, ушедшего с фронта, совершившего уголовное преступление, высказавшего ликвидаторское настроение, оказавшегося в лагере противника.

Решение штаба по любому вопросу, связанному с борьбой против деникинцев, было обязательным и выполнялось всеми окружающими аулами и хуторами, входящими в объединение. Урахинский штаб Оборона имел свой цейхгауз, в котором зимой 1919-20 годов находились сотни винтовок и ящики с патронами. Начальником штаба

являлся народный учитель Магомед Гасанов, Сунгур-Гаджи Алиев являлся одним из главных фигур в Штабе и начальником арсенала. Другими членами Штаба, помню, были: Сулейман Нурбагандов (канатоходец), Азиз Багомадов, Абдусалам Магомедов, Кади Алигаджиев, Магомед Сулейманкадиев. Штаб Обороны непосредственно подчинялся Гамиду, как командующему сначала объединёнными отрядами восточных даргинцев, а позже – командующему фронтом Петровск-Дербент. Были созданы кавалерийский и пехотные отряды. В кавалерийский входило в первое время до ста пятидесяти урахинцев и около пятидесяти всадников из других селений. Пехотных отрядов была два, в которых насчитывалось примерно триста пятьдесят человек.

Пехотные отряды также, как и кавалерийский, были постоянными, но в отличие от кавалерийского, состав их менялся каждые две недели. Начальником одного отряда пехоты был Учаска-Али – ветеран русско-японской войны, полный георгиевский кавалер, другого – Магомед Нуллаев, старый служака Дагестанского конного полка.

Кроме этих двух постоянных отрядов пехоты и отряда кавалерии, в отдельные периоды урахинцы выставляли дополнительно человек четыреста, а в боях на подступах к самому аулу, например, во второй ноябрьской битве в Ая-Кака, участвовали все, кто мог держать в руках оружие.

Кавалерийским отрядом, состав которого несколько позже дошел до четырехсот человек, непосредственно командовал сам Гамид. Первый выезд вновь организованного отряда конницы в двести сабель был обставлен торжественно. На проводы вышло все общество. На плато Завлакапила Дирка, там, где в июле месяце обосновался деникинский экспедиционный отряд, ныне под большевистским знаменем собирался партизанский отряд. Составляли сотни и взводы, командиры принимали свои части.

Помню, как все это происходило. Перед выстроившимися повзводно бойцами отряда выступил Гамид, который объявил отряд большевистским, разъяснил задачи отряда и обязанности бойца. Он рассказал, что с этого дня каждому бойцу устанавливается жалование на личные расходы в размере 200 рублей в месяц, а продовольствие и фураж поступали из специального фонда.

Впереди отряда в руках пастуха Загида развевалось большое шелковое знамя Областного Комитета партии, то самое, которое я выносил из города Темир-Хан-Шуры. Теперь Обкомом партии оно было передано нашему отряду.

Гамид составил текст клятвы на верность знамени, верность революции. Перед представителями джамаата бойцы принесли присягу.

Перечислю имена командного состава конницы:

Халимбек-Гаджи – бывший старший урядник Дагестанского полка, выходец из малоземельных крестьян, в прошлом отходник – помощник Гамида.

Азиз Багомедов – грамотный, расторопный администратор – второй помощник Гамида.

Асхаб Тувакаров – командир сотни, из бедняцкой семьи, бывший старший урядник Дагестанского полка.

Зубайру Абдулкеримов – командир сотни, бывший вахмистр Дагестанского полка, лучший джигит отряда.

Халимбек Сулейманов – командир взвода, а затем сотни, выходец из бедняков, бывший старший урядник Дагестанского полка.

Омарша Кадиалиев – командир взвода, а затем и сотни, безземельный крестьянин, бывший урядник Дагестанского конного полка, степенный, добродушный, любимец отряда.

Али Сулейманов – бывший урядник Дагестанского конного полка, открытый, подвижной горец, в прошлом рабочий-отходник – командир взвода.

Али Гаджиев – бывший старший урядник Дагестанского полка, знающий военное дело, горец из малоземельных крестьян – командир взвода, а затем и сотни.

Магомед Хангишиев – рабочий-отходник, в прошлом младший урядник Дагестанского полка – командир взвода.

Чупан Чуланов – бывший урядник Дагестанского полка, из бедняков – командир взвода.

Участка-Али – ветеран русско-японской войны, рослый, добродушный горец из малоземельных крестьян – командир первого отряда пехоты.

Магомед Нурбагандов – бывший урядник Дагестанского полка, строгий, справедливый горец, в прошлом рабочий-отходник – командир второго отряда пехоты.

Закарья Багомадов – бывший младший урядник Дагестанского полка, в прошлом рабочий-отходник – командир взвода.

Азиз Иминагаев – известный поэт, рабочий-отходник из малоземельных крестьян – сперва помощник, а затем командир взвода. Какое-то время и он был младшим урядником в Дагестанском полку.

Далгат Мургухский – бывший всадник Дагестанского полка, энергичный, бывалый горец, в прошлом рабочий-отходник – командир взвода.

Таким образом, почти все командиры нашего отряда были бывшими военными. Их знания и военный опыт были умело использованы в борьбе за власть Советов. А об их мужестве и героизме говорят славные дела, совершенные отрядом в борьбе против деникинской армии. Все названные командиры являлись георгиевскими кавалерами, а некоторые имели по четыре креста и были полными георгиевскими кавалерами.

В конном отряде часть командиров не была в прошлом военными. Так командирами взводов были большевик Умар Алиев, Магомед-Расуд Сулейманов, Алтавла Баганд, Вулкадар Мирзоев и два-три человека из других сёл. Я являлся начальником связи, Мухтар Гаджиев – адъютантом начальника отряда, Михраб Адзиев – секретарём, Загид – знаменосцем, Шайхали – начальником ин-

тендантского взвода. Членами Военного Совета был Сулейман Сулейманов, а позднее – и Али Гамринский.

После клятвы, под звуки марша старого зурначи Дагестанского конного полка старика Багомада отряд двинулся в путь. Через Утемыш пошли на Буйнак. В ту же ночь у Изберга взорвали полотно железной дороги и завязали бой с прибывшим на восстановление пути блиндированным поездом. Отряд действовал на всём участке фронта Петровск-Дербент по линии железной дороги, появляясь то там, то здесь. Ему же подчинялись и другие повстанческие отряды, действовавшие на этом участке.

Деникинцы стали концентрировать войска в район станции Каякент, намереваясь пробиться по долине реки Гамри-Озень к Урахам. Добровольцы иногда совершали такие рейды-экспедиции в центры повстанческого движения и места сосредоточения наших отрядов. Сведения о сборах под Каякентом принёс путевой обходчик станции Инчхе, где с сотней бойцов уже побывал Гамид. Мы решили совершить налёт на станцию, чтобы расстроить планы деникинцев и двинулись к Каякенту. За станцией Инчхе встретили группу бойцов-красноармейцев из отряда, который мне пришлось везти из Азербайджана. Они пошли с нами. Через день неожиданным налётом нашего отряда деникинцы были разбиты. В этом бою мы потеряли нескольких боевых друзей – Хапиза из Урахи, двоих хуторян. В бою был ранен помощник Гамида Халимбек-Гаджи.

После Каякентского поражения добровольцы ожесточились и, ночью пробравшись в тыл повстанцев, напали на Маджалис, но были отбиты кайтагцами. Тогда они совершили вылазку на Губден – самый большой аул в Дагестане. Здесь произошли трагические события.

Возглавляемая большевиками и сельскими революционными активистами беднота аула вооружалась, сплавивалась, создавала боевые группы для активной борьбы со своими эксплуататорами. Не дремали и контрреволю-

ционные элементы. В Губдене они составляли большую силу. Тут было много барановодов, землевладельцев-помещиков, торговцев, представителей религиозной верхушки. Они оказывали упорное сопротивление всякому революционному мероприятию. На этой почве в ауле шла острая классовая борьба. Имущие слои всякими способами, используя свое влияние, препятствовали выступлению бедноты против деникинской армии. Но трудовое крестьянство Губдена под руководством своих большевиков и революционных активистов Хизри Адаева, Алибека Киясбекова, Шанавазова Меджида, Карабудагова Ибрагима, Сулеймана, Магомедова Ахмеда, Ахмедова Дауда, Гаджиева Халика и других, ломая сопротивление сельской верхушки, принимало активное участие в повстанческом движении.

Губденское кулачество решило предать интересы родного аула и наказать бедноту. Тайно сговорившись с командованием, расположенных на станции Манас больших сил деникинцев, губденская реакционная верхушка пригласила белых в свой аул.

Большой отряд казаков прошел через Карабудахкент и неожиданно напал на Губден. Весь аул был разграблен, большинство домов было сожжено, много жителей, оказавших вооруженное сопротивление, было убито и ранено.

Такие карательные экспедиции, неожиданные рейды деникинцы временами предпринимали и на другие пункты, но так, как Губден и, в своё время Дургели и Кадар, не пострадал ни один другой аул. Разгром Губдена белыми заставил нас ускорить наступление на Манас, который являлся сильным опорным пунктом деникинцев.

К концу октября – началу ноября на фронтах наступило относительное затишье. Повстанцы были заняты лучшей организацией своих сил, мелкие разрозненные группы сводились в более крупные соединения. Бойцов стали обучать элементарным тактическим навыкам,

строю и стрельбе. В этом деле были использованы турецкие офицеры и чоуши, прибывшие с Кязимбеем и после него.

В наших урахинских отрядах конница и пехота обучались по старому русскому образцу, так как командирами были старые кадровые военные, прошедшие русскую военную школу. Некоторые аулы прифронтальной полосы – Баршлы, Дешлагар, Маджалис превратились в центры сборов и обучения повстанцев. Среди них особенно выделялся Баршлы – центр, где были сосредоточены отряды повстанцев Каякентского направления. Здесь формировались войсковые соединения, обучали бойцов строю, элементарным правилам военного дела и обращению с оружием. Их обучали, главным образом, турецкие офицеры и чоуши. Командиром на Баршлинском участке считался сподвижник Кязимбея – офицер турецкого штаба Осман-Нури. Он ввёл здесь, как и в турецкой армии, палочную дисциплину. Чоуши начали буквально издеваться над бойцами. И мужественным, смелым дагестанцам приходилось терпеть всё это.

Был такой случай, в наказание за какой-то пустяк турецкий офицер сбрил один ус гуллинцу. Его земляки запротестовали и хотели расправиться с офицером. За него заступились его приспешники, и турецкое командование по прямому указанию Кязимбея, расстреляло трёх бойцов из селения Гулли, ложно обвинив в отступлении из-под Каякента. В этот момент один из урахинских пеших отрядов прибыл в Баршли с линии железной дороги на трехдневный отдых. Там же, в Баршлах, находился начальник другого урахинского отряда Учаска-Али, оставленный Гамидом в качестве своего уполномоченного по формированию боевых групп из прибывших с гор повстанцев. Расстрел гуллинцев возмутил Учаска-Али. Во главе с прибывшим на отдых урахинским отрядом он явился на учебное поле, где собрались турецкие командиры и предложил немедленно освободить двух других

партизан, которым угрожала участь гуллинцев. Люди были немедленно освобождены. Учаска-Али послал к Гамиду гонца с докладом о случившемся. На следующий день Гамид с частью конного отряда был уже в Баршлах и приказал немедленно собрать все войска, расквартированные в трёх селениях Баршлы. Собрались и турецкие офицеры, и чоуши во главе с Осман-Нури.

Гамид выступил перед повстанцами, рассказал о положении на фронте, о задачах Каякентского направления и заявил, что он прибыл, получив сообщение Учаска-Али об издевательствах, творимых турецкими чоушами. Гамид тут же приказал Осману-Нури сказать перед повстанцами на каком основании они избивают бойцов и издеваются над ними, почему расстреляли партизан?!

– В Армии должна быть дисциплина, – сказал, выступая вперёд, побелевший от злости, офицер. – Мы прибыли сюда, чтобы обучить людей военному искусству и вводим армейские порядки. Здесь, в Баршлах, я начальник и поступаю по своему усмотрению! А на расстрел гуллинцев я имел приказ Кязимбея!

Гамид был на коне. Указывая ногой на Османа-Нури и обращаясь к повстанцам, он сказал:

– Честь народа священна! Кулак и плётка для дагестанца не подходит! Мы предупреждали их об этом, но они не хотят слушать. Приказываю всем с сегодняшнего дня какой-бы турецкий офицер или чоуш не ударил вас – стрелять на месте!

Гул множества голосов заглушили попытку Османа-Нури сказать что-то.

– Баркалла, Абдул-Гамид! Баркалла, нушала галбиц!¹ – кричали повстанцы. – Теперь мы покажем кто из нас настоящие мужчины!

В этот момент, поднимая пыль, группа всадников подъехала со стороны Маджалиса. Это Кязимбей со своей многочисленной свитой направлялся на Северный

¹ Спасибо, Абдул-Гамид! Спасибо, наш барс!

фронт в район Урмы. На вороном скакуне он ехал как на параде.

– Что здесь произошло?! – грозным тоном спросил Кязим Османа-Нури, едва кивнув головой в сторону Гамида. Все насторожились. Наши подтянули поводья коней и правой рукой щупали эфесы клинков, когда увидели, что Гамид не ответил Кязимбею.

Осман-Нури вытянулся во фронт и рапортовал:

– Абдул-Гамид-Эфенди приказал войску расстрелять нас с тобой и наших офицеров!

– Абдул-Гамид, это неправда? – задал вопрос взволнованный полковник.

– Нет, это правда. Я отдал такой приказ и если вы не прекратите мордобой, он будет выполняться! – ответил Гамид, внешне совершенно спокойно. Но в его глазах бойцы увидели огонёк, который появлялся у него перед боем и в момент атаки.

В другой обстановке Кязимбей показал бы себя, но он уже знал Гамида. Его, как обычно, не «взорвало» на этот раз. Полковник начал «объяснять», что без принуждения всех лиц не выведешь на фронт, что необходимо наказывать их, что такой должна быть воинская дисциплина. Он сказал, что не согласен с незаконным распоряжением Гамида и доложит об этом Али-Гаджи и Совету Обороны. Но Гамид, не обращая внимания на его слова, потребовал тут же при всех подтвердить его приказ. Кязим повернул и тронул коня, намереваясь ничего не отвечая, уехать, но Гамид, привстав на стременах, повторил своё требование. Полковник понял, что ему так просто не уйти и немного помолчав, Кязимбей обернулся к Осману-Нури.

– На этом фронте я не хозяин. Выполняйте приказ большевиков! – оказал он ему и, козырнув Гамиду, поехал прочь.

С этого времени Кязимбей обосновался в Урме, Совет Обороны и Али-Гаджи утвердили его командующим

Северным фронтом. На этом фронте он расставил своих командиров – турецких офицеров – Шукри-бея, Нусрат-бея, Иззет-бея и окружил себя влиятельными, туркофильски настроенными элементами из дагестанцев.

МАНАС

В ноябре на фронтах обстановка были следующая: на Северном, или Шуринском фронте особых военных действий не было. Закрепившись на Кизильярских высотах, повстанцы время от времени делали вылазки в сторону Дженгутая и вели мелкие стычки с противником.

На Южном, Дербентском фронте было то же самое. Прибывающие из Закавказья группы бойцов и командиров Красной Армии вели подготовку к активным сражениям.

Более активными были действия на Среднедагестанском фронте, который по линии железной дороги, широкой полосой от моря и до гор протянулся от Кака-Шура и Манаса до самого Дербента. На этом фронте казаки делали вылазки, нападали на отдельные аулы. Деникинцы крепко держались за железную дорогу, сосредоточив здесь бронированные и блиндированные поезда, подвижные отряды кавалерии и пехоты. Белые всеми силами цеплялись за магистральную железную дорогу, так как её потеря означала не только потерю всего Дагестана, но и большей части территории Северного Кавказа.

Наше командование фронта усиливало нажим на полотно железной дороги на подступах к Петровску и в районе Манаса. Вокруг этой станции рано или поздно должна была развернуться большая борьба. Этот вопрос неоднократно обсуждался и в Областном Комитете партии. После губденских событий было решено тщательно подготовиться к предстоящей операции и стянуть достаточно сил и боеприпасов.

Если бы удалось захватить Манас и закрепиться там, белые в Южном Дагестане оказались бы отрезанными

ми, они были бы вынуждены оттянуть силы с Северного, Кизильяро-Аркасского направления на Петровск и сосредоточить внимание на этом стратегически важном, узловом пункте. Операции под Манасом ускорили бы ход событий, которые произошли гораздо позднее весной 1920 года, когда деникинцы сняли последние заслоны под Манасом и Темир-Хан-Шурой для защиты Петровска, но уже бесполезно, потому что, воодушевленные успехами партизаны с помощью двигавшихся с Севера частей Красной Армии, разгромили последние офицерские батальоны деникинцев и захватили город.

Осенью девятнадцатого года рассчитывать на такой успех было трудно. Тем не менее, сам факт наступления на Петровском направлении через Манас давал большие тактические и стратегические преимущества и любой успех давал нам большой моральный перевес и сеял панику в стане противника.

Учитывая всё это, наши товарищи в Левашах вынашивали такую идею удара на Петровск и обсуждали его с компетентными военными специалистами. В результате этих переговоров в Карабудахкент, где находился Гамид со своими отрядами, от Совета Оборона прибыли Цаликов, Кязимбей и еще кто-то. Ночью было созвано военное совещание, на которое было приглашено большинство комсостава нашего отряда.

Гамид высказался за отсрочку наступления, чтобы лучше его подготовить. Цаликов доказывал, что сейчас нельзя упускать момента, что на Манасе у противника немного сил. От имени Обкома партии примерно такого же содержания письмо прислал Гамиду и Б. Шеболдаев. Кязим сразу же после совещания уехал обратно, Цаликов остался в ауле.

На следующий день мы стали подтягивать силы и готовиться к внезапному нападению на станцию.

На третий день в полночь Гамид выслал заградительный конный отряд на станцию Уйташ с заданием от-

влекать идущие со стороны Петровека на помощь своим воинские эшелоны белых. Проводник карабудахкенец Абдусалам провел отряд по тропам через горы Аспарай.

Пешие группы даргинцев и наш кавалерийский отряд ночью были сосредоточены в районе Карабудахкента. До рассвета двинулись по шоссе вниз, выставив на обоих флангах, по гребням гор цепи пехоты. К рассвету вышли из лощины на равнину и подошли к бугоркам, откуда видна станция. Часть пехоты была направлена по руслу реки и по правому его берегу, остальная широкой полосой образовала цепи.

Начальником артиллерии, то есть единственной пушки, был назначен мекегинец Али Султанбеков. Он с сотней охраны был направлен под гору, справа от реки, откуда видна полоса железной дороги на большое расстояние. Часть кавалерии своего отряда Гамид спешил и присоединил к пехотным цепям, а две группы конных оставил в резерве.

Начало рассветать. Настроение бойцов было бодрое, боевое. Военные операции должны были развернуться в следующем порядке: две пластунские группы в несколько человек каждая, высланные одна слева от дороги, другая – по речной балке, должны принести сведения о неприятеле. А до этого пехота продвигается редкими цепями еще ближе к станции и залегает. Кавалерия, разбитая на две группы, выжидает за старыми кладбищами. По сигналу о начале боя она должна идти в сабельную атаку, охватывая станцию с обеих сторон и, перейдя пути, атаковать вокзал со стороны моря. Одновременно со стороны гор в атаку должна была двинуться и пехота.

Но события ускорил турецкий офицер по имени Камиль. Он стоял во главе одной из групп пехоты. Еще по дороге сюда он без конца кричал, что мы возьмём деникинцев лопатами, камнями. Партизаны посмеивались над его разглагольствованием, но никто не предвидел, что он

и действовать будет так же не обдуманно. Однако офицер оказался авантюристом. Пехота не успела занять даже исходные позиции для атаки, как Камиль, нарушая всякую воинскую дисциплину, поднял своих людей, в числе которых главным образом были губденцы, и, не обращая никакого внимания на другие группы и на командный пункт, повёл их в атаку. Деникинцы открыли по нашим ураганный огонь.

Теперь уже остановить ход событий не было никакой возможности. Надо было начинать наступление.

До этой преждевременной атаки на станции видны были составы поездов, из которых один был броневиком. А когда началась атака из-за одного бронепоезда вышел и другой – они, оказывается, стояли рядом. Оба броневика, растянувшись по путям, заняли большое пространство, почти в ширину всей линии фронта. На каждом бронепоезде было по несколько бронированных вагонов и такие же паровозы, а остальные вагоны были блиндированными. Такое сосредоточение сил под Манасом для нас было совершенно неожиданным.

Гамид приказал коннице начать марш, а сам соскочил с коня и с группой пеших побежал вперёд и повёл цепи в атаку. Нужно было как можно быстрее проскочить огневую полосу и оказаться в «мёртвом пространстве», т.е. подойти на близкое расстояние к поездам, где огонь пулеметов и орудий был не опасен. Там можно было броситься на вагоны в рукопашную и занять их, пользуясь численным превосходством.

Ураганный огонь пулемётов, которые били и с водокачки, и с крыш станции и вагонов, начал косить людей. Теперь отступление, даже при желании, было невозможно. Партизаны, обнажив кинжалы, не разбирая ничего, бежали к вагонам. А взрывы вражеских снарядов покрыли все поле. Впереди атакующих цепей выделялся Гамид, обтянутый в черкеску, в черной папахе с клинком в правой руке.

В тот момент, когда наша конница с левого фланга стремительным броском переходила полотно дороги у задних вагонов бронепоезда, главная масса пехоты выбиралась из полосы огня и подходила вплотную к вагонам. Наши уже не несли больших потерь. Но остановиться люди не могли – со сжатыми челюстями и горящими глазами они бросались на вагоны, часто не соображая даже, что бьют по стальной облицовке.

С кинжалами в руках повстанцы прыгали на блиндированные платформы, лезли под вагоны, стараясь найти снизу вход, переходили на ту сторону поезда. У большинства вагонов снизу были люки. Некоторые партизаны с боем брали их, под ударами и выстрелами деникинцев, запрыгивали в люки, и больше не возвращались. Так в единоборстве с бронированным кулаком противника погибло немало партизан.

Когда цепи партизан шли в атаку наша пушка била то по задкам наступающих цепей, то по станции, то по Каспийскому морю. Под конец Али научился более или менее правильно наводить орудие, но уже было поздно – наши были на вокзале.

Высланные на разведку группы партизан давно уже присоединились к атакующим цепям и одними из первых прорвались к вагонам через заградительный огонь противника.

Группа в составе Алтавла Баганда, Гаджила Баганда и ванашимахинца Магомед Абакарова, которая двигалась по пойме реки к мосту, не доходя до моста, наткнулась на укрепленный пункт врага с пулеметной точкой; завязался неравный бой и только благодаря хитрости они сумели уйти от пулемётного огня. Вот как это было.

Когда пост охраны деникинцев открыл огонь по трём смельчакам, которым совершенно некуда было деваться, партизаны не растерялись и, отстреливаясь, стали оборачиваться назад и махать шапками как бы приглашая идущих сзади итти в обход заставы. А сзади никто и не

шел, но хитрость удалась, враг перепугался, решив что по балке двигается другой отряд партизан, и, прекратив обстрел, выжидая, затаился. Наши разведчики выбрались из балки и присоединились к начавшим атаку цепям повстанцев.

Другая группа разведчиков в составе Абдуллы Амирханова, Азиза Темирханова и Гадайла Арсланбека, направленная по левому флангу, прячась за бугорки и неровности, приблизилась к полотну железной дороги и, перебегая вдоль канавы, добралась до маленького мостика, совсем близко от последних вагонов бронепоездов. И в этот момент началась атака. Под обстрелом противника они гуськом побежали к передним цепям атакующих и тоже присоединились к ним.

В самый разгар схватки у бронепоездов, когда наши уже растекались по путям и перрону вокзала, с передних бронированных вагонов с выдвигными башнями вдоль путей и составов деникинцы открыли пулеметный огонь. Такой же продольный огонь открыли и с крыш станции и водокачки.

Повстанцы оказались в зоне перекрестного огня и стали нести большие потери. Захватить вагоны не удалось. Остаться больше не было смысла.

Отступление началось без команды, но уходили от линии железной дороги короткими перебежками одновременно. Деникинцы, видимо, в первое время растерялись, так как не только не преследовали, но даже мало стреляли. Пулемёты и пушки их заговорили разом, уже тогда, когда партизаны отошли на солидное расстояние. Потеряв свои части и смешавшись, усталые, оборванные повстанцы отступали всё дальше в горы.

В момент начала отступления конница завершала свой рейд, и, находясь между морем и станицей, шла в атаку на станцию, но отступление пехоты сорвало и ее атаку. Так авантюра одного турецкого офицера сорвала всю операцию.

Когда наши отошли километра полтора от станции, белые бросились вдогонку. Гамид остановил отходящие группы партизан и повёл их в контратаку. Однако, при сближении у старых кладбищ белые не выдержали и начали отходить, ведя интенсивный пулеметный огонь. Отступали мы по ложине, сопровождаемые разрывами орудийных снарядов. Дошли до карабудахкентских садов и здесь расположились на отдых. Кавалерийские части догнали остальных у моста. Орудие наше вовремя сняли с позиции и увели в горы. Целый день отдыхали, перевязывали раненых, провожали убитых в аулы.

В манасской операции с нашей стороны было значительное количество убитых и раненых. Особенно пострадали губденцы, после них – урахинцы. Только из одного урахинского отсёлка Махарги было восемь убитых и раненых.

Из наших земляков-урахинцев под Манасом отличились Закарья Багомадов, Омарша, Арсланбек Гадайла, Магомед Хангишила и многие другие. Вообще все повстанцы, и урахинцы, и губденцы, и мюрегинцы, и мекегинцы дрались в этом тяжелом бою одинаково хорошо, упорно и мужественно.

Турецкий офицер, начавший авантюру, скрылся, а представитель меджлиса полковник Цаликов, который, как военный специалист, обосновал перед Советом Обороны и нашими товарищами в Левашах возможность взятия Манаса, после неудачи бежал в Левашу и, не задерживаясь там, перевалил за Кавказский хребет и был таков.

На следующий день пешие отряды, прибывшие из аулов, были отпущены по домам. В Карабудахкенте оставались постоянные фронтовые части – наш конный отряд, отряд пехоты и несколько групп партизан из разных селений.

Однако после таких боев отдых требовался всем – надо было побывать на похоронах убитых, повидать ра-

ненных, переменить бельё, одежду, пополнить боеприпасы, пополнить людской состав и так далее. На третий день Гамид оставил в садах Карабудахкента заслон из очередного нубат-аскара примерно в двести человек, а остальных повёл в горы на два-три дня.

АЯ-КАКА

После нашей неудачи под Манасом, деникинцы, видимо, решили сделать вылазку в горы. Большие силы кавалерии и пехоты с артиллерией неожиданно подошли к Карабудахкенту, перебили охрану, напали на отряд повстанцев, который под натиском больших сил врага вынужден был отступить, для устрашения других повесили схваченного ими партизана-урахинца из Сугурбаши-Махи Али Динбагандла и двинулись к Губдену.

Разведка доносила, что белые двигаются в горы через Дешлагар. Значит, они должны были идти через Аякака либо на Леваши, либо на Урахи. То есть тем же путём, каким в свое время шел карательный отряд генерала Попова, только с заходом в Урахи.

Белые беспрепятственно взяли Губден, подожгли, убили много людей и ограбили аул, пошли дальше на Дешлагар. Получив сведения о движении врага, мы выслали конную разведку и стали готовиться к бою.

Гамид начал расставлять отряды у входа в Аякакинское ущелье. В район дороги, ведущей из ущелья в Мюрего, в спешном порядке были посланы пеший урахинский отряд вод командой Магомеда Нуллайла и группа партизан, прибывших из соседних аулов. Сюда же на лесистую гору «Кара-бик» были посланы четыре взвода Вулкадара, Далгата Мургухского и ещё кого-то. Это был правый фланг. Задача его – загородить белым путь для обходного маневра, а когда разыграется бой у входа в ущелье, зайти в тыл врагу, выйти на шоссе и замкнуть клещи позади них.

На левом фланге, тоже на горе, расположились две цепи бойцов конного отряда. Задача левого фланга такая же, как и у правого – замкнуть клещи, когда развернется бой.

В глубине ущелья, за вторым бродом по руслу реки, по буграм и дороге были расставлены главные силы центра, состоящие в основном из нашего конного отряда, из крестьян, прибывающих из соседних аулов, урахинских хуторов и самого аула Урахи.

Мы уже закончили дислокацию наших людей, когда на дороге появился верховой. Он скакал на неоседланном коне со стороны Дешлагара с белым флажком в руках. Когда уже пересек первый брод в ущелье, он заметил нас. То был ванашимахионец, скакавший предупредить односельчан о прибытии белых в Дешлагар и о намерении их идти через Ванаши-Махи. А флажок он держал, оказывается на всякий случай, чтобы не убили партизаны, о нахождении которых в районе Ванаши-Махи он предполагал.

Вскоре показались и деникинцы. По белому шоссе густыми колоннами двигалась бесконечная вереница конных и пеших. Недалеко от входа в ущелье белые перестроились и пошли по обеим сторонам дороги, по обочинам. Впереди была пехота, а кавалерия и артиллерия – позади. По всей вероятности, казаки настолько были уверены в успехе своей операции, что даже не послали разведки, лишь одна группа их шла метров на триста впереди колонны.

Обстановка складывалась исключительно благоприятная, враг шел прямо в железные объятия. Но война есть война. И один совершенно непредвиденный случай помешал быть может полному уничтожению деникинцев. Враг, который двигался в ловушку, был внезапно остановлен одиночным, но метким выстрелом.

Выстрел вызвал замешательство в рядах белых. Они остановились, вновь заполнили дорогу, смешали ря-

ды. Однако это продолжалось недолго. От главных сил отделились цепи пехоты и гуськом пошли в обе стороны от дороги. Добровольцы решили обойти вход в Ая-кака с обеих сторон, а главными силами двигаться прямо по дороге.

В обход нашего левого фланга, в сторону дешлагарского леса пошли человек двести, а человек тристо пересекли узкую пойму реки выше известковых печей и, рассыпавшись в кустарниках, двинулись вверх к подножью горы Карабик, туда, где находился наш правый фланг.

Главные силы противника выждали пока не скрылись в лесах части, высланные для фланговых ударов и только после этого медленно тронулись широкой полосой к ущелью. Сейчас они находились от входа в ущелье на расстоянии километра.

Прошло немного времени и на нашем правом фланге в лесу застрочил вражеский пулемёт, через минуту начался интенсивный ружейный огонь. Противники вошли в соприкосновение. Головной отряд белых остановился, видимо, решил ожидать результатов фланговых боёв.

Теперь ждать было нечего. Было ясно, что враг не собирается лезть в ущелье, а будет держаться вблизи от своих, высланных в наступление флангов. Времени для каких-либо перегруппировок, или обходного маневра не имели и мы, так как на правом фланге все сильнее и сильнее разгорался бой. Гамид дал команду открыть огонь. Головная колонна вражеского отряда под нашим пулемётным и ружейным огнём бросилась врассыпную. На шоссе осталась одна артиллерия.

Как выяснилось потом, на правом фланге цепи белых, пробираясь по лесу и кустарникам неожиданно наткнулись на партизан, для которых появление здесь казаков было не меньшей неожиданностью. В первый момент и те и другие растерялись, обругали друг друга, но спохватившись, залегли по обоим краям лесной опушки.

– Ни шагу назад! За мной! – крикнул командир пехоты Магомед Нуллайла партизанам и, пригнувшись, стре-

ляя на ходу, пошёл вперёд. Партизаны последовали за ним под огнём противника. Белые не выдержали, попятись к кустам и скрылись. Но тут наших постигла неудача, тяжело ранило Нуллайла Магомедом. Отряд остался без командира. Под огнём белых бойцы замешкались. На помощь бросились и бойцы конных взводов под командой Вулкадара, но в тот момент, когда они гнали по лесу противника, два пулемёта белых застрочили с бугорка по флангу наступающих повстанцев. Под ураганным огнём пулемётов атака наших захлебнулась, партизаны прекратили преследование, и отошли к исходным позициям. А белые, ободренные огнём своих пулемётов, вновь повернули и пошли в наступление, обходным маневром стараясь взять в кольцо партизан.

Пулеметный огонь не давал возможности нашим закрепиться на открытом месте и они стали отходить к лесному массиву у подножья горы Корала-бик и здесь залегли. В перелесках и неровностях залегли и деникинцы. Установив пулемёты на пригорке за кустарником, значительно выше мюрегинского хутора и дороги, откуда как на ладони виден был весь наш левый фланг, белые открыли огонь. Пули шли проливным дождем. На наше счастье расстояние было большое, иначе не избежать бы нам больших потерь. Вражеский огонь всё усиливался. Один из наших пулемётов вышел из строя.

Гамид дал команду:

– По одному спускаться вниз! Загородить проход в ущелье!

Окутанные пылью, поднятой огнём пулемётов, партизаны начали кубарем скатываться вниз по лощинке к дороге и окапываться, занимая более удобные пригорки за вторым бродом.

Белые увидели, что им удалось сбить с места наши фланги, осмелели и двинули головную колонну в ущелье.

В это время бойцы нашего правого фланга под огнём противника отходили по лесистому склону горы, обращенному к ущелью, а бойцы левого фланга, вынужден-

ные покинуть позиции, по приказу Гамида присоединились к частям, засевшим за вторым бродом.

Ведя огонь, белые немедленно стали входить в ущелье. Перейдя первый брод, они развернулись в цепи. Тут мхы встретили их огнём. Белые несколько попятились назад, но опять остановились и усилили ружейный огонь. Расстояние между нами и противником было метров 200-300.

Белые переправили орудия через первый брод и начали в упор бить по гребням и руслу реки, занятым нами. В это время в воздухе появились два аэроплана. Они покружились над местом сражения, а потом один из них полетел в направлении Урахи, а другой – вверх по ущелью в направлении Мекеги, Леваша. Вернувшись обратно, самолёты атаковали нас, пикировали над нами, стреляя из пулеметов. Наши пули их не брали. Наконец они полетели вниз по ущелью. Мы видели, как один из них сбросил какой-то предмет на дороге у выхода из ущелья.

К нам подходили всё новые пополнения из всех урахинских отсёлков и самого аула. Приходили глубокие старики. В селе не осталось ни одного человека, способного держать в руках оружие. В такой грозный час в схватке с врагом на время стирались противоречия между членами джамаата; связанные между собой тысячами родственных нитей, люди дрались вместе. И сегодня вот, лежа вместе с партизанами за укрытием, стреляют из ружей не только бедняки – члены джамаата, но и представители верхушечных слоёв общества – Таймаз, Султаммут, Исакади, Алибек Далгат, Имин, Ададайла Баганд, Магомедкади Алхасов, Мирзала Багомад, Вига, Абдулхапиз-будун и многие другие.

Недалеко от меня был такой случай. Один старик – каршулинец, т.е. верхнеаулец, видел белых, но ясно не различал их фигуры, так как был стар и близорук. Передавая своё ружьё соседу – партизану Ацикала Магомеду из Сугурбаши, он попросил:

– Сын мой, возьми, пожалуйста, моё ружьё и стреляй из него, я посмотрю!

– Да у меня свой карабин лучше твоего, отец, зачем же мне твоя винтовка? – ответил Магомед, улыбаясь.

– Нет! – настаивал старик, – ты возьми моё. Я не вижу и не знаю, если даже попаду. Хочу, чтобы именно моим оружием был уничтожен хоть один враг!

Пришлось взять заржавевшую винтовку старика и стрелять. Выстрел был удачный – перебежавший у самой реки солдат присел на месте. Привстав и гордо подняв голову, старик воскликнул:

– Эй, спасибо, сын мой! Мужчины, метко бейте врага! – и взяв дрожащими от волнения руками своё ружьё, стал целиться.

Я говорил, что ещё до начала сражения белые послали 200-300 человек на свой правый фланг. Этот отряд для нас был недосыгаем. Деникинцы поднялись по лесу на гору Луайладувура на расстоянии двух-трёх километров от ущелья и перейдя перевал, показались на спуске, обращенном к Ванаши-Махи. Предполагая такую возможность сюда ещё раньше был выслан заслон из хуторян – урахинцев и мулебкинцев.

Белые с перевала открыли пулемётный огонь. Завязалась отчаянная схватка. Лощина, где засели наши бойцы, была совершенно открыта для обстрела. Двое партизан упали.

Тем временем главная колонна белых, узнав о заходе их отряда во фланг повстанцев, усилила нажим. Одна группа с пулеметом поползла по косогору, залегла выше скал, что по левую сторону от реки, и начала обстрел. Два орудия выкатили вперёд на дорогу и ударили по нашей цепи прямо в упор. А сверху с перевала «Луайла-бик», часть отряда противника открыла фланговый огонь. Партизаны отстреливаясь стали уходить вверх по реке. Гамид приказал командирам собрать людей и занять позиции за бугорками у ванашимахинских мельниц перед последним бродом через реку.

Гамида трудно было узнать – запыленный, суровый, с гневным взглядом блестящих глаз, на него страшно было глядеть.

Командиры побежали за холмы, где были коноводы, сели на лошадей и поскакали вверх, чтобы остановить людей и занять позиции у последнего брода. То же сделал и я, так как понимал, что если не удастся сейчас остановить отходящих партизан, мы можем понести полное поражение. В это время Гамид с горсткой людей укрылся на самом высоком месте перешейка и в упор стал расстреливать уже смелодвигающиеся передние цепи противника. Меткий огонь смельчаков смешал передние ряды белых и на время приостановил их движение.

Белые выкатили одно орудие вперед и прямой наводкой ударили по бугру. Первый снаряд перелетел, второй взорвался впереди, но третий упал прямо на гребень. Взрывная волна бросила Гамида на землю. Он был контужен и лежал без движения.

В этот момент на левом фланге, на склоне Луайла горы кучка храбрых мулебкинцев, выполняя приказ командира, ни на шаг не отходила со своих позиций и вела неравный бой сседавшими с перевала деникинцами. Здесь повторялось то же, что было однажды и в Дербенте – мулебкинцы хватали брошенные в них ручные гранаты и бросали их обратно в белых. Смелые действия храбрецов во главе со своим командиром и отчаянное сопротивление мулебкинцев сделали своё дело. Отходившие группы партизан остановились, а затем бросились занимать только что покинутые ими же позиции.

Одни схватили лежащего без сознания командира и на бурке вынесли его с поля боя, другие повели огонь по цепям наступающей колонны.

Движение белых было остановлено. В это время из леса, обращенного к ущелью, по колонне белых стали бить партизаны, находившиеся на нашем правом фланге и начавшие отход ещё в начале сражения. Очутившиеся

под двойным огнём деникинцы сжались, попрятались за укрытия по лесистому подножью горы и отвели артиллерию назад к первому броду.

Между тем дело близилось к вечеру. В цепях партизан с патронами, кинжалами и кувшинами воды появились ванашимахинские женщины. Они перевязывали раны, подбадривали. Особенно отличалась рослая ванашимахинка, сестра двух братьев-партизан, дочь Мутайла Гаджи.

На правом фланге мы подняли пулемет на гору Коралабик и открыли огонь по противнику, засевшему у подножья, со стороны мюрегинского хутора. Туда же подошла группа партизан и из Мюрего. Под прикрытием пулеметного огня повстанцы пошли с горы вниз в наступление. Постепенно головная колонна врага стала отходить и, выйдя из-под огня, сгрудилась у первого брода. К главным силам стали подтягиваться и части левого фланга деникинцев. Вслед за левым флангом оставил свои удобные позиции на перевале «Луайла вах» и правый фланг белых.

В это время подоспела помощь, высланная из Леваши. Стало темнеть, поднялся туман. Ночь провели в состоянии боевой готовности, в подготовке к атаке. Но с наступлением рассвета разведка обнаружила, что противник покинул позиции. Он ушел, пользуясь темнотой и туманом.

Две сотни конного отряда и группа конных мекегинцев и других селений, прибывших из Леваши вечером, были посланы вдогонку уходящим белым, но ни в Дешлагаре, ни в другом месте, до самой железной дороги их догнать не удалось.

Так закончилось второе ноябрьское сражение в ущелье Ая-кака. Белые не сумели прорваться в горы, но и нам не удалось их разгромить. И всё же победа была за нами. Большие силы деникинцев бежали и в той обстановке это имело исключительно большое значение для поднятия духа повстанцев всего фронта. Это была наша победа!

В Ая-какинском сражении отличились: группа мулебкинцев, особенно Чапаев Магомед, командир пехоты Магомед Нуллаев, партизан Алила Багандла Али, пулеметчики – урахинец Абакар Шихсадала и левашинец Чанкала Исала Магомед, командир взвода Вулкадар, Магомед Мутаев, командир взвода Чупан и многие другие. Много сделали в организации обороны и мобилизации сил начальник Урахинского штаба Оборона Магомед Гасанов и Сунгургаджи Алиев, возглавившие всех людей, прибывших из сел и хуторов к нам на помощь.

На второй день Гамида увезли в Урахи, а через день он уже мог сидеть на лошади. Было созвано совещание командиров конного и пеших отрядов и решено двинуть на фронт все части, уже трое суток находящиеся дома на отдыхе.

БУДНИ СУРОВОЙ ЖИЗНИ

Нури-паша приехал со своими людьми в Маджалис, где находились уполномоченные Совета Оборона Ахундов и Дударов.

В это время наши товарищи решили арестовать маджалисского контрреволюционера Шапи Такаева, оказавшегося там. Эту операцию проводил Халимбек Мустафаев вместе с группой партизан-мюрегинцев. Узнав об этом, Нури-паша вмешался, заступился за Такаева и выслал свой отряд помешать обыску дома Шапи и его аресту. Между партизанами и людьми Нури-паши произошла стычка. Халимбек был ранен в руку, двое партизан из Мюрего были убиты. Ахундов и Дударов сообщили о случившемся в Леваши Областному Комитету партии и Совету Оборона.

Одно за другим к Гамиду на фронт доставили письма Б. Шеболдаева, С-С. Казбекова и Магомеда Далгат. Они писали, что в Маджалис послан Джалал для переговоров с прибывшим Нури-пашой, сообщали о скандале с

ним в Маджалисе. Борис писал, что после переговоров с пашой Джалал должен приехать в Баршлы для встречи с ним, Гамидом. На этом совещании и нужно было решить пропускать дальше в Дагестан Нури-пашу или нет. В письме предлагалось Гамиду немедленно выехать с возможно большой военной силой на тот случай, если придется иметь столкновение с незванным гостем. В письме выражалось некоторое недоверие Джалалу, говорилось, что он ведет соглашательскую политику с турками и поэтому необходимо торопиться в район Баршлы – Маджалис. С Джалалом был послан Фуат-бей, тоже турок, который выдавал себя за коммуниста.

Гамид через Мюрего и Мамаул немедленно двинулся в Баршлы. В Алескандер-кенте, в доме Шахнаваза Эльдарова произошло свидание. Вместе с Джалалом из Маджалиса приехали Ахундов, Дударов и Нанейшвили. Нанейшвили был представителем Крайкома партии.

Джалал доложил о переговорах с Нури-пашой. Он говорил, что паша имеет хорошие намерения, нужный человек и его надо встретить с почетом.

Ахундов и Дударов высказались против предложения Джалала, против всякого соглашения с пашой. Гамид поддержал их. Он говорил, что с первого же дня своего приезда Нури-паша зарекомендовал себя сторонником контрреволюционных элементов, окружил себя реакционерами и проходимцами и ему нельзя доверять.

Нанейшвили заявил, что Краевой Комитет одобрил поездку Нури-паши в Дагестан и поэтому он, как представитель Крайкома, считает, что дагестанские большевики должны принять пашу.

Ахундов начал горячиться, напомнил об убитых и раненых партизанах, о стычке их с турками.

Гамид говорил, что слова Нури-паши в Тифлисе и Баку и его действия в Дагестане не совпадают.

– Наши товарищи в Левашах тоже не доверяют ему и на это у них есть основание, – сказал он. – Лично я не могу согласиться пропустить его в горы!

– Тогда мы Вас расстреляем! – заявил Виктор, как обычно, краснея от волнения.

Гамид улыбнулся:

– Сумеете ли? Вряд ли найдете здесь людей, которые привели бы в исполнение Ваш приказ! Тогда исключим из партии! – не успокаивался Нанейшвили.

– Это другое дело. Я буду выполнять решение Областного Комитета! – ответил спокойно Гамид и вышел. Через несколько минут он вернулся, послав в Левашу гонца с просьбой товарищам высказать свои соображения. Спорить перестали. Утром следующего дня все мирно беседовали в кунацкой Шанаваза. Джалал Атаев напевал кумыкский йыр, Кара-Магомед из Буйнака играл на кумузе. Здесь были кое-кто и из нашего отряда, я, только что прибывший из Левашу с зарплатой для отряда, Али Гамринский, Гаджиев, Сулейманов, Асхаб и некоторые командиры наших отрядов.

Ахундов и Дударов уехали в Маджалис. Гамид объезжал части, расположенные в трех баршлинских селах.

Пришло известие о том, что Нури-паша собрал отряд и направил его к Янгикенту, между Маджалисом и Баршлы. С этим известием к нам прискакали кайтагцы Тавкаев Курбан, активист из Верхнего Кайтага, селения Кулиджа и янгикентский партизан Зайнутдин. Выслав на всякий случай заслон к Баршлам, Нури-паша ждал результатов переговоров Джалала с другими большевиками, так как Джалал обещал ему сообщить об этом.

Гамид дал командирам отряда приказ быть наготове. Скоро из Левашу вернулся гонец с письмом Бориса, который писал, что в сложившейся обстановке лучше не входить в открытый конфликт с пашой, но рекомендовал не выпускать его из поля зрения.

Вслед за гонцом из Левашу в окружении свиты в Баршлы прибыл и Нури-паша.

Сообщив о результатах переговоров Виктор и Джалал направились в Левашу. Гамид, с половиной отряда, последовал за выехавшим по направлению к Карабудах-

кенту пашой. В Карабудахкенте Нури-пашу встречал Кязимбей, прибывший из Урмы. Из Карабудахкента они вместе направились через Губден на Левашаи. Сотня отряда Гамида следовала за ними до самого Ая-Кака.

А в Левашах по случаю приезда Нури-паши Совет Оборонаы и Али-Гаджи устроили большой митинг. Однако приезд Нури-паши ничего не изменил в положении дел на фронтах. Кязимбей по-прежнему оставался командующим Северным фронтом, жестокие порядки и палочная дисциплина по-прежнему свирепствовали в частях этого фронта.

Мне часто приходилось бывать в Левашах и поэтому я был в курсе дел и основных событий на всех участках фронта. Приведу пару эпизодов из жизни Северного, Кизильярского фронта.

Зима 1919-1920 года. Однажды завязался бой у Аркаса. Человек триста повстанцев отступили в направлении Кизильярской почты. По приказу Кязимбея офицер Иззат-бек выстроил их у почты и наугад отобрал из них 10 человек. Из них, путем жребия, выбрали двух: шуктинца и лакца – и этих двух ни в чем неповинных партизан, расстреляли перед строем.

Другой случай.

В Кака-Шура стояли человек двести пехоты, расквартированные в ауле, а у балки, что над селением, расположилась конница. Белые неожиданно нагрянули и повели наступление на аул. Верховые у балки ускакали, не оказав сопротивления, так как силы неприятеля были большие. Вслед за ними покинув аул, отошла в горы и пехота. Деникинцы захватили аул. На следующий день пеших повстанцев повели в Урму и по приказу Кязима в присутствии его личной гвардии и чоушей над ними устроили экзекуцию. Перед зданием штаба их пороли палками.

Под разлагающим влиянием турок Северный фронт все больше и больше терял активность, хотя временами там происходили жаркие схватки.

В этот период Гамид ездил в Леваши для обсуждения выдвинутого Обкомом партии плана флангового удара конницы на Петровск по Талгинскому ущелью. На этом совещании положение на Северном фронте было признано неблагополучным. Для усиления большевистского влияния на фронте и подготовки операции против Петровска решено было передвинуть конный отряд Гамида в район Кака-Шуры, Гелли. Сам Гамид был назначен военным комиссаром фронта.

На подступах к Кака-Шура нас догнал Алибек Богатырев, с конным отрядом в 35 человек. Алибек передал Гамиду письмо Шеболдаева, в котором говорилось, чтобы группа Богатырева была включена в наш отряд. Гамид не согласился и стал настаивать на организации самостоятельного мекегинского отряда. При этом он ссылался на то, что Мекети большой аул и там было много революционных активистов. Обком согласился с доводами Гамида. Через неделю Богатырев вновь прибыл в Кака-Шура уже с самостоятельным коннопартизанским отрядом в 70 сабель.

Наш отряд расквартировался в Кака-Шура.

Белые, узнав о нашем прибытии на этот участок, стали укрепляться. К Гелли были подтянуты часть шамилевского батальона, соединения деникинцев и сотни Дагестанского конного полка.

Между Кака-Шура и Гелли образовался фронт. Но необычные для этих мест морозы и снег сковывали развертывание боевых операций. Из-за холодов линию фронта приходилось занимать посменно. Никакой активности не проявлял и противник, хотя здесь были сосредоточены большие силы.

По вечерам те, кто находился на отдыхе в ауле, после политчаса веселились. Жители аула принимали в этом самое активное участие. В каждом доме на постое находилось по несколько человек наших партизан. Какашуринцы, также как и жители всех других прифронтовых кумыкских селений, очень хорошо, как братьев встречали нас.

У отряда были специальные средства на фураж и продовольствие, но их было далеко недостаточно и аулы крепко помогали нам. Нередко джамааты по собственной инициативе собирали продовольствие, фураж и на арбах посылали нам на далекое расстояние. Между тем это было рискованным делом для общества. За такую помощь партизанам белые могли устроить на аул налет.

В отряде были весьма интересные и своеобразные люди.

Вот, например, помощник командира взвода Азиз Иминагаев. На привале, на отдыхе, в боевой обстановке – всюду этот хуторянин вносил дух бодрости, юмора своим поэтическим талантом, проникающим в самые глубины народной жизни и высмеивающим все ее уродливые явления. По силе таланта Азиз не мог тягаться с такими поэтами прошлого, как Каки-Шамхал, Батырай, Абцила Амирхан, Абдулла-Гаджи, Мута и другие урахинцы, но социальное содержание его стихов, темы, на которые писал Азиз, в силу своей классовой направленности, были 'ближе и понятнее трудящемуся горцу. Произведения Азиза, рассказывая об уродливых явлениях жизни верхушечных слоев горского аула, являлись обличающим материалом, приговором общественной совести всякого рода власть имущим. Азиз и читал по написанному, и говорил вслух – в зависимости от обстановки. Вокруг этого, несколько насупившегося и чуть лукаво улыбающегося горца, всегда собиралась шумная компания весело беседующих и состязующихся в остроумии урахинцев и других даргинцев отряда.

Большим его соперником был другой урахинец – один из героев гражданской войны – Алтавла Баганд, который сочинял и сатирические, но главным образом проникнутые духом 'борьбы и воинского долга, патриотические песни.

Вот два брата Гасановы – Магомед и Али. Первый из них – непревзойденный певец. С различными вариаци-

ями и переливами часами мог он петь старинные богатые урахинские мелодии. С ним мог соперничать один лишь Мута-кади, бывший кадий уцмия Кайтагского Амирчупана, попавший в опалу своего патрона. Мута, совершенно безземельный бедняк, бывший мутаалим, обладал изумительным голосом и большим поэтическим даром. Его песни–стихи теряются в наш бурный период, а сам он, старик, доживает свой век в маленьком муэринском ауле Гунакари, где почитали его талант. Одна из девяти жен Амирчупана, услышав песню Мута, влюбилась в него, и поэту пришлось спасаться бегством в родной аул. Голоса Мута и Магомедда похожи. Остроумный, наделенный большим чувством юмора Магомедд и сам сочиняет песни. Младший брат его – Али проще, но поет тоже хорошо.

Обычно, когда отряду приходится проезжать мимо какого-либо аула, зурны умолкали и запевали братья Гасановы. Отряд криками и хором поддерживал их. Весь аул выходил навстречу, женщины и дети заполняли крыши. Постепенно сельчане начинали подпевать. Радостное, бодрое, боевое настроение, уверенность в своих силах рождали эти песни не только у бойцов отряда, но и у всего населения аула, где мы проезжали.

Между тем на фронте почти каждый день происходили боевые стычки. То и дело в тыл врага засылались конные группы разведчиков. Помню, как однажды командирам сотен было предложено выбрать несколько добровольцев–смельчаков для посылки в разведку. Желающих оказалось много, выбрали по усмотрению командиров. Под покровом ночи, подкравшись на близкое расстояние к окопам противника, партизаны вскочили на коней. Деникинцы и опомниться не успели, а смельчаки уже были на дороге в Гелли. У самого аула наткнулись на конный дозор белых. Наши решили пойти на хитрость. На кумыкском и на ломаном русском языках они стали кричать, обращаясь к дозорным.

– Наших буйволов не видали? Два буйвола украли. Наш дом в центре аула, оттуда их увели верховые!

– Пошли вы к чертовой матери со своими буйволами, – крикнул командир белых. – Немедленно убирайтесь в аул и не смейте выходить за его пределы!

Разведчики не заставили себя ждать. Вот и источник, а рядом двухэтажный дом. Двое из наших отлично знают русский язык. Они, громко разговаривая, смело подходят к часовому и суют ему в рот острие кинжала. Входят во двор. Пусто, но светло – из окон верхнего этажа падает тусклый свет. Осторожно, но быстро поднимаются по деревянной лестнице на длинный балкон. На балконе у самой лестницы, полусидя дремлют двое.

– Какого чёрта носит по ночам?! – бормочет один спросонья.

– Молчи. К господину полковнику с донесением! – тихо отвечает один из наших, наугад называя чин офицера. Но солдат, не обратив внимания, роняет голову на грудь. Партизаны проходят дальше по балкону. В окна видны две комнаты. В одной трое офицеров спят в разных позах, в одежде, видно, после пьянки. Другая комната пуста. Несколько стульев, шкаф, большой стол с выдвигаемым ящиком. На столе полуразвернутая карта.

Один, осторожно открыв окно, с кошачьей ловкостью бросается к столу и раскрывает ящик. Все, что было там и на столе запихивает за пазуху и обратно.

Чтобы не проходить мимо спящих, спускаются между углом стены и подпорным столбом балкона. Но когда пересекали двор, поднимается шум. Раздаются крики: «Стой! Стой!» Но наши успели выскочить за ворота. Поднимается стрельба. Но уже поздно. Партизаны мчатся, вытянувшись в цепь по главной улице аула в направлении Губдена.

Примерно в двух километрах от аула натываются на пеший секретный пост белых. Пост открыл ружейный огонь. Партизаны, пригнувшись к луке, резко поворачивают коней направо в поле, оставив дорогу и темнота поглотила смельчаков.

Полузамерзшие прибыли они в Кака-Шура и передали Гамиду карты и бумаги. Утром я с группой бойцов уже спешу в Левашаи передать бумаги в Обком Б. Шеболдаеву.

Между тем в Левашах обстановка ухудшалась с каждым днем. Окружение Али-Гаджи и он сам все больше начинали терять интерес к восстанию, проявлять усталось, все больше требуют средств на расходы, Кязимбей обнаглел. Совет Оборона не пользуется почти никаким авторитетом.

Областной Комитет партии пока не может вступить в открытую борьбу с Кязимом и его окружением, но принимает энергичные меры по укреплению большевистского влияния на массы, по укреплению фронта, набору новых отрядов, созданию партячеек и сельсоветов во всех решающих, охваченных массовым партизанским движением районах. Для этого по аулам и на фронт посылаются свои люди. Среди них товарищи Рабадан Нуров, Андиев Магомед, Наби Магомаев, Хадис Гаджиев, Аминатаев, Рашкуев, Курбаналиев, Ахундов, Салтинский, Кумаритов, Гамринский, я и другие.

Принимаются меры, чтобы поднять авторитет Совета, чтобы он осуществлял функции настоящего организатора повстанческого движения. В этих целях в состав Совета были введены еще некоторые наши товарищи, а главное – проведена кандидатура Казбекова на пост председателя Совета.

Это был период обострения классовой борьбы в дагестанском ауле, усиливающегося классового расслоения среди повстанцев. Очень интересное положение было в это время и в селении Урахи. На территории, занятой денкидцами, еще со времен Горского правительства находились многие урахинцы. Их было человек двадцать, за малым исключением представители верхушечных слоев урахинского общества. В то время, когда трудовой народ Дагестана вел отчаянную борьбу с армией белых генера-

лов, когда их же земляки и родственники отдавали свои жизни в этой схватке, эти урахинцы работали, служили при белых, не переходили в лагерь борющегося народа. И чем дальше продолжалась борьба, чем больше народ нес потери убитыми и ранеными, тем большее возмущение его вызывало поведение этих людей. Да оно и понятно: в каком-то доме хоронят убитого в бою партизана, а рядом дом близкого родственника урахинца, находящегося на территории белых. Одно такое соседство возбуждает у повстанцев чувство ненависти и к домохозяину, и к его родственнику.

Бойцы партизанских отрядов единодушно потребовали немедленно наложить контрибуцию на имущество лиц, пребывающих у белых или на ближайших их родственников. Комиссия из представителей командного состава и бойцов отряда, а также членов штаба Оборона заседала и определяла размер этой контрибуции. Размер контрибуции был разный, в зависимости от имущественного положения каждого из них. Но были и такие, которые, используя свое пребывание в стане врага, всеми силами помогали нам. Например, Абдул-Меджид Абакаров (Халимбеков), дербентский кадий, который был связан с большевиками и повстанцами. О нем партизаны знали, и к нему было иное отношение. Он продолжал помогать нам, передавать сведения о войсках белых в Дербенте. Абдулмеджид был схвачен деникинцами с письмом нашего командования и заточен в Петровскую тюрьму вместе с сыном. Здесь, в тюрьме, деникинцы и загубили его.

АВАНТЮРА КЯЗИМБЕЯ

По мере того, как Красная Армия одерживала победы над деникинскими полчищами, в лагере белых росла паника, участились случаи перехода насильно мобилизованных в добровольческую армию крестьян.

Резко обострилась политическая обстановка и в Дагестане. Перед лицом реальной возможности установления Советской власти все контрреволюционные силы стали активизироваться и объединяться. Кязимбей и Нури-паша сговаривались о ликвидации большевиков и их влияния на массы повстанцев. Али-Гаджи лавировал. Пошел слух о тайных переговорах Кязимбея с деникинцами.

Видя, что деникинцам приходит конец, дагестанские и турецкие офицеры за спиной народа договаривались о совместном захвате власти, когда наступит подходящий момент.

По имеющимся у Областного Комитета партии сведениям Кязимбей собирался прекратить военные действия и, в момент ухода добровольцев, по сговору с офицерами-дагестанцами, занять Темир-Хан-Шуру.

В последовавшей затем аванюре по аресту большевиков сговор Кязимбея с белыми несомненно играл не малую роль. В частности, дагестанское офицерство принимало даже некоторое личное участие в этом деле – нам передавали, что в дни ареста большевиков полковник Джафаров, кстати, находившийся в оппозиции к «правителю» Дагестана генералу Халилову, и еще кто-то были в Урме у Кязимбея.

Сторонники Кязимбея и Нури-паши, контрреволюционная кулацко-торгашеская и духовная верхушка дагестанского аула вели агитацию за турок, за прекращение войны с дагестанской контрреволюцией во главе с Халиловым и деникинской армией, за удаление большевиков с руководящих и командных постов. Наибольшую активность проявляли реакционные элементы в районах и селах массового повстанческого движения. Они вели линию на раскол внутри партизанских масс. Нам постоянно приходилось сталкиваться с ними. Вот пример.

В дни ареста большевиков и разгона Совета Оборона Кязимбеем наш отряд шел через Урахи-Мекеги на Леваши и Урма.

В Мекеги мы были вечером. У самого аула нам передали, что в верхнем квартале села, вправо от дороги, рядом с крытыми колоннами собралась вся контрреволюционная верхушка аула во главе с Омаркади, но Гамид не поверил и, оставив отряд у нижней окраины села, с двумя взводами кавалерии поскакал к канцелярии.

Омаркади и его окружение, состоявшее из богатеев, открыто заявило Гамиду, что народ Дагестана хочет прекратить борьбу с деникинцами, что они – мекегинцы – тоже не будут больше воевать и идти за большевиками. Омаркади сказал, что они уже послали приказ своим людям, находящимся на фронте, немедленно вернуться домой, что к Алибеку Богатыреву тоже послан человек с таким приказом. Повторяли обычные угрозы о разрушении домов тех мекегинцев, которые не вернутся домой по требованию джамаата. Реакционная верхушка аула попыталась спровоцировать столкновение с нами. Но мекегинские партизаны не послушались их – отряд Богатырева и не ответил на послание представителей сельской верхушки и мужественно сражался против деникинцев. Такое же напряженное состояние наблюдалось и во многих других аулах.

В это время авантюрист Кязимбей, с благословения Нури-паши, в надежде, по крайней мере, на невмешательство со стороны Али-Гаджи Акушинского и поддержку аульских верхов, опираясь на военный кулак из турецких офицеров, чоушей и личной гвардии решил одним ударом ликвидировать влияние большевиков. Особенно сильно он ненавидел Г. Далгата, С. Казбекова, Б. Шеболдаева и А. Богатырева и ждал момента, чтобы учинить над ними расправу. Об этом Борис не раз предупреждал Гамида.

В первых числах марта нашим в Левашах стало известно о том, что Кязим готовит нападение на Областной Комитет партии и Совет Оборона, который теперь находился под полным влиянием большевиков. Четвертого числа вечером Областной Комитет обсуждал создавшееся положение. Было решено: если обстановка потребует

– пробиваться с отрядом Гамида на Север, навстречу двигавшейся в направлении Дагестана Красной Армии. На тот случай, если Кязимбей действительно двинется с военной силой на Леваши, решили вызвать с фронта отряд Гамида и Богатырева. Утром к ним в Кака-Шура были посланы специальные гонцы с письмами.

Но Кязимбей опередил. Вечером пятого марта во главе отряда конницы он неожиданно появился вблизи Леваши.

Получив об этом сообщение, наши товарищи выслали навстречу ему для переговоров Казбекова Султан-Саида. Эта инициатива принадлежала ему самому. У мостика на шоссейной дороге, у прохода к аулу люди Кязимбея схватили Казбекова и связали. К нему же присоединили схваченных на улице Доветова Шихмурзу и Гаджиева Багаудина.

Отряд Кязимбея под носом растерявшейся и бездействующей охраны, беспрепятственно ворвался в аул и арестовал Коркмасова, Ахундова и Дударова и подступил к зданию Обкома партии, где постоянно находились Б. Шеболдаев и М. Далгат. Тут же были, прибывшие с письмом Гамида связные нашего отряда, партизаны Магомед Рамазанов и Кичигла Гасан.

Когда в ауле поднялся шум, Магомед Далгат разбудил этих двух партизан и предупредил их, быть в боевой готовности. Оба партизана выскочили на балкон, а затем спустились к воротам, прислушиваясь к крикам, доносившимся с той стороны кладбища.

– Что там кричат?! – спросил партизан у Магомеда, стоявшего на балконе.

– Это арестовывают Кязима! – ответил тот. Магомед полагал, что действует наша охрана. Но как раз в этот момент у ворот, под балконом, появилась вооруженная толпа и хлынула в ворота. Десятки рук схватили Рамазанова и обезоружили.

Люди ворвались в комнаты Обкома. Магомед, не имея другого выхода, и не желая попасть в руки врагов,

спрыгнул с балкона на соседнюю плоскую крышу, перебежал улицу позади дома и скрылся в саманнике у знакомого крестьянина Ходжала Али. Три раза приходили люди Кязима к Али, угрожали, предлагали сказать, где находится Магомед, но тот не выдал, категорически отрицал свою связь с большевиками Далгат. Так он спас Магомеда.

Борис Шеболдаев, к счастью, в это время оказался на улице и после того, как банда беспрепятственно ворвалась в аул, скрылся в доме одного левашинца.

Банда Кязима покружилась по аулу, разграбила помещение Обкома, и уводя арестованных, ушла в Урму.

Главной целью Кязимбея являлась, невидимому, арест председателя Совета Оборона большевика Казбекова, который твердо проводил линию Обкома партии в работе Совета по превращению этого органа в подлинный и независимый от турок и Али-Гаджи центр руководства повстанческим движением.

Возвращаясь из Леваши, Кязим ускакал вперед и из Урмы выслал турецкого офицера навстречу своему отряду с заданием расстрелять Казбекова. Этот злодейский акт был совершен около селения Урма. Казбеков С. был отделен от своих товарищей и зверски убит.

Утром следующего дня Кязим преподнес арестованным на подпись письмо на фронт, в котором говорилось об их аресте и от их же имени содержался приказ ко всем командирам и партизанам сохранять спокойствие и крепко держать фронт, чтобы деникинцы не воспользовались сумятицей в лагере повстанцев и не пошли в наступление в горы. Кязим хотел этим письмом убить двух зайцев, – скрыть от народа подготавливаемую им измену и предательство и оградить себя от повстанческой массы.

Видимо, опасаясь развала фронта, чем могли воспользоваться деникинцы, и надеясь на то, что оставшиеся на свободе товарищи примут меры для их освобождения, арестованные подписали это письмо.

В эти дни Гамид с отрядом находился в районе Манаса, поэтому письмо Обкома партии с вызовом в Леваши так и не дошло до него, гонец вернулся из Кака-Шуры.

Богатыреву, находившемуся в Какашуринском ущелье, письмо доставил Наби Магомаев и привел его отряд в Урму.

После полудня отряд занял позиции на горе за аулом Урма.

Еще раньше было написано другое письмо Гамиду, подписанное Коркмасовым, Ахундовым и Дударовым. Неизвестно где оно было написано – на дороге от Леваши до Урмы, или в Леваши, в момент ареста. В нем говорилось примерно следующее: «Дорогой Гамид, мы арестованы, но есть надежда, что освободимся. Наше положение ухудшится, если ты двинешься с отрядом и силой попытаешься освободить нас. В этом случае Кязимбей немедленно покончит со всеми нами. Поэтому очень просим тебя учесть это положение и оставаться на фронте, а если находишься на дороге сюда – немедленно вернуться».

Примерно такого же содержания письмо заставил Кязим подписать всех арестованных и к Богатыреву, когда тот занял подступы к Урме. Получив это письмо и не имея достаточного сил для того, чтобы вырвать арестованных, Богатырев поехал с отрядом в Леваши.

Тем временем в Левашах стали собираться повстанцы. Из Акуша был вызван Али-Гаджи. В первый же день от его имени по телефону вели переговоры с Кязимом, но тот заявил, что арест произведен по распоряжению Нури-Паши и что без его санкции не может освободить арестованных. На второй день Кязим бей, напуганный всеобщим возмущением, согласился принять делегацию.

Вечером от имени повстанцев, Али-Гаджи и Совета Оборона окружной комиссар Осман Османов поехал в Урму.

– Большевики и деникинцы – гяуры!¹ – заявил Кязимбей Осману. – Я хочу защищать вас от тех и других, но если вы все, в том числе ваш сумасшедший уstad, не

¹ Гяуры – неверные.

хотите этого – пусть будет по вашему, забирайте своих друзей!

Освобожденные товарищи прибыли в Леваши.

Услышав об аванюре Кязимбея, наш отряд двинулся на выручку товарищей. Письмо арестованных товарищей к Гамиду о том, чтобы он не шел с отрядом к Урме было получено на этом марше где-то в районе Мекеги. Письмо сильно озадачило Гамида, но мы не прекратили движение на Леваши.

Обстановка в тот момент была такая – все протурецкие и кулацко-мульские элементы, после ареста большевиков подняли головы, провоцировали, сеяли панику и раздор среди повстанцев. Али-Гаджи помог освободить арестованных, но ни за что не хотел обидеть турок, в душе симпатизировал им, призывал к спокойствию. А освобождению наших товарищей больше всех способствовал Осман Османов, который убедил Али-Гаджи Акушинского в необходимости более решительного вмешательства в это дело.

На экстренном заседании Обкома, после бурного обсуждения было решено пока не трогать Кязимбея, взять фронт в свои руки и после этого покончить с ним и Нури-пашой. А сейчас главная задача состояла в том, чтобы сохранить фронт. Наш отряд был направлен в район Кизильяра и Кака-Шуры. Через Урму, Гамид с главными силами отряда направился к Кака-Шуре. На следующий день туда же к нам прибыли Шеболдаев и Гавриленко.

Кязим понял, что его дни сочтены и через короткое время после этих событий, когда наш отряд находился в районе Гелли пришло известие о том, что он снял с Кизильярского направления орудия и людей, оголил фронт и сам бежал через Леваши – Кака-махи на Маджалис. В это время в Кака-Шуре находился начальник штаба Кязимбея Шукри-бей. Гамид поскакал туда, застал убегающего офицера и расстрелял его в присутствии Богатырева и других наших командиров.

На второй день туда же на фронт прибыл Гавриленко и на общевойсковом собрании зачитал постановление Областного Комитета партии о назначении Гамида командующим Северным фронтом. По линии фронта был отдан приказ задерживать всех турецких офицеров и чоушей.

В один из этих дней прискакал гонец с сообщением о движении со станции Манас отряда деникинских войск, перешедших на нашу сторону. Гамид, оставив заслон между Кака-Шурой и Дженгутаем, двинулся со своим отрядом на Карабудахкент. Здесь, в садах Карабудахкента и произошла встреча. Полк состоял из бывших бойцов Красной Армии, насильно мобилизованных Деникиным. Бойцы полка на станции Манас убили своих командиров и в полном составе с оркестром пошли в горы. Встреча с ними была исключительно радостной и торжественной. Приветственную речь держал Гамид, с ответным словом выступил избранный самими бойцами командир полка. Вчерашние противники сегодня встречались как братья. Здесь же сделали привал, отдохнули и после этого вместе пошли маршем на Кака-Шуру.

ПОСЛЕДНИЕ СХВАТКИ

Поступали сведения о все большем приближении частей Красной Армии к Дагестану. Деморализованный деникинский фронт все больше и больше разлагался.

Обком партии решил форсировать военные операции на всех фронтах – Южном – Дербентском, Среднем – Приморским и Северном. Областной Комитет разослал людей и указания на места. Шеболдаев и Гавриленко были у Гамида на Северном фронте.

Во второй половине марта началось наступление на Шуру...

Наша пехота заняла Дженгутай и пошла вниз по шоссе.

Кавалерийский отряд Гамида выбил белых конников из Гелли и освободил аул. Отсюда, послав часть людей преследовать врага, отряд пошел на Буглен.

После схватки у вершины Балык-баш мы погнали конный заслон врага вниз к Буглену. Вслед за нами к селению подошли и пешие отряды повстанцев со стороны Дженгутая, а кавалерийская группа белых обошла аул слева и двинулась к Казанищской долине. Для их преследования был выслан отряд Богатырева.

На военном совете в Буглене обсудили и приняли план захвата Шуры.

По шоссе пошел Апшеронский полк во главе с Гавриленко. Часть конного отряда Гамида была послана с ним, остальные двинулись параллельно пехоте по гребню горы, по правую сторону от дороги. Колонна Апшеронского полка, за которой двигалась пехота повстанцев, была в центре, справа – конница Гамида в тристо сабель, слева – конный отряд Богатырева в сто сабель.

Перед самым выступлением из Буглена Гамид выслал вперед для разведки два взвода второй сотни под командой Джигали Халимбека. Разведчики завязали упорный бой с передовыми позициями белых на подступах к Шуре, у муслимаульского моста. Деникинцы пустили в ход артиллерию и начали бить шрапнелью.

Наши стали отходить. Вслед за ними белые бросились в наступление. Они шли по гребням гор, с обеих сторон от дороги.

После первого же соприкосновения с нами противник вновь стал отходить. В километре от Муслим-аула он задержался и выслал навстречу нашей кавалерии цепи пехоты с пулеметами.

Поднялся туман. Наша колонна остановилась. Гамид спешил отряд. Бойцы вытянулись за бугорками в цепь, в ожидании подхода противника.

Неприятель показался на косогоре неожиданно близко, он просочился вверх по ложбине. Завязалась го-

рячая перестрелка. Белые не выдержали и стали уходить вниз. Партизаны преследовали их до поймы речки.

Деникинцы отступали к городу, оставив арьергардный заслон за муслимаульским мостом. Наши передовые части, двигавшиеся по шоссе, и конники нашего отряда быстро сбили этот заслон. Вражеская группировка бросила город и бежала на Петровск.

От муслимаульского моста большая часть нашего отряда пошла на перерез отступающему на Петровск неприятелю. А мы с предосторожностями вошли в город. Это было 25 марта 1920 года.

Организацией власти в городе занялся Коркмасов. Шеболдаев, Гавриленко и Гамид на второй день повели войска в наступление на Петровск.

В Казикумухе в 1919 году начальником Округа при белых был офицер из Цудахара Утбан Мутаев. После разгрома белых, как человека простого по натуре, земляки его не тронули и оставили в родном ауле. Решив использовать его в качестве военного специалиста, они рекомендовали его нашим товарищам и накануне наступления он был в Левашах кем-то, вроде инспектора или командира, находившихся там повстанческих групп. Он участвовал и в наступлении на Шуру.

Недавно мне случайно довелось видеть документ за подписью Коркмасова, где полковник Мутаев называется командиром чуть-ли не всех повстанцев и назначается комендантом города. Это, конечно, абсурд. Поэтому каждый исторический документ должен быть тщательно изучен.

После занятия города нам донесли, что в доме княгини Патимат-бике Тарковской прячется неуспевший сбежать мюрегинский помещик и известный контрреволюционер Абдулкасум. Гамид послал находившуюся в городе группу своего отряда произвести обыск. Долго искали партизаны по всему дому человека, к которому кипели ненавистью. Княгиня оказывала сопротивление, ругалась, заявляла, что пожалуется Джалалу, но ребята не отсту-

пили. Перевернули всю мебель, и, наконец, внутри дивана нашли задыхающегося помещика. По требованию партизан он был расстрелян.

В ночь бегства из Шуры последних остатков белых, часть нашего отряда, высланная перерезать им путь отступления, разобрала полотно железной дороги и свалила поезд под откос. После операции отряд пошел на Атлыбуйонский перевал. Туда же шли и другие повстанческие части и большая часть Апшеронского полка под командой Гавриленко. В этих операциях участвовал небольшой, но хорошо вооруженный конный отряд хунзахцев под командой Атаева М. и пешие группы из Аварского округа.

На перевале часть конницы Гамид направил в сторону Агач-аула с заданием овладеть Тарки-Тау, другую – выслал вперед, под Атлы-буйон к подножью горы, а по шоссе вниз от перевала шла пехота с артиллерией в составе единственной пушки. Пушка эта в течение дня, пока протекали бои, была по занятому противником шоссе с последнего поворота у села Атлы-буйон. Под Атлы-буйоном от русского рабочего-железнодорожника нам стало известно, что Красная Армия, громя полчища Деникина, быстро продвигаясь по Северному Кавказу, заняла Хасавюрт и Чирюрт.

Командование деникинцев сосредоточило в Петровске свои последние и надежные силы – офицерские батальоны. Особенно упорное сопротивление оказали белые в районе нынешнего цементного завода. Два раза офицерские роты ходили в атаку. Это была интересная картина. Офицеры шли цепью пьяные, пошатываясь, у многих из них в левой руке видны были бутылки, а в правой поблескивали клинки, кителя были растегнуты, многие были без фуражек с растрепанными волосами. Шли вверх от шоссе без выстрела. Это была психическая атака.

Приказ – подпустить их на близкое расстояние. Ждем в напряженном состоянии, удивленные поведением противника, так смело и самоуверенно идущего вперед.

Враг уже совсем близко, не больше двухсот шагов. Партизаны нервничают, но команды открывать огонь еще нет.

На отдельно высунувшейся вперед большой скале высотой в три-четыре метра притаился Далгат Мургухский. Рядом бойцы. Неожиданно Далгат вскочил во весь рост и крикнул, обращаясь к остальным:

– До каких же пор, друзья, будем смотреть на них?! И в развевающейся черной бурке, как парящий орел, спрыгнул вниз, выхватил шашку и пошел на врага, не оглядываясь назад. В одно мгновение все партизаны последовали его примеру и пошли в контратаку.

Надо было видеть, как быстро изменилась картина. Передние группы офицеров начали отходить, ведя огонь из револьверов, а задние побежали за шоссе без оглядки. После провала этой атаки деникинцы стали с боем отходить.

Дело клонилось к вечеру. Мы получили распоряжение срочно двигаться на Тарки-тау, на соединение с остальными нашими конниками.

Прибыли в Агач-аул. Здесь нас догнал Б. Шеболдаев. Гамид остался в районе цементного завода. Группа конников первого взвода получила задание по тропинке подняться на гору, и установить, какие силы противника имеются там. Местные жители передавали, что там много войск, да и мы были уверены в этом. Сколько ни уговаривали с нами поехал и Шеболдаев.

Поднимались сначала на конях гуськом, а у самого перевала спешили. Борис с наганом в руке поднялся на перевал первым. Мы оказались в мелкоколесье, по которому проходила дорога на Тарки. Рассыпавшись, пошли осматривать плоскогорье и вышли на скалы над аулом Кяхулай и Тарки. На горе никого не оказалось. Послали связного к нашим. Отряд быстро поднялся на гору. Сюда же прибыл и Гамид.

Ночь. Под нами город в электрических огнях. Шеболдаев и Гамид совещаются как атаковать город. Вдруг снизу, на горной дороге, ведущей на Тарки-тау, выше ны-

нешнего Дома отдыха, слышались крики людей. Кричали нам, чтобы не стреляли, сообщали, что идет делегация от города. Выслали людей встречать их. Привели группу хорошо одетых горожан, человек шесть–восемь. Они заявили, что являются делегатами от городского самоуправления и населения города. Делегация прибыла просить не атаковать город, так как добровольцы уже погрузились на пароходы и отчалили в море.

После ухода делегации не прошло и двадцати минут, как в районе порта начали взрываться боеприпасы. Зарево от взрывов было настолько сильным, что на горе в момент сильных вспышек мы могли читать. Тогда в большинстве домов города не осталось оконных стекол. Нам стало ясно, что делегаты говорили вправду.

Наши бойцы были уже на конях. Пошли двумя дорогами. Под горой, за виноградниками, разбились на группы и широким потокам двинулись на город. Когда рассвело, далеко в море у самого горизонта маячали десяток больших кораблей. Долго стояли еще пароходы в море на виду у нас, они были неуязвимы. В районе маяка еще англичане установили на цементированные площадки два дальнобойных орудия, но к ним не было замков.

Вскоре после нас в город вошли передовые части Одиннадцатой Красной Армии. В строевом порядке их встречали наши части.

Русские красноармейцы и наши партизаны кричали ура, обнимались, радовались окончательной победе над врагом. Чувство братской солидарности и дружбы переполняла сердца всех.

Рабочие-отходники, безземельные и малоземельные бедняки-горцы, сражавшиеся за лучшую жизнь, за свою власть, хорошо понимали, что без русских рабочих и крестьян, составляющих эту славную Красную Армию, им никогда не удалось бы избавиться от старых порядков, от кулацко-помещичьей кабалы.

В этот день был такой инцидент: маленькая канонерская лодка отделилась от кораблей белых и незамеченная никем, подошла к берегу напротив железнодорож-

ного мостика, что в конце нынешней улицы Горького и, выпустив вдоль этой улицы пару очередей из пулемета, как пуля помчалась обратно. Это был последний взмах руки, последняя агония гибнущего противника.

Ночью корабли снялись с якоря и исчезли.

Установились первые дни мирной жизни. В округах стали организовываться Ревкомы и партийные ячейки. На места выехали уполномоченные.

В начале осени Гоцинский поднял в горах восстание против молодой Советской власти. Еще летом 20 года кулацко-мульские элементы, оставшиеся недовольными результатами борьбы с Деникиным, установлением Советской власти, пытались поднять голову, выступить против первых мероприятий Советской власти, против господства бедноты, которая начала осознавать свою роль и брала власть и влияние в ауле в свои руки.

Особенно яростно выступали кулацко-мульские элементы против вожаков бедноты – большевиков, против сельского революционного актива, сыгравшего большую роль в гражданской войне.

Организованные партией Политбюро в округах повели с такими выступлениями решительную борьбу. Вокруг этих чекистских органов спланивались все активные силы революции и вели борьбу с классовым врагом. Под их руководством беднота и устанавливала свое господство.

Выступления антисоветских элементов шло под разными предлогами. Они старались использовать всякую малейшую ошибку актива, старались дискредитировать вожаков бедноты и коммунистов, и открыто и скрыто выступали против них, саботировали мероприятия местных органов власти.

Особенно активно выступали они против гужевой повинности в связи с военными действиями в горах с бандами Гоцинского, против продразверстки, против продналога.

В более стесненном положении были реакционные верхи в революционных аулах, таких, как Урахи. Однако и здесь они пытались проявлять активность, хотя любая их попытка помешать строительству новой жизни была обречена на провал по той простой причине, что аул, трудовая масса которого состояла в основном из рабочих-отходников и малоземельных крестьян, с большой радостью встретивших Советскую власть, как итог своей борьбы и ради которого, начиная с 1918 года понес большие людские жертвы в борьбе с внутренней и внешней контрреволюцией, крепко оберегал свои завоевания.

Так же, как и в других местах в Урахи создавались первые органы Советской власти. Были организованы бедняцкие группы, кресткомы, кооперативы. В первую партийную ячейку аула, организованную мною, вступили до сорока мужчин и до десяти женщин. Беднота по собственной инициативе принимала большое участие не только в создании новой жизни и новых отношений между людьми в родном селе, но и в общегосударственных мероприятиях – сборе продналога, ликвидации мятежа Гоцинского и т.д.

Шестьдесят лучших красногвардейцев, красных партизан и командиров – урахинцев из отряда Г. Далгата в 1921 году добровольно вступили в отряд А. Богатырева и М. Карабудагова и, за исключением нескольких человек, под селением Мочох трагически погибли в борьбе против банд Гоцинского за утверждение нового Советского строя.

Так, под водительством великой партии большевиков, при братской помощи русского рабочего класса, рабочий-отходник дореволюционного дагестанского аула, малоземельный и безземельный крестьянин и пастух овечьих отар и искусный кустарь – все те, чей образ показан в этой книге – в смертельной схватке с классовым врагом, в огне революции победили внутренних и внешних врагов и завоевали право на счастливую жизнь.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Дорогой читатель! Вы прочитали книгу о событиях, которые происходили в Дагестане, в 1917-1921 годах. Маленькую горную страну, как и всю большую Россию, сотрясали революция и кровавая гражданская война. Она длилась почти четыре года и унесла жизни многих героев книги Абдурагима Далгата. В огне гражданской войны погибли Уллубий Буйнакский, Махач Дахадаев, многие их соратники, большие потери понесла противоборствующая сторона.

Как сложилась судьба самого автора книги – Абдурагима Далгата, тех, о ком он писал в своих мемуарах?

Лидеры белого движения Лазарь Бичерахов, Нухбек Тарковский и многие другие эмигрировали за границу и там закончили свои дни.

За заслуги в период гражданской войны Магомед и Гамид Далгаты, Д. Коркмасов и другие были награждены орденами Красного знамени.

Гражданская война, длившаяся почти четыре года, нанесла народному хозяйству Дагестана колоссальный урон. Необходимо было восстановить разрушенное и строить новую жизнь. Абдурагим пробует себя на различных участках работы, на которые направляло его руководство республики. Большое значение для развития Дагестана имело строительство дорог. Свой вклад в это важное дело внес и Абдурагим Далгат, который с 1930 по 1932 годы возглавлял Дагестанское дорожно-транспортное управление. Важной отраслью народного хозяйства Дагестана была легкая промышленность. Её развитию руководство республики уделяло большое внимание. Этот важный участок работы в 1932-1934 годах в качестве наркома легкой промышленности возглавил Абдурагим Далгат. В 1934-1935 годах ему было поручено возглавить наркомат юстиции ДАССР. На всех должностях Абдурагим работал с большим энтузиазмом. Он видел, что Дагестан меняется на глазах. Это было время,

когда в стране, и в Дагестане в том числе, происходила модернизация всех сторон жизни: коллективизация сельского хозяйства, индустриализация, культурная революция.

Активное участие во всех этих процессах принимали руководители борьбы за советскую власть в Дагестане.

Старший брат Абдурагима – Гамид Далгат после гражданской войны поступил в Академию Генерального штаба, а в 1924 г. по ее окончании, был направлен в Среднюю Азию на борьбу с басмачами. Затем он командовал 71 кавалерийским полком на Украине.

Есть фото 1927 г., сделанное на учениях Белорусского военного округа в Ново-Борисове. На ней командный состав, в первом ряду сидит Гамид Далгат, рядом с ним будущий маршал Тимошенко, в этом же ряду крайний справа – будущий маршал Жуков. В начале 30-х годов в Подмосковье Гамид Далгат командовал отдельной танковой бригадой, был комбригом.

В последствии, будучи преподавателем Кремлевского военного училища, а затем кафедры стратегии военной академии, он отдавал весь свой богатый военный опыт подготовке командного состава для Красной армии. В числе его слушателей были герои гражданской войны К. Ворошилов и С. Буденный.

Магомед Далгат, двоюродный брат Абдурагима, после окончания гражданской войны активно включился в строительство новой жизни в Дагестане. Будучи секретарем обкома партии, секретарем Даг ЦИКа, он внес большой вклад в экономическое развитие, культурное возрождение Дагестана. Строились промышленные предприятия, открывались ВУЗы и театры, была ликвидирована неграмотность. Республика была на подъеме.

Д. Коркмасов и А. Тахо-Годи были в составе дагестанской делегации в феврале 1921 г., прибывшей в Москву для участия в разработке проекта ВЦИК об образовании Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республики.

Д. Коркмасов с 1921 г. по 1930 г. был председателем Совета народных Комиссаров ДАССР, много сделал для расцвета экономики и культуры Дагестана. С 1932 г. по 1937 г. он работал в Москве на ответственных должностях.

Большие заслуги имел Д. Коркмасов и в области укрепления международных связей. В марте 1921 г. он, как член ВЦИКа, вместе с наркомом иностранных дел Г.В. Чичериным от имени РСФСР подписали договор о дружбе и братстве между Советской Россией и Турцией.

Большой вклад в строительство новой жизни в Дагестане внес А. Тахо-Годи. На посту наркома просвещения ДАССР он много сделал для строительства школ, подготовки кадров и учебников для них. Благодаря ему в 1924 г. в Махачкале был открыт краеведческий музей, который сейчас носит его имя.

В 1930 г. А. Тахо-Годи переехал в Москву, где работал в качестве заместителя заведующего отделом профобразования Наркомпроса. По его инициативе был создан Центральный научно-исследовательский институт национальностей, первым директором которого он и был назначен.

В строительстве новой жизни активно участвовали и другие борцы за власть Советов в Дагестане.

Но наступил 1937 г. В стране начались массовые сталинские репрессии. По ложному обвинению были арестованы Гамид Далгат, Магомед Далгат, Д. Коркмасов, А. Тахо-Годи и другие. Все они погибли в сталинских лагерях. 22 сентября 1937 г. был арестован и Абдурагим Далгат. В 1940 г. военным трибуналом Северо-Кавказского военного округа он был приговорен к заключению в исправительно-трудовые лагеря на 10 лет с поражением в правах на 5 лет. Отбывал наказание в Коми АССР, в Устьвинском районе, Микунском отделении Северных железнодорожных лагерей НКВД СССР до октября 1947 г. После отбывания наказания Абдурагим вернулся в Дагестан и работал в селении Гурбуки до октября 1948 г. К

нему стали приезжать его боевые товарищи – красные партизаны, которые не верили, что он «враг народа», считали несправедливым его осуждение. Все это не нравилось властям и 18 декабря 1948 г. он вновь был арестован и по постановлению Особого совещания при Министре госбезопасности СССР от 2 апреля 1949 г. выслан на поселение в Джамбульскую область Казахской ССР. 21 января 1956 г. Военная коллегия Верховного суда СССР отменила приговор военного трибунала СКВО от 14 января 1940 г. за отсутствием состава преступления.

Испытания, выпавшие на долю Абдурагима, не сломили его. Он вернулся к активной общественно-политической жизни: встречался и беседовал со школьниками, студентами, участвовал в телевизионных передачах. В 1967 г. за заслуги перед Отечеством Абдурагим был награжден орденом Ленина. В 1960 г. он издал мемуары «В огне революции». Прошло 57 лет, и мы решили переиздать их, поскольку новое поколение дагестанцев смутно представляет себе события, происходившие в Дагестане 100 лет назад. Кто были эти люди, за что боролись? Были ли они идеалистами или борцами за социальную справедливость? Абдурагим Далгат талантливо описывает события Октябрьской революции, гражданской войны, дает характеристику политическим деятелям того сложного времени. Особый интерес представляют социальный срез родового селения Урахи, описание разных слоев темирханшуринского общества и расклада политических сил накануне Октябрьской революции. Мемуары являются ценным источником по истории Дагестана начала XX в.

Умер Абдурагим Далгат в 1973 г. и похоронен в городе Махачкала. Надеюсь, что эта книга сегодня, как и в 60-е годы XX в., найдет своего читателя.

***Э.М. Далгат,
доктор ист. наук, профессор***

Буйнакский Уллубий (1890-1919)
Лидер борьбы за Советскую власть
в Дагестане и на Северном Кавказе.
Председатель Дагестанского обкома РКП(б)

Гамид Далгат (1895-1938)
Активный участник борьбы за Советскую власть
в Дагестане. Военачальник, комбриг.

Махач Дахадаев (1882-1918)
Один из организаторов борьбы
за Советскую власть в Дагестане.
Член Областного военно-революционного комитета.

Джалалутдин Коркмасов (1877-1938)
Один из руководителей борьбы за установление
Советской власти в Дагестане.
Председатель Совнаркома ДАССР.

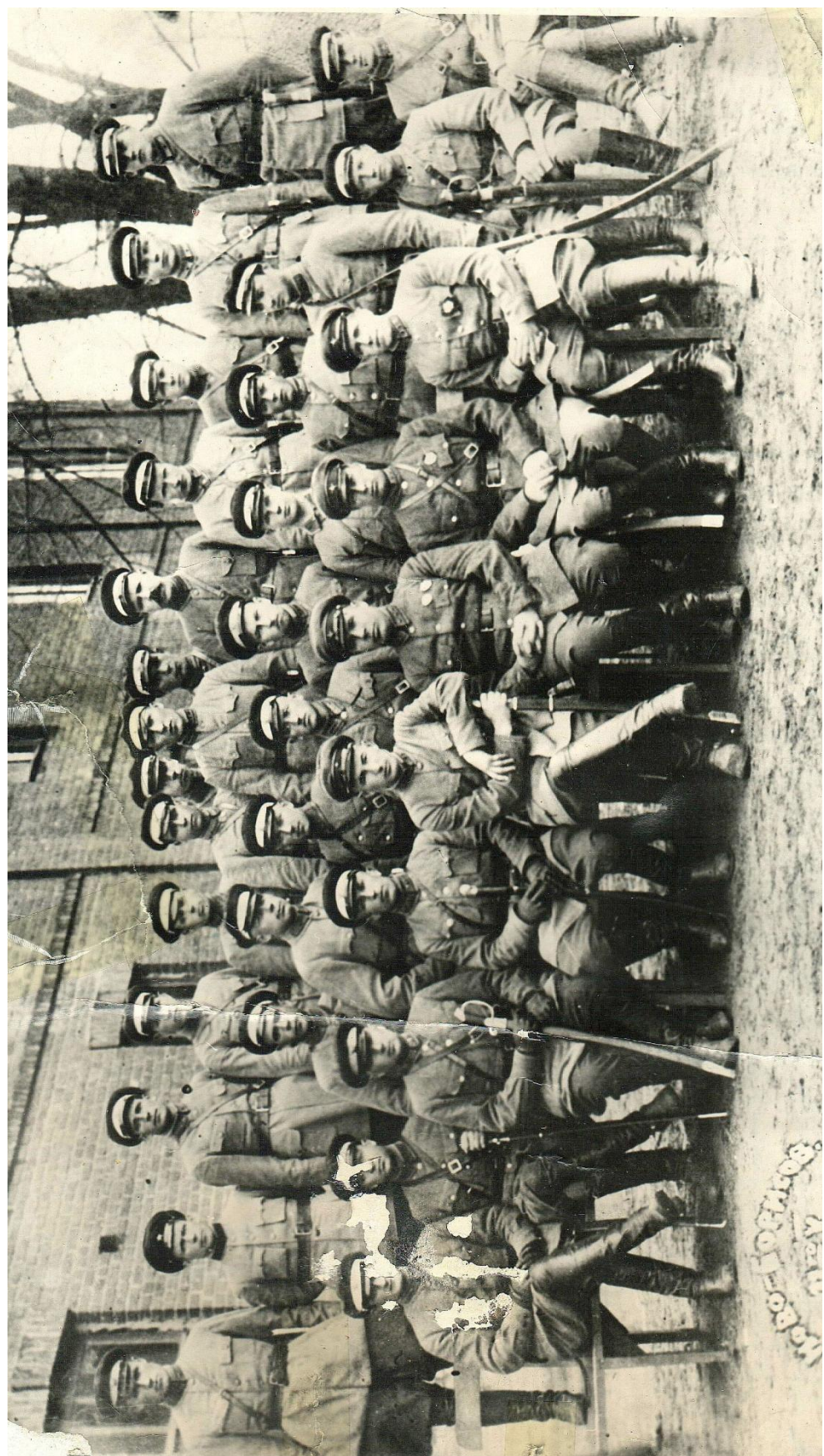
Магомед Далгат (1893-1942)
Активный борец за власть Советов в Дагестане.
Председатель ДагЦИКа, секретарь Даг обкома РКП(б).

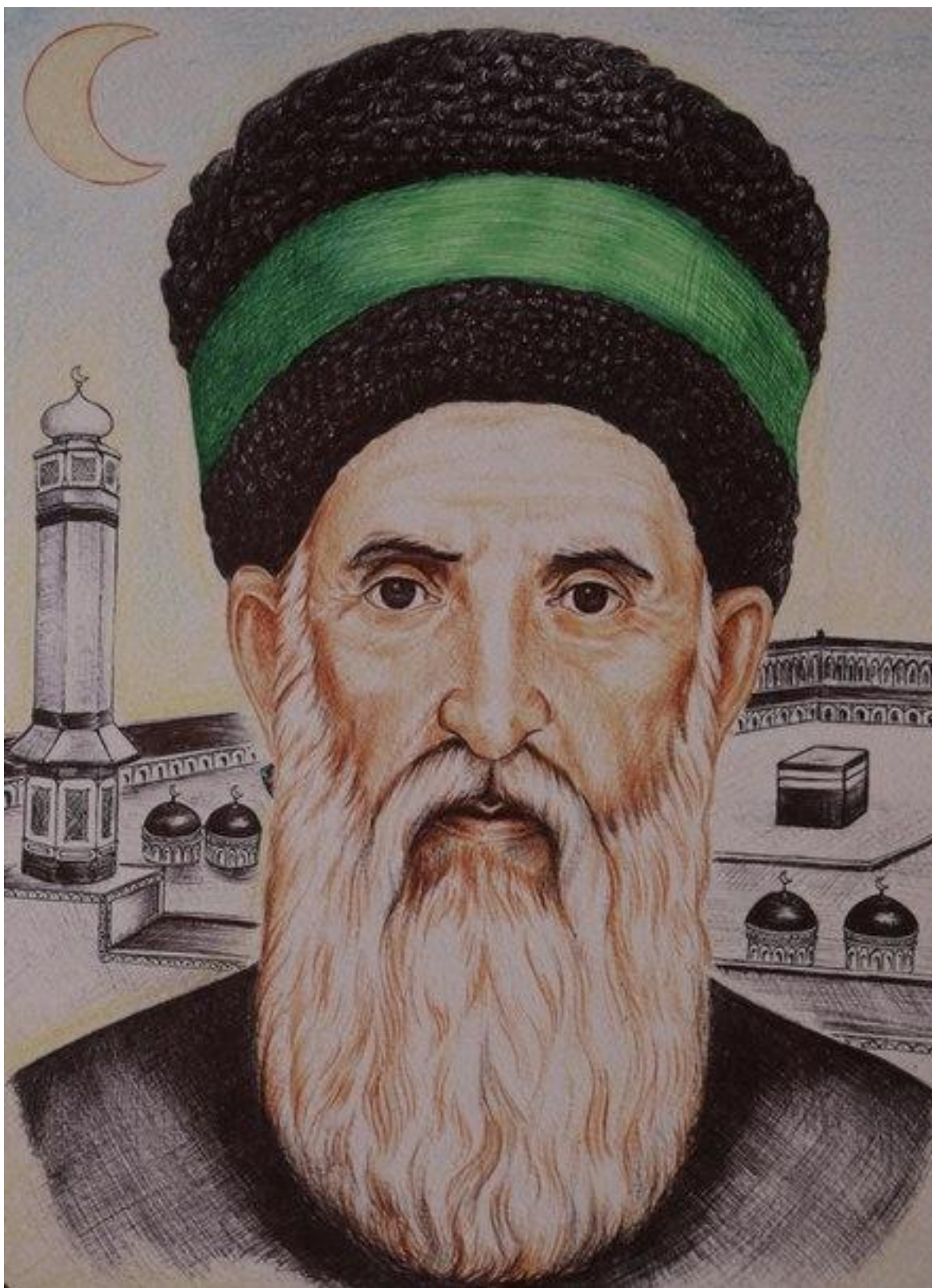
Алибек Тахо-Годи (1892-1937)
Активный участник борьбы за Советскую власть в Дагестане. Нарком просвещения и юстиции ДАССР.

**Зульпукаров Абдулмеджид (1881-1919)
Член Социалистической группы, активный участник
борьбы за Советскую власть в Дагестане.**

**Белорусский военный округ, Ново-Борисов, 11 мая 1927г.
Командный состав: в 1-м ряду 4-й слева сидит Гамид Далгат,
рядом с ним – будущий маршал Тимошенко, крайний справа –
будущий маршал Жуков.**

Али-хаджи Акушинский (1847-1930)
Шейх-Уль-Ислам Дагестана, один из духовных
лидеров Северного Кавказа.

Нух-бек Тарковский (1878-1951)
Один из лидеров контрреволюции.
Военный диктатор Дагестана.

**Арацханов Хаджи-Мурад (1880-????)
Полковник царской армии, сторонник Н. Гоцинского.**

Ибрагим-хан Мехтулинский
Царский офицер, активный участник борьбы против
установления Советской власти в Дагестане.

Лазарь Бичерахов (1882-1952)
Полковник царской армии, один из руководителей
борьбы против Советской власти в Дагестане.

Гоцинский Нажмутдин (1859-1925)
Лидер клерикально-феодалных сил, боровшийся
против Советской власти в Дагестане, муфтий.

**Узун-Хаджи Салтинский (1848-1920)
Религиозный и политический лидер
контрреволюции в Дагестане, создатель
Северо-Кавказского эмирства, шейх.**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая: Старый аул

Страницы прошлого	6
Утро аула	15
Пастухи.....	20
Урахинская верхушка.....	27
Малоземельные крестьяне	48
Хлеборобы.....	73
Сельская интеллигенция	80
«Темная компания»	88
Толкучка	92
Большой хабар	97

Часть вторая: Страна гор меняет облик

Новый мир.....	100
Лицо города	103
Военные	107
Школа	111
Жизнь меняется	115
Реалисты.....	120
Революционная молодежь.....	125
«Контрасты» – картины времени	130
Большевики	134
Подготовка сил	139
Конфликт нарастает.....	147
Первая схватка	153
Советы вернулись.....	158
Канун новых сражений.....	161
Первая большевистская организация.....	163
Аркас	168
Дженгутай.....	172
Неравная борьба	174

Часть третья: Партизаны

Бичерахов.....	177
Большевики в горах.....	180
Турки	185
Большевики в подполье	192
Июньское восстание.....	211
Деникинцы в горах.....	226
Народ начинает борьбу	234
В эмиграции	243
Бои за Дербент	261
Большевики действуют	267
Манас.....	281
Ая-кака.....	288
Будни суровой жизни.....	296
Авантюра Кязимбея.....	305
Последние схватки	312

ISBN 978-5-4242-0587-3

Художественное издание

Абдурагим Далгат

В ОГНЕ РЕВОЛЮЦИИ

Худ.	– <i>Асташев Э.</i>
Редактор	– <i>Османов Г.</i>
Художеств. редактор	– <i>Садыков И.</i>
Техн. редактор	– <i>Шахшаев П.</i>
Корректор	– <i>Калинникова З.</i>
Подготовка оригинал-макета	– <i>Сулейманов О.</i>
Дизайн обложки	– <i>Эскаева Г.</i>

Подписано в печать 23.10.2017 г.
Формат 60x84¹/₁₆. Печать ризографная. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Усл. п. л. 21,3. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии АЛЕФ, ИП Овчинников М.А.
367002, РД, г. Махачкала, ул. С.Стальского 50, 3 этаж
Тел.: +7 (8722) 935-690, 599-690, +7 (988) 2000-164
www.alefgraf.ru, e-mail: alefgraf@mail.ru